

Б.Г.Могильницкий

**ИСТОРИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
XX века**

Выпуск II

**СТАНОВЛЕНИЕ
“НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ”**

Б.Г. Могильницкий

**ИСТОРИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
XX ВЕКА**

Курс лекций

Выпуск II

СТАНОВЛЕНИЕ "НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ"

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2003**

УДК 930.01
ББК 63.3
М74

Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX
М74 века: Курс лекций. Вып. II: Становление "новой исто-
рической науки". – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 178 с.

ISBN 5-7511-1663-1

В книге рассматривается формирование "новой исторической науки", с которой связано радикальное обновление теоретико-методологических основ исторического познания в XX в. Большая ее часть посвящена характеристике деятельности французской школы "Анналов", находившейся у истоков такого обновления. Подробно рассматриваются идейно-теоретические взгляды и историческая практика М. Блока, Л. Февра и Ф. Броделя, а также различные течения современной неопозитивистской и евромарксистской историографии.

Для историков, философов и всех интересующихся историографическими и методологическими проблемами исторической науки.

УДК 930.01
ББК 63.3

Научный редактор – доцент И.Ю. Николаева
Рецензенты – доктор исторических наук Л.П. Репина
(Институт всеобщей истории РАН),
кандидат исторических наук, доцент А.Ю. Соломеин
(Томский политехнический университет)

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Института "Открытое общество" (Фонд Сороса).
Россия*

ISBN 5-7511-1663-1

© Б.Г. Могильницкий, 2003

ВСТУПЛЕНИЕ

Ведущей темой этого выпуска является преодоление общего кризиса исторической науки, совершившееся под флагом ее сциентизации. Тем самым определяется его структура, основное содержание и хронологические рамки. Их верхнюю границу составляет рубеж 60 – 70-х гг. прошлого столетия, когда западная историческая мысль в лице своих основных направлений успешно преодолела "кризис основ". В своем большинстве историки вновь обрели уверенность в научности их дисциплины, ее социальной значимости; стал утверждаться междисциплинарный подход как ведущая исследовательская стратегия в познании прошлого, что способствовало широкому вторжению в пространство истории методологических подходов других наук, в том числе естественных. Стремительно расширялось самое это пространство за счет захвата ранее недоступных историкам сфер прошлого.

Складывалась "новая историческая наука", противостоявшая не только нигилистическому отрицанию научности истории, но и старомодной традиционной позитивистской историографии. Вместе с тем она вобрала в себя достижения предшествующей исторической мысли. Наряду с "ренессансом М. Вебера" у истоков ее стояли различные течения неопозитивизма и неомарксизма, обращенные к изучению исторического прошлого. Но особенно значительная роль принадлежала французской школе "Анналов". Хотя основные идеи этой школы были сформулированы еще в предвоенное десятилетие, только в 1960 – 70-е гг. они становятся достоянием всего мирового сообщества историков, сделавшись мощным фактором трансформации исторической науки. Вот почему эта трансформация, представлявшая собою радикальное обновление теоретико-методологических основ исторического знания, не может быть понята без учета историографической практики "Анналов".

Так проясняется основное содержание данного выпуска. Большая его часть посвящена характеристике деятельности выдающихся "анналистов" М. Блока, Л. Февра и Ф. Броделя, не только теоретически сформулировавших, но и обосновавших в своих конкретно-исторических

исследованиях основные принципы построения "новой истории", оказавшиеся востребованными в мировой науке в 1960-е и, особенно, в 1970-е гг. в пору начавшейся методологической революции. Эти исследования определяют нижнюю границу принятых в настоящем выпуске хронологических рамок, которая приходится на 1920 – 30-е гг.

Как и в первом выпуске, подбор ученых, сквозь призму трудов которых выявляются существенные закономерности рассматриваемого здесь периода развития исторической мысли, носит избирательный характер, что неизбежно порождает определенные лакуны в его освещении. Вполне сознавая, что при таком подходе за пределами книги остаются взгляды многих ученых, внесших более или менее значительный вклад в становление "новой научной истории", автор ее вместе с тем полагает, что именно в учебном пособии круг рассматриваемых исследователей должен быть сведен к необходимому для осуществления его главной цели минимуму. В противном случае оно рискует превратиться в обширный перечень имен ученых, сопровождаемый краткой характеристикой или простым перечислением их трудов, свидетельствующий о несомненной эрудиции его составителя, но мало что дающий неискушенному читателю для глубокого понимания развития исторической мысли соответствующего периода, осмысленного в его ведущих тенденциях и закономерностях.

Такое понимание может быть достигнуто только путем достаточно обстоятельного анализа взглядов небольшого числа ученых, имена которых являются знаковыми для данного периода, инициировавших и/или наиболее ярко и полно выразивших его существенные черты. А это, в свою очередь, необходимо требует обращения к трудам этих ученых, позволяющим проследить логику их суждений, их методологию, понятийный аппарат, исследовательский инструментарий, аргументацию и т.п.

Иными словами, их теоретико-методологические построения будут рассматриваться в органическом единстве с исследовательской практикой. Причем этой последней предполагается уделить особенно большое внимание, так как, в отличие от первого выпуска, где преимущественно рассматривались взгляды ученых, оказавших значительное влияние на развитие исторической мысли XX в., но не являвшихся собственно историками, здесь пойдет речь главным образом о профессиональных историках. Поэтому будет необходимо не только обозначить историко-методологические взгляды этих ученых, но и проследить их претворение в исторической практике. Ибо всякий значительный историк интересен для нас прежде всего своими конкрет-

ными исследованиями. Именно они определяют его место в развитии исторической мысли. В своей совокупности они образуют ее, если можно так выразиться, концептуальную основу, выражая ведущие тенденции в ее развитии.

Возможно, в отдельных случаях характеристика конкретно-исторических взглядов представленных в этом выпуске авторов может показаться излишне растянутой. Оправданием служат научная значимость этих взглядов и, не в последнюю очередь, захватывающий интерес, который они вызывали, побуждавший к их максимально возможному в учебном пособии детальному анализу. А, главное, такой анализ в принципе составляет необходимую предпосылку изучения истории исторической мысли и, следует обязательно добавить, предпосылку очень важную. Ибо только таким образом мы сможем уйти от голого методологизма в ее освещении, раскрыть все ее богатство. Тем более такой анализ необходим в учебном пособии, призванном дать своим читателям основательное представление о наиболее значительных произведениях, воплощавших движение исторической мысли.

В рассматриваемый в этом выпуске период ведущие тенденции в развитии исторической мысли проявились главным образом в западной историографии. Поэтому она и составит его предметное поле. Трансформация западной историографии будет рассматриваться в контексте глобальных перемен, протекавших в это время в самой исторической действительности. Важнейшим из них стало преодоление общего кризиса капитализма. Мировая капиталистическая система, после череды катастрофических потрясений первой половины XX в., поставивших её на грань выживания, нашла внутренние потенции для глубокого структурного самообновления, а тем самым обрела, казалось бы, безнадежно утраченную историческую перспективу генетически связанная с капитализмом западная цивилизация с присущим ей сознанием неразрывной связи прошлого, настоящего и будущего.

ЛЕКЦИЯ I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ШКОЛЫ "АННАЛОВ"

В 1929 г. профессора Страсбургского университета (Франция) Марк Блок и Люсьен Февр основали журнал "Анналы экономической и социальной истории", давший название самой знаменитой в XX в. исторической школе, являвшейся во многих отношениях уникальной. В отличие от традиционных научных школ, характеризовавшихся единством исследовательской проблематики и методов ее изучения, она с самого начала демонстрировала широкий разброс и того, и другого. Мы с вами увидим это на примере творчества ее основоположников, существенно различавшихся между собою как в своих исследовательских предпочтениях, так и в методологических ориентациях.

В дальнейшем этот разброс настолько увеличился, что в новейшей литературе ставится под сомнение правомерность употребления самого понятия «школа "Анналов"». Ему противопоставляются альтернативные понятия, такие как «движение "Анналов"» и «дух "Анналов"».

Тем не менее понятие "школа Анналов" по-прежнему широко употребляется в науке и университетском преподавании. Буду использовать его и я, и не столько потому, что такое словоупотребление стало привычным. В ее деятельности существует нечто большее, поднимающееся над отдельными, пусть существенными, различиями, объединяющее, по крайней мере, два первых поколения "анналистов" и позволяющее говорить о научной школе.

Это "нечто" может быть определено как последовательная, целеустремленная и эффективная борьба за создание новой исторической науки, соответствующей реалиям XX в. В рамках "Анналов" усилиями нескольких поколений ученых была создана "новая история", обозначившая генеральный вектор всего последующего развития мировой исторической науки.

Но такое положение пришло к "Анналам" не сразу. На протяжении десятилетий они являлись единственной на Западе школой, противостоявшей релятивистско-презентистскому отрицанию способности истории давать научное знание о прошлом. Даже в начале 1960-х гг. они пред-

ставляли собою достаточно редкое явление. Вот как их характеризовал тогда известный методолог Х.С. Хьюз: "Кучка смелых историков во Франции пытается выяснить, остаются ли еще какие-нибудь твердые точки в том текущем мире, в который нас так жестоко бросили относительно в естественных науках и релятивизм исторических суждений"¹. Только позднее эта "кучка" перестает быть маргинальным интеллектуальным течением и становится влиятельнейшим фактором мирового исторического процесса, а сама ее деятельность определяется как "французская историческая революция" мирового значения².

Наконец, уникальность школы "Анналов" заключалась в ее политической и идеологической неангажированности, что особенно заметно проявилось в годы "холодной войны", когда "движение "Анналов", по словам И. Валлерстайна, предлагало мировоззрение, которое выражало сопротивление как англо-саксонской интеллектуальной гегемонии, так и склеротическому официальному марксизму"³.

Эта неангажированность отнюдь не означает социальную индифферентность. Напротив, одним из важнейших постулатов школы являлось утверждение тесной связи истории и жизни, что предполагало требование к историку занимать активную жизненную позицию. Примером служили основоположники школы. "Он был, – писал о М. Блоке Л. Февр, – великим историком не потому, что накопил большое количество выписок и написал кое-какие научные исследования, а потому, что всегда вносил в свою работу ощущение жизни, которым не пренебрегает ни один подлинный историк"⁴. Это ощущение жизни стало родовой чертой всей школы, обусловив ее активную социальную позицию.

К этой школе принадлежали или были активно с ней связаны многие замечательные французские историки, внесшие значительный вклад в становление "новой истории". Достаточно назвать имена Э. Лабрусса и Ж. Лефевра, составивших своими трудами целую эпоху в развитии французской исторической мысли XX в. Отдавая им должное, признаем, однако, что знаковыми фигурами в развитии французской и мировой историографии стали М. Блок, Л. Февр и Ф. Бродель. О них и пойдет речь в этой и следующих лекциях.

¹ Hughes H.S. *History as Art and as Science*. London. 1964. P. 15.

² См.: Burke P. *The French Historical Revolution. The Annales School, 1929-89*. Stanford, California, 1990.

³ Валлерстайн И. Что после «Анналов»? (Судьбы и перспективы историографического направления) // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 96.

⁴ Цит. по: Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 504.

1. Теоретические истоки

Уникальное положение школы "Анналов" в мировой историографии не может быть понято без учета ее генетической связи с европейской, в особенности французской, традицией, сообщившей ее построениям сильный социологический элемент. Он выражался прежде всего в последовательном отказе от фактографического отображения истории, равно как и от неокантианского разделения наук на индивидуализирующие и генерализирующие.

Основоположники "Анналов" были убеждены, что история является не эмпирической, а теоретической наукой – в том смысле, что она нуждается в теории как необходимом условии научного осмысления изучаемых ею явлений. Ибо, разъяснял Л. Февр, "без предварительной, заранее разработанной теории невозможна никакая научная работа. Мысленная конструкция, отвечающая нашей тяге к познанию, теория как раз и является наглядным примером научного опыта"⁵.

Но выработка такой теории необходимо предполагала обращение к помощи других наук, прежде всего социологии. Поэтому точнее даже говорить не просто о присутствии социологического элемента в исторической концепции "Анналов", а о его фундаментальном значении, во многом определявшем ее место в западной историографии.

Это значение было двояким. Во-первых, социологичность исторической концепции "Анналов" имела выраженную антипозитивистскую направленность, особенно заметно обнаружившуюся в творчестве ее основоположников. Провозглашавшаяся ими "новая история" по существу являлась антитезой традиционной эмпирической позитивистской историографии.

Во-вторых, что является для нас особенно важным, присущее "Аналам" социологическое начало обусловило их особое положение в тогдашней историографической ситуации с ее противопоставлением индивидуализирующего и генерализирующего подходов в изучении общественных явлений. Далеко опережая свое время, "анналисты" снимали

⁵ Февр Л. Бои за историю. С. 69. Обратите внимание на его терминологию, напоминающую рассматривавшееся в первом выпуске пособия учение М. Вебера об идеальном типе как мыслительной конструкции, являющейся инструментом научного познания истории. Имело ли здесь место прямое заимствование? Не знаю, да это и не существенно. Главное заключается в близости взглядов двух выдающихся мыслителей в самом понимании познавательного процесса. «Ренессанс М. Вебера», как одно из выражений преодоления общего кризиса исторической науки, поразительно соответствовал основополагающим представлениям школы «Анналов» о природе исторического знания.

это противопоставление. История и социология выступали у них не антагонистами, а союзниками, одинаково нуждающимися друг в друге.

Обычно выделяют два главных источника формирования общетеоретических представлений, лежащих в основании школы "Анналов". Это – социология Э. Дюркгейма и теория исторического синтеза А. Берра.

Эмиль Дюркгейм (1858-1917) – создатель французской социологической школы, обосновавшей выдающееся место социологии в системе наук о человеке как дисциплины, изучающей социальную реальность, не сводимую к био-психологической реальности отдельных индивидов. Дюркгейм отстаивал необходимость распространения рациональных методов на познание общества, которое рассматривалось как интегрированное целое, состоящее из взаимосвязанных элементов. Иными словами, это целостная система, органическими элементами которой являются экономические, географические и иные факторы, а также "коллективные представления" (общие идеи, верования, моральные нормы, мотивы деятельности), образующие в своей совокупности некоторую целостность, изучение которой требует применения по образцу естественных наук объективных методов.

Разработку таких методов исследования социальных фактов Э. Дюркгейм считал важнейшей научной задачей. Именно поэтому, оценивая значение созданной им социологической школы, М. Блок писал: "Наша наука многим ей обязана. Она научила нас анализировать более глубоко, ограничивать проблемы более строго, я бы даже сказал, мыслить не так упрощенно. О ней мы здесь будем говорить с бесконечной благодарностью и уважением"⁶.

Особенно большой вклад в формирование теоретических основ исторической концепции "Анналов" принадлежит Анри Берру (1863 – 1954). Обозначая его, Л. Февр говорил, обращаясь к А. Берру в день его восьмидесятилетия: "Все мы обязаны Вам нашими замыслами и свершениями во славу науки и ее прогресса; из разожженного Вами исплинского очага мы черпали жар для наших собственных начинаний, как бы они ни именовались..."⁷.

А. Берр вошел в историю исторической мысли как создатель теории исторического синтеза, постулировавшей, что история и философия должны стать двумя главными аспектами будущей науки, которая приобретет характер исторического синтеза. Это будет, полагал он, наука в одинаковой мере умозрительная и основанная на практике,

⁶ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд., доп. М., 1986. С. 12.

⁷ Февр Л. Бои за историю. С. 127.

одинаковой мере умозрительная и основанная на практике, ретроспективная и обращенная в будущее. Эта наука противопоставлялась утраченной общественное доверие фактографической "историзирующей истории". Последняя, по его убеждению, является донаучной историей, подменяющей строгие факты произвольными схемами и субъективными спекуляциями. Именно поэтому, считал Берр, история утратила связь с жизнью, восстановить которую призвана теория исторического синтеза.

Большой размах носила научно-организационная деятельность А. Берра. В 1900 г. он основал для пропаганды и развития своих идей "Журнал исторического синтеза", который в известном смысле являлся предвестником "Анналов". Другим важным его начинанием стало учреждение в начале 1900-х гг. серии "Монографии о провинциях", в которой были опубликованы первые крупные труды Февра и Блока. Позднее, в 1920 г. А. Берр в рамках "Библиотеки исторического синтеза" основал еще одну серию – "Эволюция человечества", в которой увидела свет книга М. Блока "Феодальное общество".

Старший современник и друг основоположников "Анналов", проживший в науке большую и плодотворную жизнь, А. Берр по праву может считаться непосредственным предшественником этой школы, вдохновителем многих ее идей.

Говоря о предшествовавшей "Анналам" социологической традиции, необходимо упомянуть о марксизме. В литературе можно встретить мнение об определяющем влиянии марксистской социологии на становление этой школы. Конечно, это сильное преувеличение. Отношение к марксизму в целом у основоположников "Анналов" было достаточно критическим. Для них являлась неприемлемой основная посылка исторического материализма о первичности бытия и вторичности сознания. Я уже не говорю об основавшемся на этом постулате марксистском революционизме.

Вместе с тем и Блок, и Февр проявляли серьезный интерес к Марксу, в той или иной мере отражавшийся на их собственных взглядах. О своем восхищении творчеством К. Маркса писал М. Блок, подчеркивавший, что в "области социального анализа не было никого сильнее его". Если когда-либо, добавлял он, "сторонники обновленной истории решат создать галерею своих предшественников, бюст бородатого старого рейнского пророка должен занять почетное место в часовне этой корпорации"⁸.

⁸ Цит. по: Далин В.М. Историки Франции XIX-XX веков. М., 1981. С. 189.

Это М. Блок писал в 1941 г. в своей книге "Странное поражение". А несколькими годами раньше свое отношение к Марксу выразил Февр в статье "Техника, наука и марксизм" (1935), представлявшей собою развернутую рецензию на сборник "При свете марксизма". "Совершенно очевидно, – писал он здесь, – что сейчас каждый сколько-нибудь образованный историк... неизбежно проникнут марксистским образом мышления... Даже если он не прочел ни одной строки Маркса, даже если он считает себя самым яростным "антимарксистом"... многие из идей, выраженных Марксом с таким мастерством, уже давно вошли в тот общий фонд, который составляет интеллектуальное сокровище целого поколения"⁹.

Особенно актуально сегодня звучит еще одна оценка Маркса, принадлежащая Февру. "Смерть марксизму!", – писал он в 1936 г., – этот лозунг гитлеровцев, провозглашаемый и повторяемый повсюду в Германии, свидетельствует по меньшей мере о том, что Маркс, тот Маркс, о котором нам каждый день твердят, будто его не существует более, – один из тех неумирающих людей, которых стараются убить или, вернее, создать иллюзию, что их убили"¹⁰.

Касаясь обсуждения вопроса об отношении "Анналов" к марксизму, точную мысль высказала известная современная американская исследовательница Н.З. Дэвис. "Несмотря на отсутствие прямых ссылок на Маркса, – писала она, – Л. Февр, например, усвоил некоторые из существенных идей марксистской историографии, возможно, из того же источника, что и Маркс, а возможно и потому, что некоторые понятия марксистской социальной истории были частью общего достояния французской историографии и даже западной науки в целом"¹¹. Сказанное в полной мере относится и к Блоку. Очевидно и направление влияния марксизма на "Анналы". Оно было связано с интересом к широким социологическим построениям и выработкой системного подхода к изучению прошлого¹².

Завершая тему влияния социологической традиции на основоположников школы "Анналов", подчеркнем, что оно никак не может рассматриваться как свидетельство их теоретической несамостоятельности. Об их критической оценке марксизма уже говорилось. Ее направленность

⁹ Далин В.М. Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981. С. 190.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ Дэвис Н.З. «Анналы» и проблема «субъекта-объекта» // Споры о главном. С. 121.

¹² Об отношении основоположников «Анналов» к марксизму см. также: Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. М., 1980. С. 70-76.

четко демонстрирует концептуальная статья Февра "Капитализм и Реформация" (1934). Она начиналась с признания неоспоримости научной заслуги Маркса, поставившего проблему связей и соотношений между капитализмом и Реформацией. Отмечая, что многие ученые – от М. Вебера до А. Пиренна – внесли свой вклад в ее решение, Февр подчеркивал: "Но зачинателем, тем, кто первым связал своей могучей рукою экономические факты (скорее угаданные им, чем проанализированные) с фактами политическими, интеллектуальными и религиозными, которые всеми до него рассматривались как самостоятельные, и, уж во всяком случае, каждый интуитивно отдал бы им первенство перед экономической, – этим человеком, бесспорно и несомненно, был Карл Маркс".

Но с Марксовым решением поднятой им проблемы Л. Февр категорически не согласен, так как, по его убеждению, в Марксе в еще большей степени, чем историк, сидит пророк. "А пророк знает только свою истину. Он полон ею. Он не видит ничего, кроме нее". С такой позицией, оборачивающейся экономическим детерминизмом, сражается Февр. Он рисует яркие, многоцветные образы людей XVI в. "А мы, историки, – завершает ученый свою статью, – мы воздаем им честь не как каким-то слепым и жалким гребцам, прикованным к скамье и надрывающимся всю жизнь на тяжелой и мрачной галере экономических необходимостей. Мы хотим, чтобы они стояли на высоком легком корабле, властвующем над волнами, и ловили в то мгновение, когда их поднимет волною, луч солнца, встающего из пучины"¹³.

Отчетливо проводилась демаркационная линия между марксистским философствованием и конкретным историческим исследованием. Тот же Февр, признавая, что каждый современный образованный историк неизбежно проникнут марксистским образом мышления, и призывая своих коллег-марксистов читать Маркса и Ленина и "собирать мед со всех этих цветов", вместе с тем подчеркивал: "Ваш мед, но не наш", хотя и признавал: "Дайте вкусить его нам – историкам".

Формулируя свое отношение к марксизму, Л. Февр недвусмысленно ставит себя как историка вне его. Ибо, по его убеждению, марксистская философия и историческая наука имеют различные сферы компетенции. Вот почему, кстати, он не употребляет термина "марксистская историография". Есть просто история, что и определяет его позицию по отношению к марксистской методологии. "Вы утверждаете, – обращается Л. Февр к своим марксистским коллегам, – что знаете методы, которые лучше, чем прежние. Раскройте их нам. Объясните их нам ясно, просто,

¹³ Февр Л. Бои за историю. С. 203, 204, 216.

без философских формул, без непременных ссылок на Гегеля, Маркса, Энгельса. Говорите конкретно с конкретными тружениками"¹⁴. Это был призыв к союзу между марксистской философией и историей, но к такому союзу, в котором бы первенствовала история.

То же можно сказать и об отношении основоположников "Анналов" к другим своим предшественникам. Так, давая высокую оценку социологии Э. Дюркгейма, М. Блок вместе с тем указывал в качестве крупнейшего ее недостатка на игнорирование человеческого фактора. Они, писал Блок о приверженцах этой социологии, "сознательно шли на то, чтобы оставить за пределами этой науки о людях многие реальные факты весьма человеческого свойства, которые, однако, казались им абсолютно не поддающимися рациональному познанию. Этот осадок они презрительно именовали "происшествием", сюда же они относили большую часть жизни индивидуума – интимно-личную"¹⁵. Мы с вами увидим, что здесь указываются как раз те недостатки, преодоление которых составило одно из основных направлений деятельности "Анналов" – изучение истории ментальности. А восхищение А. Берром и его "Журналом исторического синтеза" не мешало Февру основать вместе с Блоком собственный исторический журнал, ставший рупором новой школы, отнюдь не повторявшей зады своих предшественников.

Социологическая традиция, понятно, не исчерпывала круг предшественников "Анналов". В первую очередь следует назвать имя выдающегося французского географа Поля Виделя де ла Бланша (1845–1918). Недаром Блок называл его вместе с Дюркгеймом людьми, "которые оставили в исторической науке начала XX в. несравненно более глубокий след, чем любой специалист", хотя "не числились в ряду дипломированных историков"¹⁶. Основанная им так называемая гуманитарная или человеческая география, изучающая как влияние географической среды на человека, так и воздействие человеческой цивилизации на природную среду, существенно обогатила познавательный инструментарий "Анналов", усилив присущее этой школе гуманистическое начало.

Не продолжая далее обзор теоретических истоков "Анналов", подчеркнем их многообразие. Основатели школы с благодарностью вспоминали психологов, лингвистов, филологов, демографов, представителей других дисциплин, повлиявших на их научное становление. И, конечно, историков. Многих историков, именами которых усеяны тру-

¹⁴ Цит. по: Далин В.М. Историки Франции... С. 190

¹⁵ Блок М. Апология истории... 12.

¹⁶ Там же. С. 120.

ды основоположников школы "Анналов". Остановимся на двух из них, сыгравших особенно значительную роль в становлении школы.

Прежде всего это выдающийся бельгийский историк Анри Пиренн (1862-1935), автор получивших широкую европейскую известность трудов по экономической истории западноевропейского Средневековья, в особенности средневекового города, а также "Истории Европы". Об этой написанной в годы I Мировой войны в немецком плену книге, в основе которой лежали прочитанные для русских военнопленных лекции, М. Блок вспомнил в начале II Мировой войны – в посвящении своему старшему другу, предварявшем задуманную им книгу "История французского общества в рамках европейской цивилизации"¹⁷.

А. Пиренн – создатель оригинальной концепции генезиса западноевропейского феодализма, согласно которой переворот, приведший к гибели античной, по терминологии ученого средиземноморской, культуры, был связан не с вторжениями германских племен, а с исламом и арабскими завоеваниями VIII-IX вв. ("без Магомета не было бы Карла Великого"). Только после них в Западной Европе устанавливается феодальный строй, который Пиренн связывал с господством вотчины и натурального хозяйства, просуществовавший до XI в., когда началось возрождение торговли и стали расти города, где сразу же возникали капиталистические отношения.

Эта концепция оказала значительное влияние на формирование взглядов М. Блока на происхождение и природу западноевропейского феодализма, явственно проявившееся в его известном обобщающем двухтомном исследовании "Феодальное общество" (1939-1940). Оно также начиналось с описания арабских вторжений в Европу, прервавших торговлю между Западным и Восточным Средиземноморьем и сделавших неизбежным переход Западной Европы к натуральному хозяйству и феодализму. Вслед за бельгийским ученым Блок в своей трактовке "первого феодального периода" уделяет особое внимание торговле и т.п.

Представление об отношении основоположников "Анналов" к историческим построениям А. Пиренна дает статья Л. Февра "Общий взгляд на социальную историю капитализма" (1922), являющаяся развернутой рецензией на книгу бельгийского ученого "Периоды социальной истории капитализма". Не соглашаясь с отдельными положениями книги, например о правомерности использования понятий "капиталист" и "ка-

¹⁷ См.: Февр Л. В каком состоянии находилась рукопись «Ремесло историка» // Блок М. Апология истории. С. 115.

питалистический" применительно к людям XII в., в целом Февр дает восторженную оценку лежащей в ее основании концепции социальной истории Европы.

В частности, Февр усматривает непреходящую заслугу А. Пиренна в разработке инструментария дифференцированного социального анализа, способного усовершенствовать грубый язык традиционной социальной истории, знающий лишь одно слово "буржуазия" и не учитывающий одновременного существования разных классов буржуазии. Указывая, что в книге Пиренна "продемонстрировано разнообразие там, где слишком многие тяжеловесные конструкции пытаются насадить искусственное единообразие", Февр в заключение своей статьи писал: "Именно поэтому труды выдающегося ученого-историка Бельгии невозможно переоценить; они могут, они должны стать отправным пунктом новых исследований и новых, более точных концепций, к которым они возродили живой интерес как у закоренелых рутинеров, так и тех, кто идут впереди"¹⁸. Отправным пунктом, следует обязательно добавить, исследований и концепций будущих "анналистов".

Особенно большое влияние на формирование исторической концепции "Анналов" оказали теоретические воззрения А. Пиренна, понимавшего историю как универсальный, всемирно-исторический процесс, в котором разные народы проходят одинаковые стадии развития. Поэтому основным методом исторического познания он считал сравнительно-исторический¹⁹.

В статье, посвященной памяти М. Блока, Л. Февр вспоминал, какое неизгладимое впечатление произвел на них обоих прослушанный ими в 1921 г. в Брюсселе "потрясающий доклад о сравнительной истории, прочитанный этим удивительным человеком"²⁰. Сравнительный подход лег в основание широких исторических построений создателей школы "Анналов", их общего понимания истории, равно как и методологии их конкретно-исторических исследований.

Таков, например, был подход М. Блока к изучению аграрной истории средневековой Франции, исходившего из осознания того, что она не является самодовлеющей областью исторического знания, что решение

¹⁸ Февр Л. Бои за историю. С. 202.

¹⁹ Подробнее об исторических взглядах А. Пиренна см.: Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1985. С. 460-466. См. также: Садретдинов Г.К. К характеристике становления и эволюции общесторических взглядов Анри Пиренна // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1969. Вып. 6.

²⁰ Февр Л. Бои за историю. С. 133.

многих ее проблем лежит вне Франции, да и в ней самой имеются различные историко-климатические зоны, требующие сравнительного подхода к их изучению. Так достигалось понимание общего и особенного в истории французского феодализма. Особенно плодотворным было использование сравнительно-исторического метода в последней книге Блока о феодализме, где с его помощью была воссоздана впечатляющая панорама динамического развития западноевропейского феодального общества в органическом единстве всех сторон его жизни – экономической, социальной, интеллектуальной, духовной и правовой.

Наконец, последнее, но отнюдь не по своему значению. Выдающийся исследователь прошлого А. Пиренн всей своей деятельностью утверждал неразрывную связь прошлого и настоящего, истории и жизни. Не случайно к его авторитету обращался М. Блок, обосновывая значение современности для понимания прошлого. Он приводил примечательный разговор с мэтром во время их поездки в Стокгольм. Предложив в первую очередь посетить новое здание городской ратуши, он, как бы предупреждая удивление собеседника, добавил: "Будь я антикваром, я смотрел бы только старину. Но я историк. Поэтому я люблю жизнь". Указывая далее, что способность к восприятию живого является главным качеством историка, Блок подчеркивал необходимость непрестанно упражнять и развивать эти качества так, как это делал "сам Пиренн – постоянным контактом с современностью"²¹.

Так вырисовывается масштаб влияния А. Пиренна на основоположников школы "Анналов", воплотившегося в их фундаментальных историко-теоретических представлениях. С сочувственным вниманием следил маститый ученый за деятельностью своих более молодых коллег, оказывая действенную поддержку их начинаниям. Самое основание "Анналов" было осуществлено, по свидетельству Л. Февра, "не только с благословения, но и при неоценимом участии Анри Пиренна"²².

Гораздо менее масштабным, но все же значимым было влияние, в особенности на Л. Февра, историко-культурной концепции Й. Хейзинги, о которой шла речь в первом выпуске учебного пособия. Напомню, что книга голландского мыслителя "Осень средневековья" положила начало целому направлению в изучении прошлого, которое может быть обозначено как историко-культурологическое, открывшее мир ярких чувств и острых переживаний как предмет исторического изучения. Не употребляя понятие "история ментальностей", Хейзинга фактически сделал

²¹ Блок М. Апология истории. С. 27.

²² Февр. Л. Бои за историю. С. 8.

ее главной темой своего исследования, предвосхитив важное направление в деятельности "Анналов". Их обращение к коллективной психологии и, в особенности, эмоциональному миру людей прошлого было связано, по определению Февра, с "замечательной книгой" Хейзинги.

Наиболее полно свое отношение к этой, по другому его определению, "превосходной книге" Л. Февр выразил в большой статье "Чувствительность и история" (1941). Характеризуя в этой статье книгу Хейзинги, а отчасти и полемизируя с ней, он оценил ее как важный отправной пункт для дальнейших исследований. "...Попытка реконструкции эмоциональной жизни определенной эпохи, – писал он, – задача крайне соблазнительная и в то же время чудовищно трудная. Но что с того? Историк не имеет права отступать"²³.

О том значении, которое Февр придавал методологии Хейзинги, свидетельствует его написанная в это же время рецензия на книгу М. Блока "Феодалное общество". В рецензии, как и следовало ожидать, дается высокая оценка этой "прекрасной книге". Вместе с тем Февр отмечает ее недостатки, примечательным образом обращая при этом к авторитету Хейзинги. Речь идет о недостаточном, по мнению рецензента, внимании автора книги к сфере чувств. Если он с удовлетворением замечает, что в своем анализе "духа эпохи" Блок следует за Хейзингой, то к изображению в книге феодалов предъявляются претензии. "Мне представляется, что феодалы, как их изображает Марк Блок, и в самом деле уж слишком мало чувствительны", – пишет Л. Февр и добавляет: "Между тем сколько интересного можно было бы позаимствовать из того, что написал недавно Хейзинга в своей "Осени средневековья"²⁴.

Но не только гуманитарная мысль стояла у истоков "Анналов". Вспомним, в начале XX в. развертывалась революция в естествознании, оказавшая огромное влияние на все сферы научного знания. Не стала исключением и история, радикально переменившая свои эпистемологические основания. Поднималась мощная волна релятивизма, следствием которой стало не только отрицание объективности исторического познания, но и в последнем счете утрата историей своего научного статуса.

Этой волне противостояла марксистская историческая мысль, продолжавшая в духе парадигмы XIX в. отстаивать научность истории. Приходится, однако, признать, что в рамках ортодоксального марксизма (В.И. Ленин, Г.В. Плеханов) революция в естествознании не получила адекватного истолкования. Сосредоточивая свое внимание на критике

²³ Февр. Л. Бои за историю. С. 17.

²⁴ Там же. С. 157. Ср.: С. 149, сн. 3.

релятивизма и агностицизма, его теоретики упустили из виду глобальный характер влияния этой революции на историческую мысль, которое не могло быть сведено к тем или иным негативным последствиям. История в XX в. в своей эпистемологии просто уже не могла быть такой, какой она была в XIX столетии. Игнорирование этого решающего обстоятельства неминуемо обрекло историческую мысль на некоторую "старомодность", отставание в развитии, способствовало приобретению ею того склеротического налета, о котором говорил И. Валлерстейн.

В этой ситуации, поставившей историческую науку между Сциллой агностицизма и Харибдой догматизма, "Анналы" явились единственной школой, предпринявшей позитивное осмысление "великой драмы относительности" (Л. Февр), открывшей новую главу в истории исторической науки. Рухнули механистические представления о существовании жесткой каузальной связи между элементарными явлениями мира, где одна причина неизбежно порождает единственное следствие. В науку вошли понятия случайности и вероятности, выражавшие саму природу познавательного процесса.

С другой стороны, углубилось, получив естественнонаучное обоснование, понимание системного подхода в научном познании. Я имею в виду решение естествознанием проблемы "мир как система". Уже в теории относительности пространственно-временной мир заполнен бесконечными по своей сложности взаимодействующими системами. Затем наступил черед квантовой механики, связавшей элементарные частицы с метагалактикой. Наконец, следует упомянуть появление органических концепций в биологии, экологии, психологии. Как писал Л. Февр, подытоживая значение революции в естествознании: "Тот современный мир, которым мы так гордились, который был удобным поприщем для нашей деятельности, вселявшей в нас уверенность в непоколебимости раз и навсегда усвоенных убеждений... – все это рушилось целыми пластами под неустанным напором новых идей, под воздействием подземных толчков, расшатывавших и потрясавших вековые устои физики"²⁵.

В такой насыщенной новыми идеями интеллектуальной атмосфере формировалась школа "Анналов", являвшаяся достойной наследницей французской просветительской и демократической мысли. Недаром в творчестве "анналистов" красной нитью проходило обращение к ее корифеям. Прежде всего Вольтеру и Мишле.

²⁵ Февр Л. Бои за историю. С. 18.

2. Историческая концепция школы "Анналов"

Историческая концепция "Анналов" складывалась в борьбе с традиционной позитивистской историографией, отсталость которой особенно рельефно выступала в свете успехов гуманитарной и естественнонаучной мысли начала XX в. По определению М. Блока, это была "наука, переживающая детство". Или, уточняет он свою мысль, "лучше сказать: состарившаяся, прозябавшая в эмбриональной форме повествования, долго перегруженная вымыслами, еще дольше прикованная к событиям..."²⁶.

Полную сарказма, заставляющую вспомнить ницшевскую критику "чрезмерности истории", оценку традиционной истории давал Л. Февр. В конце XIX в., писал он, история "царила повсюду: в лицах, битком набитых дипломированными историками, в университетах, украшенных кафедрами истории, в специальных учебных заведениях, где процветал ее культ. Переливаясь через край, она растекалась оттуда по все направлениям системы образования, по ректоратам и высоким постам народного просвещения. Будучи гордой и могучей в общественной сфере, она и в сфере духовной была так же самоуверенна – но чуточку сонлива"²⁷.

Это была с грехом пополам сложенная из формул, заимствованных у Ог. Конта и других позитивистских авторитетов, лишенная философского взгляда на мир и свою собственную природу фактографическая история, имевшая дело с одними только текстами, их изучением и толкованием. "И вот, – заключал Февр, – наступило пробуждение, внезапное и тягостное. Пробуждение в разгар кризиса, в пору сомнений"²⁸. Пробуждение, наступившее после безжалостного, истребившего два поколения смертоносного урагана мировой войны и, добавлю, показавшего социальную несостоятельность дисциплины, еще недавно самоуверенно претендовавшей быть учительницей жизни, но не сумевшей ни предотвратить мировую бойню, ни даже предвидеть ее.

В этой критике основоположники "Анналов" не были оригинальны. Достаточно вспомнить, с какой горечью писали после I Мировой войны о банкротстве своей дисциплины американские историки-релятивисты, о чем шла речь в первом выпуске учебного пособия. Но в отличие от своих заокеанских коллег, они говорили о кризисе и банкротстве лишь определенной формы историописания, но не исторической науки в целом.

²⁶ Блок М. Апология истории. С. 11.

²⁷ Февр Л. Бои за историю. С. 10-11.

²⁸ Там же. С. 17.

Напротив, по глубокому убеждению "анналистов", история обладает огромным научным потенциалом, обуславливающим ее социальную полезность. Отсюда проистекал выраженный оптимизм, пронизывавший их суждения о послевоенной историографической ситуации. То, что для американских релятивистов означало банкротство исторического знания, для них было всего лишь предметом сарказма. Ибо, полагал Л. Февр, сомнения тех, кто потешался над "банкротством истории", были легковесными. Нет, утверждал он, ничего особенно интересного для историков в том, чтобы "обвинять историю в том, что она не сумела ничего предвидеть и предсказать; иронизировать над крушением выработанных ею "законов", высмеивать их несостоятельность и т.п."²⁹

Это не означало, что историческая наука не переживала кризис, порожденный социальными потрясениями начала XX в. и революцией в естествознании. По образному выражению Февра, все здание истории было "покрыто трещинами". Но это стало для него не поводом для самобичевания, а сигналом к действию, "к восстановлению истории"³⁰. Впрочем, точнее было бы говорить не о восстановлении, а о создании новой истории, которая соответствовала бы радикально изменившимся социальным и научным реалиям, преодолев пропасть между объективной сферой природы и субъективной сферой человеческого духа.

Ниже я попытаюсь охарактеризовать некоторые фундаментальные черты исторической концепции школы "Анналов", дающие в своей совокупности представление о той науке, за которую всю свою творческую жизнь боролись создатели школы.

1. Неразрывная связь прошлого и настоящего. "История для жизни" – так можно сформулировать кредо "Анналов". Жизнь необходима для истории, история – для жизни. Собственно, история является неотъемлемым элементом жизни, воплощающим органическую связь времен. Эту связь М. Блок выразил в формулах: "Понять настоящее с помощью прошлого" и "Понять прошлое с помощью настоящего".

Посмотрим, какой смысл он вкладывал в эти формулы. Отвергая "привилегию самопонимания, которую приписывают настоящему", Блок на различных примерах показывает, что "незнание прошлого неизбежно приводит к непониманию настоящего", в частности, и потому, что "нет истинного познания без шкалы сравнения". Эту шкалу представляет опыт прошлого, неизмеримо более широкий, чем единичный,

²⁹ Февр Л. Бои за историю. С. 18.

³⁰ Там же. С. 19.

по терминологии французского ученого, опыт, имеющийся у людей настоящего. Чем значительнее явления современности, тем бессильнее данные единичного опыта для их понимания³¹.

Отсюда проистекает социальная полезность исторической науки, аккумулирующей и интерпретирующей опыт прошлого, который она делает достоянием современности. Но это не конъюнктурный набег на прошлое с целью обоснования того или иного политического решения или идеологического лозунга. Исследовательская практика "Анналов" была далека от современности. Ее предметом являлись разнообразные аспекты истории западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени, изучение которых, разумеется, никак не было связано с решением каких-либо прагматических вопросов современности. Но оно давало нечто неизмеримо большее, обогащая понимание человека в истории, а значит, и всего социального универсума, в центре которого находится действующий, мыслящий и чувствующий человек.

Столь же тщетно пытаться понять прошлое, абстрагируясь от настоящего. Пожалуй, этот тезис получил в исторической концепции "Анналов" особенно убедительное обоснование. Ученый, с головой погруженный в прошлое, далекий от жизни людей своего времени с их интересами и заботами, тревогами и радостями, не может называться историком. Он антиквар, влюбленный в старину. Историк же, писал Блок вслед за Пиренном, любит жизнь и продолжал: "Способность к восприятию живого – поистине главное качество историка". Эту способность следует непрестанно упражнять и развивать путем постоянного контакта с современностью. "Ибо в ней, в современности, – пояснял Блок, – непосредственно доступен нашим чувствам трепет человеческой жизни, для восстановления которого в старых текстах нам требуется большое усилие воображения"³².

Развивая эту мысль, М. Блок формулирует примечательную особенность исторического познания, выражающую влияние современности на сам познавательный процесс. Это влияние может быть обозначено формулой: "Знание настоящего помогает понять прошлое". "По правде сказать, – пишет он, – мы сознательно или бессознательно в конечном счете всегда заимствуем из нашего повседневного опыта, придавая ему, где должно, известные новые нюансы, те элементы, которые помогают нам воскресить прошлое". Современность чеканит сам язык историка, придавая смысл понятиям, которые используются для характеристики ис-

³¹ См.: Блок М. Апология истории. С. 25-27.

³² Там же. С. 27-28.

чезнувших состояний души и отмерших социальных форм. Поэтому, заключал Блок, "думается, что великий математик будет не менее велик, если пройдет по миру, в котором он живет, с закрытыми глазами. Но эрудит, которому не интересно смотреть вокруг себя на людей, на вещи и события, вероятно, заслуживает, чтобы его, как сказал Пиренн, назвали антикварным орудием. Ему лучше отказаться от звания историка"³³.

Тут же мысль, обращаясь к молодым историкам, с большой эмоциональной силой выразил Л. Февр. "Чтобы творить историю, – призывал он, – повернитесь спиной к прошлому. Прежде всего – живите. Вмешивайтесь в жизнь. Во все многообразие духовной жизни... История не должна вам казаться сонным кладбищем, по которому бродят одни только бесплотные тени. Вам нужно ворваться в старый безмолвный дворец, где она спит вечным сном, – ворваться с бою, дыша жаром схватки... и настезь распахнув окна, наполнив дворец светом и шумом, вдохнуть собственное дыхание, юное и горячее, в оледеневшие уста спящей красавицы"³⁴.

Итак, чтобы быть настоящим историком, нужно, говоря словами Февра, "работать в согласии с ритмом своего времени"³⁵, быть в гуще жизни, чтобы понимать прошлое и, соответственно, изучать прошлое, чтобы понимать жизнь и настоящее. Тем самым снималась дилемма, прошлое или настоящее является предметом изучения истории³⁶. Эту позицию "Анналов" с афористической четкостью выразил М. Блок, указывавший, что "есть только одна наука о людях во времени, наука, в которой надо непременно связывать изучение мертвых с изучением живых"³⁷.

Вы, наверное, обратили внимание, что все вышеприведенные рассуждения основоположников "Анналов" фокусировались вокруг человека в истории. Он вызывал их главный интерес. В нем воплощается связь времен. Он придает смысл самой нашей дисциплине, представляя *ultima ratio* всех занятий историей. Он делает ее "живой историей". Так мы переходим к освещению следующей черты исторической концепции

³³ См.: Блок М. Апология истории. С. 28.

³⁴ Февр Л. Бон за историю. С. 37.

³⁵ Там же. С. 38.

³⁶ См. ее крайнее выражение в философско-исторической мысли XX в.: «История является наукой о самом строгом настоящем» (Х. Ортега-и-Гассет) – на одном ее полюсе и «Рассказанная история может быть только историей прошлого. Настоящего вообще нет, так как сущность человека кристаллизуется в момент его смерти» (Ж.-П. Сартр), – на другом (Цит. по: Stern A. *Philosophy of History and the Problem of Values*. Mouton. 1962. P. 19, 21).

³⁷ Блок М. Апология истории. С. 29.

"Анналов", может быть, в наибольшей степени выражающей ее сущностное начало.

2. Гуманизация истории. История, подчеркивали основоположники школы, – это наука не о вещах или явлениях, а о человеке. Это история человека в самом широком смысле слова. Точнее говоря, история людей. Ибо, пояснял М. Блок, "науке о разнообразном больше подходит не единственное число, благоприятное для абстракции, а множественное, являющееся грамматическим выражением относительности"³⁸.

Итак, история – наука о людях во времени. Ее подлинный и единственный предмет – люди, так как они являются творцами всех социальных, политических, религиозных и иных учреждений, правовых форм и экономических отношений, произведений искусства и технических изобретений. Приведу знаменитые слова Блока. "За зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, – писал он, – за самыми, казалось, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет увидеть людей. Кто этого не усвоил, тот, самое большее, может стать чернорабочим эрудиции. Настоящий же историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечиною, там, он знает, его ждет добыча"³⁹.

Но предмет истории – не абстрактный человек и не просто люди во времени. История имеет дело с людьми, живущими в обществе и, следовательно, является социальной наукой. Она, подчеркивал Л. Февр, "не интересуется каким-то абстрактным, вечным, неизменным по сути своей человеком, всегда подобным самому себе, – но людьми, рассматриваемыми в рамках общества, членами которого они являются, членами этих обществ в определенную эпоху их развития – людьми, обладающими многочисленными обязанностями, занимающимися всевозможными видами деятельности, отличающимися различными склонностями и привычками, которые перемешиваются, сталкиваются, противоречат одна другой, но в конце концов приходят к компромиссному соглашению, устанавливая некий *modus vivendi*, который называется Жизнью"⁴⁰.

Обратите внимание на последовательный историзм, пронизывающий эти высказывания Февра, утверждающий необходимость конкретного исторического подхода к изучению не просто людей в обществе, а лю-

³⁸ Блок М. Апология истории. С. 17-18.

³⁹ Там же. С. 18.

⁴⁰ Февр Л. Бон за историю. С. 26.

дей, живущих в определенное историческое время, в определенной социальной среде, в процессе многообразных форм деятельности которых вершится история. При этом акцентировалось исследование внутреннего мира человека, его переживаний в контексте его многофункционального поведения.

"Анналы" не были первой школой, декларировавшей творческую роль человека в истории. Достаточно вспомнить известную формулу Ф. Энгельса о том, что история есть "не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека"⁴¹, определявшую место ее в системе марксистских наук об обществе. Однако человек в марксистской социологии – это "человек экономический", являющийся выражением и функций определенных экономических отношений. Точно так же, как в других философско-исторических системах на передний план выдвигался "человек политический", "человек религиозный" и т.п. При всем значении этих ипостасей человека, в особенности экономической, каждая из них, взятая по отдельности, не могла дать полного, объемного представления ни о человеке, ни о творимой им исторической действительности.

Заслуга основоположников "Анналов" состоит в том, что они первыми осознали необходимость изучения человека во всех его ипостасях как существа многомерного. "Человека, – предупреждал Л. Февр, – невозможно разъять на части – он погибнет". "Человек в нашем понимании, – продолжал он далее, выражая сокровенную суть позиции "Анналов", – является средоточием всех присущих ему видов деятельности; историку позволительно с особым интересом относиться к одному из этих видов, скажем к деятельности экономической. Но при единственном условии: нельзя забывать, что любой из этих видов всегда затрагивает целиком всего человека – в рамках обществ, созданных им самим"⁴².

Такому многомерному существу Февр находит точный эпитет: "социальный". Этот эпитет, пишет он, "лишний раз напоминает нам, что предмет наших исследований – не какой-нибудь фрагмент действительности, не один из обособленных аспектов человеческой деятельности, а сам человек, рассматриваемый на фоне социальных групп, членом которых он является"⁴³.

⁴¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.2. С. 102.

⁴² Февр Л. Бои за историю. С. 26-27.

⁴³ Там же. С. 27.

Так обосновывается ещё одна базисная черта исторической концепции "Анналов": представление об истории как глобальной науке об обществе, центрирующейся вокруг человека. Ибо изучение такого многомерного существа возможно лишь в контексте глобальной истории, охватывающей все аспекты его деятельности.

3. История как глобальная наука об обществе. Понимание человека в истории как существа социального, синтезирующего все стороны человеческой деятельности, неизбежно вело к радикальному переосмыслению самой природы нашей дисциплины. Место "частных историй" (политической, экономической, религиозной, истории культуры и т.п.) должна была занять единая наука о человеческом обществе, которая бы интегрировала данные всех гуманитарных дисциплин. Этой наукой могла быть только глобальная история, изучающая прошлую действительность во всех составляющих её элементах. Ибо, предупреждал М. Блок, цивилизация не похожа на пасьянс с механически подобранными картами. Знание фрагментов исторического целого, изученных по отдельности, никогда не приведёт к познанию целого. Более того, оно не даёт понимания и этих фрагментов⁴⁴. Так декларировался принцип системности как основополагающий подход к изучению прошлого.

Надо сказать, что обращение к системному подходу в истории связано с марксизмом, который привнес в изучение прошлого принцип системности. Современные исследователи усматривают главную заслугу Маркса и Энгельса в том, что "они постулировали системность социальной структуры общества" (А.Я. Гуревич). Марксов "Капитал" может рассматриваться как классический пример системного исследования общества. Вместе с тем марксистской трактовке принципа системности были присущи экономический редукционизм и априоризм, т.е. сведение всего многообразия источников исторического развития к единственному априорно (научно не доказанному) декларируемому экономическому началу.

Этот недостаток был преодолен школой "Анналов" в значительной мере благодаря революции в естествознании (вспомните: "Мир – система, несводимая к какому-либо одному началу"). Можно по-разному относиться к известному положению М. Блока о том, что предмет истории "в точном и последнем смысле – сознание людей"⁴⁵. Сегодня, например, очевидно, что вне этой формулы остается огромный пласт бессозна-

⁴⁴ Февр Л. Бои за историю. С. 88.

⁴⁵ Блок М. Апология истории. С. 86.

тельного. Однако очевидно и другое. Такое определение предмета истории позволяло осуществить последовательный системный анализ прошлого, так как самые разнообразные его аспекты связаны с индивидуальным или коллективным сознанием.

Важно подчеркнуть, что в рамках школы "Анналов" уже на первом этапе ее деятельности системный подход не просто декларировался, но и предпринимались удачные попытки его реализации в практике исторического исследования. Самая впечатляющая из них содержится в книге М. Блока "Феодалное общество". Это общество рассматривается как система, все элементы которой тесно связаны между собою и находятся в сложном динамическом взаимодействии. Эта книга состоит из двух томов; один из которых называется "Формирование связей зависимости", а второй – "Классы и управление людьми". Я кратко охарактеризую содержание первого тома, позволяющее особенно рельефно представить исследовательский метод автора, основывающийся на принципе системного анализа многообразного конкретного исторического материала⁴⁶.

В качестве примера приведу главу "Материальные условия и характеристика экономики" (из второй книги первой части этого тома). Она начинается с выделения двух феодальных периодов, временную границу между которыми составляет середина XI в., и демографической характеристики первого из них. Отмечается ничтожная плотность населения и неравномерность его распределения, крайняя неразвитость коммуникаций, следствием чего явилась неразвитость человеческих связей. Затем характеризуется "экономическая революция" второго феодального периода, которая с 1050 до 1250 г. преобразует облик Европы. Вследствие демографического подъема происходит "сближение человеческих групп", преодоление их прежней изолированности, усиление или консолидация влиятельных сил, таких как городская буржуазия, короли и герцоги, устанавливаются и укрепляются связи с другими цивилизациями. Запад из импортера превращается в мощного поставщика ремесленных изделий.

Эволюция европейской экономики, продолжает Блок, влекла за собою переоценку социальных ценностей и усложнение структуры общества. Прочно утверждается в городском быту и всей жизни средневекового общества купеческий класс, так как, замечает ученый, в средневековой экономике всегда господствовал не производитель, а торговец.

⁴⁶ Эта характеристика основывается на пространных извлечениях из первого тома, опубликованных в приложении к русскому переводу книги «Апология истории».

Так, заключает он, "рожденный в весьма редко сотканном обществе, где торговля мало что значила, и деньги были редкостью, европейский феодализм глубоко изменился, когда ячейки человеческой сети уплотнились, а обращение товаров и звонкой монеты стало более интенсивным"⁴⁷.

Еще интереснее следующая глава "Особенность чувств и образа мыслей", реконструирующая широкую панораму ментальных представлений средневекового человека. Она начинается с освещения его отношения к природе и времени. Социальная жизнь, пишет Блок, развивалась на архаическом фоне подчинения человека неукротимым силам, несмягченным природным контрастам. Яркими штрихами он рисует влияние их на мировосприятие средневекового человека, на его душевную жизнь. Высокая детская смертность притупляла чувства, привыкшие почти к непрерывному трауру, частые эпидемии в сочетании с повседневным насилием придавали человеческому существованию как бы постоянный привкус бренности. В этом Блок усматривает одну из главных причин неустойчивости чувств, столь характерную для психологии феодальной эпохи, в особенности в ее первый период.

Характеризуя эту психологию, М. Блок специально отмечает удивительную восприимчивость средневековых людей к так называемым сверхъестественным явлениям, заставлявшую их постоянно с почти болезненным вниманием следить за всякого рода знаменаниями, снами, галлюцинациями. "Никакой психоаналитик, – пишет он, – не копался в своих снах с таким азартом, как монахи X или XI в." – и продолжает: "Взрывы отчаяния и ярости, безрассудные поступки, внезапные душевные переломы доставляют немалые трудности историкам, которые инстинктивно склонны реконструировать прошлое по схемам разума; а ведь все эти явления существенны для всякой истории и, несомненно, оказали на развитие политических событий в феодальной Европе большое влияние, о котором умалчивают лишь из какой-то глупой стыдливости"⁴⁸.

Еще одна тема, обсуждаемая в этой главе, – отношение средневекового человека к времени. Блок пишет, что люди, подверженные действию многочисленных внешних и внутренних стихийных сил, жили в мире, движение которого ускользало от их восприятия еще и потому, что они плохо умели измерять время, были глубоко равнодушны к нему.

⁴⁷ Блок М. Апология истории. С. 135.

⁴⁸ Там же. С. 136.

Много интересного читатель найдет в других разделах этой главы, посвященных средствам языковых коммуникаций, культуре и религиозному сознанию средневековых людей. Вот одно из его наблюдений: "Страх перед адом был одним из великих социальных фактов того времени"⁴⁹. В следующих главах рассматривается коллективная память феодального общества, воплощенная в его историографии и эпосе, интеллектуальное возрождение во втором феодальном периоде, рост общественного самосознания, эволюция средневекового права от господства обычая к возрождению письменного права.

Даже на основе этого краткого обзора вы легко можете судить, насколько широкой, поистине глобальной являлась предпринятая М. Блоком реконструкция западноевропейского феодального общества, насколько органично здесь связываются материальные и духовные его аспекты. Вследствие этого оно предстает как система многообразных и разноаспектных связей, охватывающих все стороны его жизни – от плотности народонаселения до его ментальных установок, не сводимых к какому-либо одному определяющему началу.

Цель создания глобальной истории требовала выработки методологического инструментария для системного исследования. В его основание создатели "Анналов" полагали междисциплинарный подход. Ибо, были они убеждены, всесторонне понять историческую деятельность человека можно, лишь обращаясь к данным и методам смежных гуманитарных и социальных наук, рассматривающих различные аспекты этой деятельности, равно как и изучающих самого человека.

4. Обоснование междисциплинарного подхода. Радикальное переосмысление исследовательского поля истории закономерно вело к столь же кардинальному переосмыслению методологии его изучения. Важнейшей задачей основоположников "Анналов" стало обоснование междисциплинарного подхода как главного принципа изучения исторической действительности. Глобальная история требовала глобальной методологии. Точно так же, как глобальная история ломала границы, разделявшие "частные" исторические дисциплины, так и метод этой новой науки должен был синтезировать возможности разных дисциплин, изучающих различные аспекты социальной жизни человека.

Наиболее убедительное обоснование значения междисциплинарного подхода к изучению истории принадлежит Л. Февру. В целом ряде написанных в межвоенный период статей он с большой эмоциональной

⁴⁹ Блок М. Апология истории. С. 150.

силой показал необходимость его использования в историческом исследовании. Страстный поборник союза истории с другими дисциплинами о человеке, он усматривал в достижении его обязательную предпосылку обновления исторической науки, обретения ею утраченного в потрясениях начала XX в. научного и социального статуса.

Такой союз, полагал Февр, должен начинаться с отказа историков от былой дисциплинарной замкнутости. "Историки, – призывал он своих молодых коллег, – будьте географами! Будьте правоведами, социологами, психологами, не закрывайте глаза на то великое течение, которое с головокружительной скоростью обновляет науки в физическом мире"⁵⁰.

В противном случае, был убежден Февр, история обречена на прозябание в своем донаучном состоянии. Вот почему он на протяжении всей своей научной деятельности так резко ополчался на современную ему традиционную позитивистскую историографию, являющуюся в его глазах воплощением донаучности истории, коснеющей в стороне от живого потока новейшей научной мысли, от самой жизни.

Приведу в качестве показательного примера пространные цитаты из опубликованной в 1933 г. статьи Февра "История современной России". Это небольшая, всего в несколько страниц, статья имела два подзаголовка: "За синтез против "картинной" истории" и "Неужели политика определяет все?", подчеркивавшие ее принципиальное значение.

Статья была посвящена изданному в 1932 г. группой русских эмигрантских и французских историков во главе с Ш. Сеньобосом и П.Н. Милюковым трехтомнику "История России с древнейших времен до 1918 года". Правда, иронизирует Февр, знакомство с книгой заставляет думать, не ошиблись ли издатели, поставив на обложке дату 1932 г.: "1902" был бы куда уместнее⁵¹. Почему? Вся статья представляет собою развернутый ответ на этот вопрос.

Из числа критических замечаний, пронизывающих статью, отмечу два, имеющие, на мой взгляд, прямое отношение к рассматриваемому сейчас вопросу.

Во-первых, говоря о претензии авторов трехтомника создать историческую картину всех аспектов русской жизни, представив порознь и последовательно группы различного рода фактов: политических, социальных, экономических, духовных, Л. Февр продолжает: "Подобную систему я привык называть "комодной" – так мещанские семейки рас-

⁵⁰ Февр Л. Бои за историю. С. 37.

⁵¹ Там же. С. 64.

совывают свои вещи по ящикам добрых старых комодов красного дерева. До чего же удобно, до чего практично! В верхнем ящике – политика: "внутренняя" – справа, "внешняя" – слева, никогда не спутаешь. Следующий ящик: в правом углу – "народные движения", в левом – "организация общества". В третьем ящике "располагаются пресловутые три старушки, три, так сказать, сводные сестрички: Сельское хозяйство, Промышленность и Торговля. А за ними следуют Литература и Искусство". А над всем царит политическая власть, "которая с высоты своего ящика №1 повелевает, руководит и управляет всем комодом, как ей и положено"⁵².

Во-вторых, пишет Л. Февр, книга фактически является не историей России, а курсом политической истории России с 1682 по 1932 г., предваряемым обширным Введением с краткой характеристикой русской истории до Петра Великого. Курсом, не позволяющим понять историю этой великой страны. "Я не видел её собственными глазами, специально не занимался её изучением, – пишет ученый, – и всё же полагаю, что Россия, необъятная Россия, помещичья и мужицкая, феодальная и православная, традиционная и революционная, – есть нечто огромное и могучее. А когда я открываю "Историю России", передо мной мельтешат придурковатые цари..., взяточники-министры, попугай-чиновники, бесконечные указы и приказы".

Как же в действительности нужно писать её историю? Ответ прорисовывается в длинном перечне задаваемых Февром вопросов о том, что он не находит в книге, и что, по его убеждению, должно было составить её главное содержание. "Где же сильная, самобытная и глубокая жизнь этой страны, – спрашивает он, – жизнь леса и степи; приливы и отливы непоседливого населения; великий людской поток, с перебоями хлещущий через Уральскую гряду и растекающийся по Сибири вплоть до Дальнего Востока; могучая жизнь рек, рыбаков, лодочников, речные перевозки; трудовые навыки крестьян, их орудия и техника, ... роль леса в русской жизни; ... помещичье землевладение и образ жизни знати; зарождение городов, их происхождение, развитие, их управление и внешний облик; большие русские ярмарки; неспешное формирование того, что мы называем буржуазией. Но была ли она когда-нибудь в России? Осознание всем этим людям России как некоего единства – какие именно образы и какого порядка при этом возникают? Этнические? Территориальные? Политические? Роль православной веры ...; лингвистические проблемы, региональные противоречия

⁵² Февр Л. Бои за историю. С. 64.

и их причины – да мало ли ещё чего? Обо всем этом, стоящим передо мной сплошным частоколом вопросительных знаков, обо всем этом, что является для меня подлинной историей России, на протяжении 1400 страниц не говорится ничего или почти ничего. Я не считаю себя каким-нибудь недоумком, полуидиотом, ярмарочным монстром. Так с какой же стати меня пичкают всяким анекдотическим вздором о госпоже Крюднер и её отношениях с Александром; о той царице, что была дочерью корчмаря, и о той, что чересчур увлекалась молодыми людьми? Нет, всё это отнюдь не история⁵³.

Соглашусь, что цитата получилась слишком пространной, но зато она позволяет наглядно разглядеть позитивную программу того, как надо писать подлинную историю, стоявшую за критикой позитивистской "Истории России". Критика "комодной" системы изложения исторического материала, а главное, задаваемые при этом вопросы очерчивали контуры создания действительно научной истории, возможной только на основе междисциплинарного подхода, так как ответы на "частокол вопросительных знаков" можно было получить, лишь обратаясь к помощи других гуманитарных и общественных наук.

Следует, однако, подчеркнуть, что в понимании основоположников "Анналов" междисциплинарный подход отнюдь не означал механического сцепления в одном исследовании данных различных наук. Иронизируя над подобной практикой, Л. Февр ещё в 1923 г. вопрошал: "Корректно ли с научной точки зрения вдруг приклепывать к звену метеорологическому звено политическое и считать цепь, полученную таким путем, совершенно однородной?"⁵⁴.

Безусловно отрицательный ответ на этот вопрос требовал вместе с тем разработки механизма, обеспечивающего научную плодотворность междисциплинарного подхода. Очевидно также, что такой механизм должен быть достаточно гибким, дифференцированным в зависимости от того, какие задачи решает история и, соответственно, с какими науками она взаимодействует. В самом общем виде можно выделить две группы таких наук. Одна из них имеет дело со структурами и учреждениями, созданными человеком, а также с окружающей его природной средой, а вторая изучает самого человека.

В центре внимания Л. Февра были взаимосвязи истории с этой второй группой наук, в особенности с психологией. Остановлюсь на двух его программных статьях: "История и психология" (1938) и "Чувстви-

⁵³ Февр Л. Бои за историю. С. 65.

⁵⁴ Там же. С. 175.

тельность и история" (1941), намечавших пути обновления исторической науки, генеральным вектором которого провозглашался междисциплинарный синтез, направленный на изучение человеческой личности. Напоминая известную истину, о том, что крупные открытия совершаются чаще всего на стыке наук, Февр продолжал: "А раз это так, то нет нужды долго доказывать, что психология, т.е. наука, изучающая ментальные функции, непременно должна вступить в тесную связь с социологией, наукой, изучающей функции социальные, и что не менее необходимыми являются её постоянные соотношения с рядом трудно определяемых дисциплин, чья совокупность традиционно именуется Историей"⁵⁵.

В первой из названных статей, как это следует уже из её названия, центральное место отведено сотрудничеству истории и психологии, плодом которого должно стать создание исторической психологии. Ибо только она сможет покончить с психологическим анахронизмом, самым худшим из всех, по определению Февра, самым коварным и непростибельным, свойственным людям, которые проецируют в прошлое самих себя, со всеми своими чувствами, мыслями, интеллектуальными и моральными предрассудками, открывая в исторических персонажах черты, которыми сами их и наделили. Покончить с этими анахронизмом сможет только подлинная историческая психология, чьё становление станет возможным благодаря заранее оговоренному сотрудничеству историков и психологов. "Психологов, – добавляет Февр, – направляемых историками. Историками, которые, будучи должниками психологов, должны взять на себя заботу об организации их труда. Совместного труда. Яснее говоря – труда коллективного"⁵⁶.

Обратите особое внимание на это высказывание, предельно четко выражающее понимание основоположниками "Анналов" междисциплинарного подхода в историческом исследовании. Он рассматривался как продукт совместных усилий ученых разных специальностей, совершающихся при ведущей и направляющей роли историков. Эта роль обусловлена самой природой междисциплинарного подхода. Поскольку он происходит на исследовательском поле истории, именно она дает ему необходимую перспективу и направленность, составляя стержень междисциплинарного синтеза и вместе с тем предпосылку его научной эффективности.

⁵⁵ Февр Л. Бои за историю. С. 97.

⁵⁶ Там же. С. 107.

Эти мысли получили дальнейшее развитие в следующей статье Л. Февра, имевшей подзаголовок "Как воссоздать эмоциональную жизнь прошлого". Собственно, вся эта большая статья и представляла собою развернутую программу решения этой задачи, насущно необходимой для превращения истории в подлинную науку о человеке и обществе. Поэтому, восклицал Февр, "историк не имеет права отступать... Ибо ни механизмы общественных учреждений, ни идеи той или иной эпохи не могут быть поняты и разъяснены историком, если он не охвачен первоочередной заботой..., стремлением увязать, соизмерить каждую совокупность условий существования данной эпохи со смыслом, который вкладывают в свои идеи люди этой эпохи"⁵⁷.

И еще один важный момент подчеркивает Л. Февр. "...Ни эти идеи, ни эти учреждения, – предостерегает он, – ни в коем случае не могут рассматриваться историком как некие извечные данности: они являются историческими проявлениями человеческого гения в определенную эпоху, возникшими при давлении обстоятельств, которым не суждено было повториться"⁵⁸. Так последовательное проведение принципа историзма выступает необходимой предпосылкой осуществления междисциплинарного подхода.

Л. Февр перечисляет "главнейшие инструменты", необходимые историкам для решения сформулированной им задачи. Это лингвистика, художественная иконография, художественная литература и, конечно же, психология. Но не та, которая царила в его время и которую он берет в многозначительные кавычки. С нескрываемым сарказмом он пишет о нафаршированной изысканными цитатами и броскими сентенциями, шеголяющей академическим стилем "психологии", метод которой напоминает поведение флюберовских героев, набравшихся опыта в общении с модистками и лавочниками своего квартала, а затем использовавших его, чтобы представить чувства исторических персонажей, живших в далеком прошлом. Новой истории, был убежден Февр, должна соответствовать новая, т.е. историческая психология, которая "является основой основ работы каждого настоящего историка"⁵⁹.

Но разве только психология? Разве история не нуждается в такой же помощи других наук – изучающих экономические, социальные, политические и экологические системы, к которым также в той или иной мере обращались "анналисты"?

⁵⁷ Февр Л. Бои за историю. С. 117-118.

⁵⁸ Там же. С. 118.

⁵⁹ Там же. С. 125.

Подчеркну еще раз. И в своих теоретических установках, и в историографической практике основоположники "Анналов" исходили из посылки о фундаментальном положении истории в системе гуманитарных и общественных наук. Ей они отводили решающую роль в познании человека в истории, так как она вносит в него столь необходимое для этого историческое измерение, обозначая контуры единой, исторической по своему характеру науки о человеке и обществе. Но достигнет она такого положения лишь в том случае, если решит проблему междисциплинарных связей в рамках тесного взаимодействия с психологией, социологией, экономической наукой, географией, этнологией и другими науками. Так в исторической концепции "Анналов" междисциплинарный подход становился важнейшим следствием превращения истории из частной гуманитарной дисциплины во всеобъемлющую синтезирующую науку о человеке в обществе, стремящуюся объяснить, а следовательно, понять прошлое в его существенных чертах.

5. История должна не судить прошлое, а понять его. Научный характер создаваемой ими "новой истории" основоположники "Анналов" особенно рельефно подчеркивали, противопоставляя понятия "судить" и "понять" прошлое. Для них это были понятия-антиподы, выражавшие диаметрально противоположное обозначение цели исторического познания.

В концентрированной форме это противопоставление обосновал М. Блок, указавший на опасность использования исторической наукой оценочных суждений, так как, полагал он, невозможно осудить или оправдать прошлое и его деятелей, не основываясь на какой-либо шкале ценностей, не имеющей научного обоснования. В противоположность неокантианцам он был убежден, что не существует абсолютной системы ценностей, так как нет и не может быть абсолютных нравственных идеалов, с позиций которых следует оценивать прошлое. "Не глупо ли, возводя в абсолют относительные критерии индивидуума, партии или поколения, – задавал Блок вопрос, – прилагать их к способу правления Суллы в Риме или Ришелье на Генеральных штатах христианнейшего короля?"

Выступая в роли некоего судьи подземного царства, обязанного восхвалять или клеймить позором почивших героев, и легко изменяя свой приговор, подверженный всем колебаниям коллективного сознания и личных пристрастий, историк неминуемо дискредитирует свою науку. Не удивительно поэтому, пишет М. Блок, что "история, слишком часто отдавая предпочтение награждённому списку перед лабораторной тетра-

дью, приобрела облик самой неточной из всех наук – бездоказательные обвинения мгновенно сменяются бессмысленными реабилитациями⁶⁰.

Согласитесь, как поразительно современно звучат для нас эти слова Блока, как и следующий за ними призыв: "Господа робеспьеристы, антиробеспьеристы, мы просим пощады: скажите нам, Бога ради, попросту, каким был Робеспьер?!" Как часто, в особенности в исторической публицистике, место серьезного объяснения драматических событий нашего прошлого занимают размахистые оценки его деятелей и как часто эти оценки радикально меняются! Воистину история превращается в наградной список, куда постоянно вносятся изменения, откуда изымаются одни имена и заменяются другими.

Привычка судить, предупреждает Блок, в конечном счете отбивает привычку объяснять. Место стремления к научной истине занимает субъективизм, когда, по выражению ученого, "отблеск страстей прошлого смешивается с пристрастиями настоящего", превращая реальную человеческую жизнь в черно-белый негатив.

Тем самым проблема "судить или понимать?" приобретает выраженный эпистемологический план, затрагивая природу исторического познания. В самом деле, если история должна не судить (давать оценку событиям и деятелям прошлого), а понимать (объяснять эти события и поведение этих деятелей), не означает ли это признание возможности беспристрастного изучения прошедшей действительности? Может ли историк, обращаясь к событиям и людям прошлого, оставаться бесстрастным летописцем, внимающим равнодушно добру и злу? Где, наконец, грань между такой позицией и аморализмом в историческом познании.

Это действительно трудные вопросы, не имеющие простого решения. Признаем также, что дилемма "судить или понимать" поставлена слишком категорично. В понимании неизбежно присутствует оценочный момент. Едва ли можно назвать в истории нашей науки хотя бы одно значительное произведение, в котором в той или иной степени не присутствовала бы оценка прошлого. Видимо, вопрос заключается как раз в мере такого присутствия, в том, насколько оно помогает или препятствует пониманию прошлого, а в последнем счете, в определении приоритетной (а не абсолютной) цели исторической науки: судить или понимать.

Так, очевидно, и следует толковать эту формулу М. Блока, акцентирующую условия получения научного знания о прошлом. В их число он не включал абсолютную беспристрастность историка. Поэтому он не

⁶⁰ Блок М. Апология истории. С. 80.

видел особого смысла в знаменитой максиме Л. Ранке о том, что задача историка состоит в изучении прошлого, "как это было". На его взгляд, суть её всего-навсего в совете историку быть честным, но и, одновременно, пассивным, склониться перед фактом. Между тем, был убежден Блок, стремление понять прошлое не имеет ничего общего с пассивностью исследователя. Ибо действительность человеческого мира огромна и пестра. Историк не фотографирует её, а отбирает и просеивает, т.е. анализирует. Но тем самым в познавательном процессе неустранимо присутствует субъективный элемент, связанный с личностью историка, его пристрастиями и предубеждениями.

Поэтому действительная проблема для Блока заключается в устранении из этого процесса субъективных фактов, препятствующих получению истинного знания о человеке в истории. "Чтобы проникнуть в чужое сознание, отделенное от нас рядом поколений, надо, – указывает он, – почти полностью отрешиться от своего "я" – для того, чтобы не подпадать под гипноз собственного мнения настолько, чтобы ему казалось невозможным и в прошлом какое-либо иное решение"⁶¹.

В этот контекст и помещается фактор исторической оценки, связанный с личностью исследователя. Последуем за ходом рассуждения М. Блока. "Урок, преподносимый нам интеллектуальным развитием человечества, – пишет он, – ясен: науки оказались плодотворными, и следовательно, в конечном счете практически полезными в той мере, в какой они сознательно отходили от древнего антропоцентризма в понимании добра и зла". Но это, убежден М. Блок, не означает устранения из истории ценностного подхода вообще.

Он приводит примечательное сравнение истории с науками, изучающими мир физических явлений, терминология которых исключает понятия, связанные с целенаправленностью. "Зато, пишет ученый, – они естественны в словаре исторической науки. Ибо история имеет дело с существами, по природе своей способными ставить перед собой цели и сознательно к ним идти"⁶².

Историк, приводит далее ряд примеров М. Блок, использует понятия "успех", "неудача", "крах", "измена" и другие оценочные суждения с целью лучшего понимания прошлого. Так, мы возвращаемся к ключевому слову всей исторической концепции "Анналов". Как подчеркивает один из её основоположников, "в наших трудах царит и всё освещает

⁶¹ Блок М. Апология истории. С. 80.

⁶² Там же. С. 81.

одно слово: "понять". Не надо думать, что хороший историк лишен страстей – у него есть по крайней мере эта страсть⁶³.

Отсюда следует, что антитеза "понимать или судить" не носила в исторической концепции "Анналов" абсолютный характер. Оценивать, а значит и судить есть законная процедура в историческом исследовании, при том, однако, условии, что она подчинена главной цели – пониманию прошлого.

И, наконец, последнее. Понимание в интерпретации М. Блока носит выраженный эмпатический, сочувственный характер. Это его главная характеристика. Оно "полное дружелюбия" и в утверждении этого в общественном сознании состоит важнейшая функция исторической науки. "Мы, – писал ученый-гуманист, – всегда понимаем недостаточно. Всякий, кто отличается от нас – иностранец, политический противник, – почти неизбежно слывет дурным человеком... При условии, что история откажется от замашек карающего архангела, она сумеет нам помочь излечиться от этого изъяна. Ведь история – это обширный и разнообразный опыт человечества, встреча людей в веках. Неоценимы выгоды для жизни и для науки, если встреча эта будет братской"⁶⁴. Иными словами, дилемма "судить или понимать" поднимается в исторической концепции "Анналов" до ранга важнейшей проблемы, определяющей предназначение той "новой истории", борьба за которую являлась делом всей жизни основоположников школы.

Так закладывались основы "новой истории", проникнутой высоким гуманистическим пафосом науки о людях во времени. Непрестанно связывая изучение мертвых с изучением живых, она защищала духовные ценности западной цивилизации, подвергшиеся тяжелому испытанию в катастрофическом XX в. В этом заключалась ее социальная полезность, а значит, и высшее оправдание.

В ситуации "кризиса основ", которую переживала тогда западная историография, последовательно осуществлявшаяся этой школой "апология истории" указывала путь его преодоления. Это был путь всеобъемлющего пересмотра теоретико-методологических основ исторической науки с целью создания "глобальной истории", охватывающей все стороны жизни и деятельности человека в истории. В пору почти повсеместного отрицания научности истории, сопряженного с ее политизацией и идеологизацией, "Анналы" утверждали ее научный статус как веду-

⁶³ Блок М. Апология истории. С. 82.

⁶⁴ Там же. С. 82.

шей дисциплины в системе наук о человеке и обществе. И, соответственно, ее ведущего положения в осуществлении междисциплинарного подхода как основополагающего принципа в изучении явлений общественной жизни.

Но это уже не была самонадеянная, все понимающая, владеющая непогрешимой истиной "учительница жизни", как это представляла парадигма истории XIX в. В историографической ситуации, характеризовавшейся революцией в естествознании и бурным всплеском релятивизма, основоположники "Анналов" объективно сознавали ограниченность исторической, как и всякой другой, формы научного познания. Тем большее значение имела их эпистемология, обосновывавшая возможность получения научного знания о прошлом.

В век кровавых войн и революций, тотального насилия над человеческой личностью "Анналы" провозглашали веру в Человека своим высшим нравственным принципом. Особенно ярко присущее им гуманистическое начало получило выражение в деятельности М. Блока, ставшего своеобразным символом школы.

ЛЕКЦИЯ II

МАРК БЛОК: СИМВОЛ "АННАЛОВ"

М. Блок являл собою редкий тип ученого-гражданина, чьи научные труды, общественная активность и жизненная позиция составляли единое гармоническое целое. И по своему рождению, и по всему образу жизни он принадлежал к сильной во Франции республиканско-демократической традиции, сыгравшей большую роль в формировании его мировоззрения. В значительной степени это была и семейная традиция, уходившая своими корнями в годы Великой революции: прадед ученого был солдатом революционной армии в 1793 г., о чем охотно вспоминал его правнук.

Влияние этой традиции можно, вероятно, усматривать и в пронизывавшем все творчество М. Блока стремлении раскрыть связь истории с живой жизнью, с ее насущными потребностями, но не в узком прагматическом смысле этого слова, а в его широком социокультурном, даже цивилизационном значении.

Осознание такой связи вносило в деятельность Блока выраженный нравственный мотив. Без учета этого невозможно понять ни императив, пронизывавший всю жизнь ученого, ни ту внутреннюю атмосферу, в которой происходило становление всей школы и которая иногда определяется как "дух Анналов". Это трудно описываемое в строгих научных дефинициях понятие, впервые появившееся в 1939 г.¹, обычно употребляется в разных смыслах. Здесь я использую его для характеристики присущего школе высокого нравственного начала, соединившего воедино служение истории и служение жизни. Примером такого служения, во многом определившего "дух Анналов", был М. Блок.

1. На пути к "Анналам"

Марк Блок родился 6 июля 1886 г. в Лионе в семье профессора античной истории Гюстава Блока. Его отец, по оценке Л. Февра, был замечательным педагогом, "наставником молодости" многих будущих

¹ См. об этом: Burke P. The French Historical Revolution. The Annales School, 1929-89. Stanford, California, 1990. P. 26.

историков. К их числу он относил и себя. Он бывал в семье своего учителя и здесь впервые в 1902 г. увидел молодого Марка – "подростка с блестящими умными глазами и застенчивой улыбкой"².

К этому времени, очевидно, выбор будущей профессии был уже сделан. Спустя два года юноша поступает в парижскую Высшую Нормальную школу, после окончания которой в 1908 г. он в течение года продолжает изучение истории и географии в Германии, в Берлинском и Лейпцигском университетах. По возвращении М. Блок преподает в лицеях Монпелье и Амьена, публикует в 1913 г. свою первую монографию "Ильде-Франс: страна вокруг Парижа", вышедшую в основанной А. Берром серии "Монографии о провинциях". Эта книга обозначила ведущее направление дальнейшей научной деятельности Блока, сохранившего на всю жизнь интерес к аграрной истории средневековой Франции.

I Мировая война прервала его научные занятия. Четыре года М. Блок провел на фронте, был ранен в боях, дослужился до чина капитана, за воинскую храбрость неоднократно награждался, в том числе получил высшую награду Франции – орден Почетного легиона.

После демобилизации М. Блок приезжает в только что отвоеванный Страсбург. Так начинается самый большой и самый важный период его научной и педагогической деятельности. Страсбургский университет, в котором он начал преподавать в 1920 г., являлся тогда крупным центром научной и интеллектуальной жизни Франции, обладавшим особой аурой. Ею он был обязан вчерашним фронтовикам-победителям, стремившимся с боевым задором превратить университет в форпост французской культуры на востоке страны.

Об атмосфере тех лет, царившей в университете, дает представление рассказ Л. Февра о своей первой встрече с М. Блоком в Страсбуре. Она прошла, вспоминал Февр, на первом факультетском собрании, "одном из тех, от которых остается впечатление восторженного порыва и бескорыстного душевного пыла". "Нас было, – писал он, – человек сорок, почти все прибыли буквально накануне, едва успев расстаться с мундирами и уж как-то чисто по-французски стыдятся своих боевых наград и званий. Мы были, разумеется, преданными сынами Франции – мы целых четыре года доказывали это с оружием в руках, – но теперь нам предстояло стать верными слугами истерзанного войной Эльзаса, чье доброе духовное здоровье, как мы были уверены, в немалой степени зависело от нас и от наших усилий"³.

² Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 130.

³ Там же.

В Страсбуре произошло становление Блока как выдающегося историка-медиевиста и организатора науки. Работая здесь, он блестяще защитил в Сорбонне докторскую диссертацию "Короли и сервы – глава из истории периода Капетингов". Здесь были опубликованы его труды по аграрной истории средневековой Франции, снискавшие ему заслуженную славу крупнейшего специалиста в этой области. Однако круг научных интересов молодого ученого не ограничивался аграрной проблематикой.

2. "Короли-чудотворцы"

Особое место в творчестве М. Блока занимает его книга "Короли-чудотворцы" (1924), мало понятая за редким исключением (А. Пиренн, Л. Февр) его современниками. Действительно, посвященная исследованию веры в способность королей Франции и Англии простым прикосновением руки исцелять больных золотухой, она на первый поверхностный взгляд казалась тогда далекой от магистрального пути развития исторического знания. Только в настоящее время в полной мере открылся ее пионерский характер, предвосхитивший целые направления в истории исторической мысли XX в., что и побуждает меня остановиться на этой книге подробнее.

Начну с того, что, по авторитетному мнению крупнейшего представителя третьего поколения "Анналов" Жака Ле Гоффа, новаторство М. Блока как автора "Королей-чудотворцев" заключалось в том, что он "по праву считается основателем исторической антропологии, которая активно развивается в наши дни"⁴.

Посмотрим, на чем основывается это мнение. Книга имеет подзаголовок "Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии". Иными словами, в центре внимания ее автора проблема чуда, точнее, веры людей в чудо – в сверхъестественную способность французских и английских королей исцелять больных золотухой путем "возложения рук".

Впечатляют хронологические рамки исследования, охватывающие время от возникновения обряда исцеления в раннее Средневековье до его угасания в XVIII – начале XIX в. Золотуха (воспаление лимфатических желез, имеющее в большинстве случаев туберкулезную природу) была широко распространена в тогдашней Европе. "Бесчисленные больные, страстно жаждущие исцеления, готовые прибегнуть к любым

⁴ Ле Гофф Ж. Предисловие // Блок М. Короли-чудотворцы. М., 1998. С. 53.

средствам, какие укажет им молва, – вот тот фон, – пишет Блок, – какой непременно должен учитывать исследователь, изучающий историю "королевского чуда"⁵.

Действительно ли имело место чудо исцеления этих несчастных, вызывавших отвращение окружающих своими обезображенными лицами, покрытыми язвами, источавшими смрадный запах? Исследовав огромную массу разнообразного источникового материала, ученый-атеист приходит к безусловно отрицательному ответу на этот вопрос. Но отнюдь не разоблачение мнимого чуда с высоты современного научного знания являлось его целью. "Истинный вопрос, – пишет М. Блок, – состоит в том, чтобы понять, почему, если короли не возвратили здоровья ни одному человеку, все кругом верили в их чудотворную власть"⁶.

На чем же основывалась эта вера, сохранявшаяся в течение столетий? Блок отвечает на этот вопрос с афористической четкостью: "Вера в чудо возникла потому, что все этого ожидали". Она обрела долгую жизнь еще и потому, добавляет он, что последующие поколения верили свидетельствам предыдущих, которые представлялись им неопровержимыми, так как, казалось, были основаны на опыте. Что же касается многочисленных случаев, когда августейшим пальцам не удавалось изгнать болезнь, то они очень скоро забывались. "Таков, – заключает автор, – счастливый оптимизм набожных душ"⁷.

Чем же питался этот оптимизм, пронизывавший многовековую веру в сверхъестественный дар королей-чудотворцев? Собственно, все обширное исследование М. Блока и представляет собою развернутый ответ на этот вопрос, в поисках которого он обращается к целому комплексу причин, обусловивших эту веру. Помимо полубессознательных умонастроений, он указывает на тогдашнюю медицинскую науку, богословие и политическую философию, освятившие веру в "королевское чудо" авторитетом писаного слова.

Каждая из этих причин подвергается в книге обстоятельному изучению, что позволяет рассматривать ее как один из первых удачных опытов масштабного междисциплинарного исследования. В частности, автор широко привлекает данные медицины как изучаемого времени, так и современной ему медицинской науки.

Но главный исследовательский метод М. Блока – историко-антропологический. В поисках объяснения упомянутой веры в чудо ис-

⁵ Блок М. Короли-чудотворцы. С. 94.

⁶ Там же. С. 163.

⁷ Там же. С. 578.

целения он обращается прежде всего к глубинным психологическим феноменам, "глубинным течениям коллективного сознания", а также к обстоятельствам, поясняющим, как "более или менее смутные верования могли воплотиться в регулярный обряд"⁸.

Обращение к истории ментальностей диктовало необходимость разработки особого понятийного аппарата для ее изучения. Книга Блока является одним из первых в исторической науке опытом формирования особого языка, позволяющего адекватно выразить в научных понятиях мир умонастроений людей определенной эпохи.

Вслед за Ле Гоффом рассмотрим ее концептуальный инструментарий. Это – "мыслительные стереотипы", "коллективные представления", "умственные представления", "народное воображение" и, наконец, самые общие понятия: "коллективное сознание" или "умонастроение". В числе других Ле Гофф называет "символические образы", замечая, что именно концептуальное и символическое воображение побудило Марка Блока уделить особенное внимание иконографии, и подчеркивая значение этого для развития исторической мысли. Ибо "образ – предмет весьма специфический – способен открыть, сообщить гораздо больше, чем думает большинство историков искусства и даже современных иконографов. Его соотношение с текстами, его место в функционировании исторических обществ, его структура и локализация заслуживают самого серьезного изучения"⁹.

То же относится и к таким понятиям, как обряды и жесты. Посвятив свою книгу изучению "королевского чуда", М. Блок досконально исследует его обрядовую сторону. Он раскрывает магическое значение обрядов, составлявших канву чудесного исцеления, вглядывается в каждую их деталь. В частности, он указывает на символический смысл составивших их жестов.

Вот один из примеров. Блок пишет, что, подобно благочестивым целителям, короли прикасались рукой к больным чаще всего непосредственно к местам, пораженным болезнью. "Таким образом, – заключает ученый. – они, сами того не подозревая, воспроизводили древнейший обычай, родившийся одновременно с самыми старинными верованиями человечества: ведь любое соприкосновение двух тел, а особенно то, которое совершено при помощи руки, всегда считалось наиболее действенным способом передачи невидимых сил от одного тела к другому"¹⁰.

⁸ Блок М. Короли-чудотворцы. С. 163.

⁹ Ле Гофф Ж. Цит. соч. С. 44.

¹⁰ Блок М. Короли-чудотворцы. С. 168.

К этому древнему магическому жесту, продолжает Блок, чаще всего короли прибавляли другой, имевший сугубо христианскую природу. Они осеяли крестом страждущих или их раны, демонстрируя тем самым, что их чудотворные способности являются даром Господним. Так высвечивается значение жеста в общем обряде исцеления, укреплявшее веру в его магическую силу. Остается согласиться с Ле Гоффом, подчеркивавшим пионерный характер идей Блока, связанных с изучением обрядов, образов и жестов в исторических обществах, тех идей, о которых первым заговорил автор "Королей-чудотворцев" и которые "еще и сегодня остаются в большой мере неразвитыми, неразработанными"¹¹.

Столь же велика роль этой книги в становлении другой современной дисциплины – "новой политической истории", или, говоря словами Ле Гоффа, политической исторической антропологии. Ее значение далеко выходит за рамки изучения простодушной веры в "королевское чудо" исцеления золотушных больных. В сущности она представляет собою впечатляющий опыт создания тотальной истории власти (в данном случае, королевской), в которой политическая власть органически связывается со своими образами и представлениями о ней.

В книге раскрывается особый аспект политической ментальности феодального общества, освещающий магическую сторону в отношениях между королями и их подданными, укрепляющую политическую основу этого общества. "Чтобы понять, что такое чудотворная королевская власть во французском или английском феодальном обществе, – резюмирует Ж. Ле Гофф значение построений М. Блока, – следует, пожалуй, осмыслить феодальный способ производства еще и как способ производства символов"¹².

Конечно, читатель книги не обнаружит на ее страницах традиционной событийной политической истории. Место ее занимает "новая политическая история" как наука о власти, включающая проблему власти в общий социокультурный контекст. Это, в свою очередь, потребовало осуществления комплексного подхода к ее изучению.

Пример такого подхода демонстрирует М. Блок, рассматривая эволюцию обряда исцеления золотушных больных королями-чудотворцами. Особенно интересна в этом отношении глава, посвященная его закату и исчезновению. Он указывает, что непосредственным

¹¹ Ле Гофф. Цит. соч. С. 56. Вместе с тем Ле Гофф считает научно некорректными такие употребляемые Блоком понятия, как "коллективное заблуждение", "суеверие" и т.п., усматривая в этом влияние просветительского и рационалистического мышления их автора (см.: Там же. С. 45-46).

¹² Там же. С. 57.

поводом, приведшим к окончательному исчезновению целительного обряда сначала в Англии, а затем и во Франции послужили политические революции в этих странах. "Однако, – подчеркивает Блок, – эти обстоятельства смогли оказать свое действие только потому, что исподволь, почти незаметно представители обоих народов – по крайней мере, значительная их часть – утратили веру в сверхъестественный характер королевской власти"¹³.

В числе причин этой утраты М. Блок на первое место ставит интеллектуальную эволюцию европейского общества, ибо, замечает он, "вера в королевское чудо была неотрывна от целой концепции мироздания"¹⁴, которая, начиная с эпохи Возрождения, постепенно утрачивала власть над умами. Имелись также более конкретные обстоятельства, ускорившие крушение этой веры. В их ряду Блок указывает на последствия гражданских и религиозных войн, рост антиабсолютистских настроений и политической оппозиции и т.п., подкрепляя каждое из высказанных положений обширной аргументацией.

Не следуя за дальнейшим ходом его рассуждений, подчеркну главное: прогрессирующая утрата веры в чудесные целительные способности королей раскрывается в книге как тема изгнания из политики веры в сверхъестественное. Тем самым акцентируется политическая составляющая изучаемой в ней проблемы, позволяющая углубить понимание природы властных отношений в Средние века и их эволюцию в XVI – начале XIX в.

Я далеко не исчерпал все богатство мысли, содержащееся в этом мемуаральном произведении, но, надеюсь, сказанного достаточно, чтобы понять его значение в формировании теоретико-методологических основ школы "Анналов". Нетрудно заметить, что ряд положений, характеризующих эту школу, о которых шла речь в предыдущей лекции, в той или иной степени просматривается в "Королях-чудотворцах". Особенно важно подчеркнуть заданный этой книгой процесс становления в русле "Анналов" "новой истории", включающей комплекс дисциплин о человеке. Едва ли можно переоценить значение такой широты исследовательских интересов, сочетавшейся с редким даже для крупного ученого даром прозрения будущего своей науки, для становления школы "Анналов".

¹³ Блок М. Короли-чудотворцы. С. 520.

¹⁴ Там же. С. 525.

3. Основание "Анналов". Исследования по аграрной истории

Борьба за "новую историю", по выражению М. Блока, "более широкую и гуманную", закономерно привела ее основоположников к осознанию необходимости создания специального печатного органа для консолидации их усилий. Идея создания такого журнала принадлежала Л. Февру, который мыслил его как международное издание. Однако, несмотря на поддержку этого замысла А. Пиренном и некоторыми другими крупными учеными, он остался неосуществленным. В 1928 г. этот замысел реализовал М. Блок, трансформировав его в идею издания французского журнала по экономической и социальной истории при участии ученых других стран.

Так в 1929 г. вышел в Страсбуре первый номер журнала "Анналы экономической и социальной истории", превратившегося впоследствии в самый известный национальный исторический журнал, издававшийся в XX в. Он сразу стал выходить как журнал междисциплинарных исследований, объединявший ученых разных специальностей.

"Что за славные то были годы – тридцатые годы в Страсбуре! Славные годы яростного, самоотверженного и плодотворного труда. И что за невероятное стечение благоприятных обстоятельств способствовало успеху этой работы", – ностальгически вспоминал Л. Февр, имея в виду сердечные, дружеские связи, соединявшие страсбургских гуманитариев, их тесное сотрудничество и плодотворное соревнование как тот питательный бульон, в котором вырастали идеи "Анналов"¹⁵.

М. Блок был душой этого интеллектуального сообщества, он не только идейно и организационно направлял работу "Анналов", но и активно сотрудничал в журнале, опубликовав там сотни статей и рецензий, закладывавших в своей совокупности основания "новой истории".

Это были годы интенсивной научной деятельности М. Блока и ее возрастающего международного признания. После "Королей-чудотворцев" он возвращается к изучению аграрной истории средневековой Франции.

Итоги его исследований в 20-е гг. были подведены в цикле лекций, прочитанных ученым в Институте сравнительных исследований культур в г. Осло и в опубликованной на их основе одновременно в Париже и Осло книге "Характерные черты французской аграрной истории" (1931), быстро ставшей исторической классикой.

¹⁵ Об обстоятельствах возникновения "Анналов" и роли М. Блока см.: Февр Л. Бои за историю. С. 136-139.

"В развитии науки, – писал здесь Блок, – бывают моменты, когда одна синтетическая работа, хотя бы она и казалась преждевременной, оказывается полезнее целого ряда аналитических исследований, иными словами, когда гораздо важнее хорошо сформулировать проблемы, нежели пытаться их разрешить"¹⁶.

Именно такой, правда, отнюдь не только формулирующей проблемы, но и убедительно решающей их, и уж тем более не являвшейся преждевременной, стала эта книга. Она открыла целое направление в изучении аграрной истории, основывающееся на целостном изучении аграрной эволюции, рассматриваемой в широкой сравнительно-исторической перспективе.

Главное внимание Блока-медиевиста привлекает эпоха французского феодализма. В книге детально анализируется процесс земледельческого освоения Франции в результате внутренней колонизации, рассматриваются сельскохозяйственная техника и способы обработки земли, складывающиеся на этой основе аграрные отношения, крестьянские наделы и феодальная сеньория, ее кризис, социальные группы, определявшие облик французской феодальной деревни. Короче, М. Блок исследует весь комплекс социально-экономических отношений, характеризующих аграрную историю средневековой Франции как определенной, динамично развивающейся системы, все элементы которой взаимосвязаны.

Эта система помещается в широкий историко-культурный контекст, на одном полюсе которого находятся аграрные распорядки римской Галлии, а на другом – аграрная история французской революции XVIII в. с экскурсами вплоть до современности, позволяющий Блоку сделать вывод об устойчивости французского крестьянского хозяйства, победоносно, как он пишет, прошедшего через все исторические потрясения.

С другой стороны, для объяснения этой устойчивости М. Блок использует сравнительно-исторический метод. Таков, в частности, его анализ проявившегося в XVI в. резкого различия в аграрном развитии европейских стран, построенный на противопоставлении исторических судеб крестьянства во Франции и в странах, где господский домен поглотил или обескровил крестьянские держания (Англия, страны Центральной и Восточной Европы).

Так, на всем материале книги обосновывался принцип единства и разнообразия исторического процесса, помогающий постичь, по выражению М. Блока, истинную сущность истории. В том непрерывном процессе, каким является эволюция человеческих обществ, – заключал

¹⁶ Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957. С. 29-30.

он свою книгу, – колебания распространяются от молекулы к молекуле и на такое дальнейшее расстояние, что понимание любого взятого в ходе развития момента никогда не может быть достигнуто путем исследования лишь непосредственно предшествующего мгновения"¹⁷.

Это положение имеет важное общеметодологическое значение, обогащая понимание принципа историзма в социальных исследованиях. В книге, в особенности в ее последней главе, четко прослеживается прокламируемое "Анналами" требование обращения к настоящему как необходимой предпосылке понимания прошлой действительности. Свое выражение это нашло в широком использовании ретроспективного или, по выражению самого Блока, "обратного" метода, предполагающего выяснение того или иного исторического явления в его развитом состоянии с тем, чтобы затем искать его первоначальные формы в прошлом.

Книга "Характерные черты французской аграрной истории" укрепила международный авторитет ее автора. Он успешно представлял "Анналы" в разных европейских странах. Особенно большой научный резонанс вызвал доклад Блока в Лондонской школе экономики на тему "Французская сеньория и английский манор", указавший направление его дальнейших исследований.

Признанием научных заслуг М. Блока стало получение кафедры экономической истории в Сорбонне (1936), где происходит дальнейшее расширение сферы его научной и педагогической деятельности. Не прорывая с "Анналами", он организует в Сорбонне семинар по экономической истории, критически всматривается в организацию университетского образования во Франции, настаивая на необходимости его радикального реформирования.

Здесь М. Блок продолжает изучение аграрной истории, которое увенчало фундаментальное двухтомное исследование "Феодальное общество" (1939-1940). В предыдущей лекции эта книга характеризовалась как образец применения системного подхода к изучению прошлого. Не повторяясь, хочу лишь подчеркнуть, что понимание феодального общества как системы предполагало обращение к сравнительно-историческому методу, позволяющему путем сопоставления различных вариантов его развития выявить общее и особенное в судьбах западноевропейского феодализма.

Примечательна в этом отношении глава "Обзор европейского горизонта", в которой раскрывается своеобразие развития различных областей Франции и затем выявляется специфика феодально-вассальных свя-

¹⁷ Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957. С. 314.

зей в Италии, Германии, Англии, Испании и других странах. Выяснив существо французского сервала, автор сравнивает с ним формы крестьянской зависимости в Германии и Англии. Важно подчеркнуть, что это сравнение носит системный характер. Сопоставляются не изолированные явления, а социальные комплексы, что позволяет делать широкие исторические обобщения. Сравнивая французскую сеньорию и английский манор, М. Блок по существу выявляет два пути аграрно-социального развития в средневековой Западной Европе.

В книге присутствует генерализация еще более высокого уровня. М. Блок приводит здесь сравнение социальных отношений в Западной Европе и средневековой Японии, на основании чего высказывает предположение о типологической близости европейского феодализма и общественного строя Японии в средние века. Так в его исследовании сравнительно-исторический метод выполняет двойственную функцию: индивидуализируя, он генерализирует. Эффективно используя этот метод, ученый воссоздает широкую панораму развития европейского феодализма в его общих чертах и конкретных проявлениях в различных регионах Западной Европы¹⁸.

Книга М. Блока получила единодушно высокую оценку в исторической науке. По словам известного французского историка П. Вейна, это "самая значительная историческая книга нашего (т.е. XX. – Б.М.) века"¹⁹. Вероятно, это преувеличение. В XX в. было создано много выдающихся исторических трудов, и едва ли можно, да и нужно, выяснять, какой из них "самый-самый". Очевидно лишь, что в этом блестящем ряду книге Блока по праву принадлежит видное место. До настоящего времени она остается образцом системного изучения западноевропейского феодализма.

4. Война. Последние годы жизни М. Блока

Работа над "Феодальным обществом" велась в грозовой атмосфере неотвратимо приближавшейся войны. М. Блок с тревогой следил за разрастанием фашистской угрозы и неспособностью демократических стран противостоять ей. Это была активная жизненная позиция ученого-гражданина. Блок сочувствовал Народному фронту – массовому движению левых сил во Франции в 1936-1938 гг. против фашизма и войны, в защиту демократических свобод и экономических интересов трудящихся,

¹⁸ См. об этом: Гуревич А. Я. М. Блок и "Апология истории" // Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд., доп., М., 1986. С. 200-201.

¹⁹ Цит. по: Далин В. М. Историки Франции XIX – XX веков. М., 1981. С. 183.

клеймил политику умиротворения фашистских агрессоров, проводившуюся правящими кругами Англии и Франции и нашедшую кульминационное выражение в так называемом Мюнхенскомговоре²⁰. Позднее Л. Февр писал об их общей позиции: "И для него, и для меня Мюнхен явился чудовищной катастрофой, предвестием роковых судеб"²¹.

С особой горечью Блок осуждал национальное предательство правящих кругов Франции. Но когда грянула война, он без колебаний сделал свой выбор. Ученый с европейской известностью, он имел возможность спокойно продолжать работать на своей кафедре в Сорбонне. Однако не молодой уже человек, отец шестерых детей, бывший, по удачному выражению Л. Февра, "живой сокровищницей интеллектуальных и духовных богатств", снова надел военные погоны, те самые, капитанские, которые он снял после I Мировой войны. "Самый старый капитан французской армии", – смеясь, он говорил о себе Февру.

Впрочем, как следует из писем Блока другу, он не был удовлетворен своей военной службой. Военное командование бездарно распорядилось интеллектуальными возможностями выдающегося ученого, определив его на незначительную штабную должность. Вместе с армией он пережил военный разгром 1940 г.

В этом же году М. Блок пишет книгу "Странное поражение" (опубликована в 1946 г.), ставшую первым опытом осмысления постигшей страну национальной трагедии. Ее непосредственной причиной он считал бездарность высшего военного командования ("командования стариков"), а главную видел в расколе французского общества, классовом эгоизме, охватившем все его слои. В особенности, полагал он, повинна в случившемся буржуазия, которая в страхе потерять свое господство решила "призвать за границу против собственного народа. Она создала по всей стране атмосферу, способствующую поражению... и с видимым облегчением готовилась властвовать под покровительством врага и ему на пользу"²².

²⁰ Мюнхенский договор – подписанное в сентябре 1938 г. в Мюнхене соглашение между Англией, Францией, Германией и Италией, предусматривавшее отторжение от Чехословакии и передачу Германии населенной по преимуществу немцами Судетской области, а также удовлетворение территориальных притязаний к Чехословакии со стороны Венгрии и Польши. Мюнхенский договор предопределил захват в марте 1939 г. всей Чехословакии и способствовал развязыванию II Мировой войны.

²¹ Февр Л. Бои за историю. С. 140.

²² Цит. по: Ходонов А.С. Теоретико-методологические взгляды Марка Блока: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985. С. 10.

Однако военно-политический крах Третьей республики имел, по убеждению Блока, еще более глубокие, интеллектуально-психологические истоки, заключавшиеся в господствовавшей в довоенной Франции порочной системе образования, порождавшей геронтократию (власть старцев).

Поэтому важнейший урок, извлеченный Блоком из поражения, заключался в настоятельной необходимости проведения радикальной реформы в системе образования. Несколько позже он пишет "Проект общей реформы системы образования", отрывки из которого под названием "Заметки о революции в образовании" были тогда же опубликованы в одном из подпольных изданий. "Наше поражение, – писал он здесь, – было, в сущности, поражением нашего строя мыслей, нашего характера. Признать это – значит признать, что одной из первейших наших задач после Освобождения, будет срочная перестройка нашей системы образования. Обновленная Франция нуждается в молодежи, воспитанной согласно новым методам, без чего наши прошлые ошибки неизбежно будут повторяться в будущем"²³. Думается, что в послевоенной Франции эти планы в определенной степени были реализованы, что, в частности, нашло выражение в государственной поддержке школы "Анналов", о чем пойдет речь в следующей лекции.

Для самого же Блока после поражения начинается самый героический и, одновременно, самый трагический период его жизни. Он остается в неоккупированной зоне Франции, – возобновляет работу в Страсбургском университете, эвакуированном в Клермон-Ферран, затем переезжает в Монпелье, продолжает сотрудничать в "Анналах", выходявших в годы оккупации нерегулярно, в виде сборников, в которых он печатался под псевдонимом М. Фужер (название города на юге Франции, где находилась дача семьи Блоков).

В это время он работает над своей последней, ставшей самой знаменитой из его произведений, книгой "Апология истории" (1941-1942). Я уже неоднократно обращался к ней, характеризуя историческую концепцию "Анналов". Сейчас же подчеркну главное. Эта, оставшаяся неоконченной, книга явилась страстным манифестом в защиту истории, создававшимся в ту пору, когда общественное доверие к ней скатилось до критической отметки.

Книга начинается с двух не связанных между собою, казалось бы, малозначительных эпизодов. В первом из них мальчик спрашивает отца, зачем нужна история. Второй произошел в день вступления немцев в

²³ Цит. по: Февр Л. Бои за историю. С. 143-144.

Париж в июне 1940 г., когда в штабе, где служил Блок, кто-то, перебирая причины катастрофы, пробормотал: "Надо ли думать, что история нас обманула?" "Так, – пишет Блок, – тревога взрослого, звуча, правда, более горько, смыкалась с простым любопытством подростка. Надо ответить и тому, и другому"²⁴.

Это был непростой ответ, далекий от барабанного оптимизма, ибо здесь речь шла о чем-то куда более важном, чем, говоря словами ученого, о мелких сомнениях цеховой морали. Проблема целесообразности, оправданности исторической науки, подчеркивал он, затрагивает всю западную цивилизацию, являющуюся исторической по своей духовной природе. "Ибо, – писал Блок, – в отличие от других, наша цивилизация всегда многого ждала от своей памяти. Этому способствовало все – и наследие христианское, и наследие античное. Греки и латиняне, наши первые учителя, были народами-историографами. Христианство – религия историков". Но цивилизации, предупреждал он, меняют свой облик. Исторiku стоило бы задуматься над тем, что западная цивилизация может отвернуться от истории – потому что "дурно истолкованная история, если не остережся, может в конце концов возбудить недоверие и к истории лучше понятый". Но если дело до этого дойдет, с тревогой заключал Блок ход своих размышлений, "это совершится ценою глубокого разрыва с нашими самыми устойчивыми интеллектуальными традициями"²⁵.

Посмотрите, на какой высокий уровень поднимается, казалось бы, чисто профессиональный вопрос. Судьбы исторической науки оказываются неразрывно связанными с судьбами всей западной цивилизации. Защита истории превращается в защиту духовных основ западной цивилизации, ее интеллектуальных традиций. Так определяется польза истории, понимаемая в самом высоком значении этого слова, а тем самым и ее социокультурное призвание.

Но такое призвание, по глубокому убеждению М. Блока, может реализовать лишь новая историческая наука, отвечающая реалиям своего времени. Обоснование категорий этой науки и составило основное содержание его книги, имеющей двойное название: "Апология истории, или Ремесло историка". Собственно, в ней и идет речь о ремесле историка, хотя, наверное, точнее было бы сказать, о методологических принципах, лежащих в основании этого ремесла.

Чтобы убедиться в этом, достаточно беглого перечисления обсуждаемых в книге вопросов. Выбор и цели историка, история и люди, ис-

²⁴ Блок М. Апология истории. С. 7.

²⁵ Там же. С. 6-7.

торическое время, историческое наблюдение, исторические свидетельства, историческая критика, исторический анализ, язык историка, причинность в истории. Все эти вопросы концентрируются вокруг стержневой проблемы "Человек в истории". Человек в двояком смысле – как объект исторического исследования и как его субъект.

Так обозначается центральная методологическая проблема книги, обсуждение которой представляет для нас тем больший интерес, что оно принадлежит выдающемуся историку-практику, вследствие чего получает особую убедительность основополагающий постулат автора о научности истории и вытекающей отсюда ее социальной значимости. Но эта научность не является столь очевидной, как представлялось позитивистам. Ведь история имеет дело с такой "великой переменной величиной", какой, по определению Блока, прежде всего является по своей природе человек²⁶.

Тем больший интерес представляют суждения М. Блока о способности исторической науки адекватно отражать прошлую действительность и путях ее реализации. Ограничусь одним, но принципиально важным для понимания природы исторического познания примером. Речь пойдет о причинности в истории и историческом детерминизме – вопросах, которые по сей день сохраняют свою актуальность, получая в историко-методологической литературе далеко не однозначное решение. При этом преобладающим является отрицание детерминизма в истории.

Позиция М. Блока была более взвешенной. Последняя, 5-я глава его книги начинается с критики тщетных попыток позитивизма устранить из науки идею причинности. Констатируя, что всякий ученый волевым усилием мыслит с помощью "почему" и "потому что", Блок подчеркивает, что "историкам вряд ли удастся уйти из-под власти этого всеобщего закона мышления". Ибо раскрытие причинно-следственных отношений составляет, полагал он, по-видимому, инстинктивную потребность человеческого разума, а, следовательно, выявление каузальной связи историки всегда считали своей задачей.

Вместе с тем М. Блок отвергал жесткий детерминизм, постулировавший монистическую природу причинности, высмеивал "суеверное преклонение перед единственной причиной". Каждое событие, полагал он, является продуктом многих детерминирующих элементов. Поэтому "монизм в установлении причины, – был убежден ученый, – ...будет для исторического объяснения только помехой. Историк ищет цепи каузальных волн и не пугается, если они оказываются (ибо так происходит

²⁶ Блок М. Апология истории. С. 111.

в жизни) множественными". Следовательно, детерминация в истории есть, но она является сложной, непрозрачной, зачастую запутанной. Одним словом, причины в истории, как и в любой другой области, нельзя постулировать Их надо искать..."²⁷

На этих словах книга обрывается. Из сохранившихся бумаг Блока следует, что в его планы входило дальнейшее развитие этой темы. Предполагалась 6-я глава "Объяснение в истории", которая должна была включать такие разделы, как "Понятие причины"; "Понятие случая"; "Проблема индивидуума и его дифференцирующего значения"; "Проблема "детерминирующих" действий или фактов". Вслед за ней планировалась заключительная глава "Проблема предвидения" с такими разделами, как "Предвидение – потребность ума"; "Обычные ошибки предвидения: экономическая конъюнктура, военная история"; "Закономерности"; "Надежды и сомнения" и др.²⁸

Не будем гадать, каким могло быть содержание этих глав. Но сама предполагавшаяся структура книги свидетельствует о том значении, какое М. Блок придавал проблеме исторического детерминизма. На этом поле особенно тесно переплетались сформулированные им цели: защита истории и обоснование ее методологии. Обоснование методологии "новой истории" – объяснение в истории – детерминация исторических действий – возможность предвидения – закономерности в истории – вытекающие отсюда надежды, хотя и сопряженные с сомнениями. Так может быть обозначен ряд, составляющий концептуальную основу "Апологии истории".

Работа над книгой была прервана немецкой оккупацией в 1942 г. Юга Франции. Еврей и антифашист, М. Блок хорошо представлял, что его ждет на оккупированной территории. Он мог покинуть страну, мог в глубоком подполье пережить годы оккупации. Но он выбрал путь активной борьбы за освобождение Франции. Это был сознательный выбор, подготовленный всей его жизнью. "Я родился во Франции, – писал обычно не склонный к пафосу Блок в "Странном поражении". – Я впитал в себя ее культуру. Я сделал ее прошлое своим собственным. Я дышу свободно только в ее климате, и я не могу сделать ничего лучшего, вместе с другими, чем защищать ее интересы"²⁹.

²⁷ Блок М. Апология истории. С. 108-112.

²⁸ См.: Февр Л. В каком состоянии находилась рукопись "Ремесло историка" // Блок М. Апология истории. С. 116-117.

²⁹ Цит. по: Himmelfarb G. The New History and the Old. Cambridge, Massachusetts and London. 1987. P. 132.

Очень скоро жизнь показала, что это не были только слова. В марте 1943 г. М. Блок вступает в движение Сопротивления, становится одним из его руководителей на своей родине, в Лионе. Он – член региональной директории Сопротивления, базировавшейся в Лионе и являвшейся сердцем всего этого движения на Юге Франции. Со свойственными ему энергией и методичностью Блок координировал деятельность различных групп Сопротивления, поражая товарищей по борьбе своим мужеством и целеустремленностью.

В марте 1944 г. гестаповцы после многочисленных усилий выследили часть руководства Лионской директории движения Сопротивления. В числе арестованных был М. Блок. Европейски известный ученый был подвергнут жестоким пыткам, но не назвал ни одного имени, не выдал ни одной явки. 16 июня 1944 г. за несколько дней до освобождения Франции он был расстрелян вместе с группой своих соратников недалеко от Лиона. Его последними словами были "Да здравствует Франция!"

Так Слово стало Делом. Так сама жизнь дописала последнюю страницу в довоенную историю "Анналов". Героическая жизнь и мученическая смерть М. Блока стали символом прокламировавшейся ими связи истории и жизни. Редкую школу отличает такое единство слова и дела. Не будет преувеличением сказать, что М. Блок заплатил жизнью за такое единство.

Но оно может трактоваться и в другом смысле. Это было единство между теорией и практикой, между методологией и конкретными историческими исследованиями. Неоценим вклад М. Блока в достижение такого единства. Его труды формировали образ "новой истории", дальнейшее развитие которого в первое послевоенное десятилетие было связано с деятельностью его друга и единомышленника Л. Февра.

ЛЕКЦИЯ III

"АННАЛЫ" ПОСЛЕ II МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ЛЮСЬЕН ФЕВР

В 1946 г. возобновился регулярный выпуск журнала под несколько измененным названием: "Анналы. Экономики. Общества. Цивилизации". Это было уже третье изменение названия журнала: в 1939 г. он стал именоваться "Анналы социальной истории". Во главе редакционного совета встал Л. Февр, всецело определявший генеральную линию "Анналов". Суть её предельно четко выразили знаменитые слова Февра: "В крови и муках рождается новое человечество. А стало быть, вот-вот должна родиться и новая история, новая историческая наука, сообразная с этими непредсказуемыми временами. Хочется чтобы мои усилия помогли мне заранее угадать направления этой науки и следовать им. И чтобы мои ручейки слились с её потоком"¹.

Продолжая этот образ, добавлю, что его "ручейки" составили фарватер складывавшейся во второй половине XX в. новой исторической науки, во многом определив её идеологию и практику. Важным рубежом в этом процессе явилось первое послевоенное десятилетие в истории французской исторической мысли, ознаменовавшее уверенный выход "Анналов" на авансцену духовной жизни страны. Это было десятилетие "Анналов", их боев за "новую историю", заложивших фундамент будущего международного авторитета школы, её триумфального восхождения к вершинам мирового признания.

Над этими боями незримо витала тень Блока. Его идеи, самое имя героя и мученика Сопrotивления являлись важнейшим достоянием обновленных "Анналов", их символом. Но главная роль в борьбе за "новую историю" принадлежала Л. Февру, пережившему в первое послевоенное десятилетие свой "звездный час". Он и станет предметом этой лекции. Но сначала рассмотрим основные вехи жизненного пути ученого.

¹ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 9.

1. Путь в науку

Люсьен Февр родился в 1878 г. в г. Нанси (Лотарингия) в семье, рано пробудившей его интерес к истории. Особенно тепло он вспоминал своего дядю, всю жизнь преподававшего историю и сызмальства прививавшему ему любовь к этой науке. Некоторое время занимался историей и его отец, увлекшийся затем филологией. В доме было много книг и альбомов, в том числе роскошное издание книги Ж. Мишле "История Франции", вызывавшей жадный интерес подростка. Впоследствии, в своих "боях за историю" он будет многократно обращаться к этой книге, всю жизнь вызывавшей его восхищение. "Насыщенный всеми этими наставлениями, – восклицал Февр, – обогащенный чтением всех этих книг и откликами, которые они порождали в моей душе, – разве я мог стать не историком?"².

Столь же проникновенно он писал и о своей "второй наставнице" – душе сельского приволья, душе Земли, с особой теплотой вспоминая свою "настоящую родину" Франш-Конте. Она стала объектом первого исследования Февра.

Но сначала были годы учебы в Высшей нормальной школе в Париже и рано проснувшееся чувство острой неудовлетворенности тогдашним состоянием исторической науки, застывшей в своем самодовольстве, сопряженное с выраженным стремлением раздвинуть традиционные рамки исторического познания.

Научные взгляды Л. Февра формировались под влиянием теории "исторического синтеза" А. Берра и "человеческой географии" П. Видаля де ла Бланша, способствовавших пробуждению раннего интереса к междисциплинарному подходу в изучении истории и основанным на нем широким построениям, порывавшим с жесткими рамками позитивистской историографии.

Такой подход наметился уже в докторской диссертации "Филипп II и Франш-Конте" (1911), которую Февр опубликовал, будучи профессором Дижонского университета. Предметом исследования была исторически сложившаяся на Востоке Франции провинция, на территории которой в X в. возникло Бургундское графство (впоследствии герцогство). Её история изучалась молодым ученым сразу в нескольких аспектах: политическом, социальном и религиозном. Но особенно рельефно его новаторство проявилось в акцентировании значения естественно-географической среды и взаимодействия с ней человека.

² Февр Л. Бон за историю. С. 6.

Важным фактором в формировании гражданской позиции Л. Февра стала победа Франции в I Мировой войне. Подобно М. Блоку, он вернулся с войны с боевыми наградами и в капитанских погонах. Подобно ему, он после демобилизации приехал в Страсбург, став в 1919 г. профессором Страсбургского университета. Здесь завязалась тесная человеческая и творческая дружба двух замечательных ученых, столь обогатившая французскую и мировую науку.

Они изначально были идейно близки друг другу. Посвящая "Апологию истории" своему другу, Блок очень точно охарактеризовал природу их многолетнего сотрудничества: "... в глубине согласие, оживляемое на поверхности поучительной игрой наших дружеских споров". Обращаясь к Февру, он писал: "Среди идей, которые я намерен отстаивать, не одна идет прямо от Вас. О многих других я и сам, по совести, не знаю, Ваши они или мои, или же принадлежат нам обоим"³.

При всей идейной близости это были разные люди. Разные по темпераменту: спокойный, ироничный, немногословный, сдержанный Блок и экспансивный, страстный до неистовости, распекавший не согласных с ним коллег Февр⁴. Разные по направленности своих научных интересов. Достаточно вспомнить, что одна из главных книг Блока называлась "Характерные черты французской аграрной истории", а Февр признавался в том, что ненавидит сам термин "аграрная история". Поэтому, писал он, "каждый из нас вкладывал свой кирпичик – тщательно, с толком и умом отобранный – в прекрасное здание дружбы и взаимной преданности"⁵ и, добавлю, в столь же великолепное здание исторической концепции "Анналов".

"Кирпичиком" Февра в страсбургский период стало его синтетическое исследование "Земля и человеческая эволюция, географическое введение в историю" (1922), обозначившее целое направление формировавшейся "новой истории", явственно проявившееся уже в послевоенной историографии. Изучение человека и окружающей его природной среды стало одним из аспектов постулировавшейся "Анналами" "глобальной истории".

В дальнейшем научные интересы Л. Февра сосредоточиваются в сфере духовной истории XVI в. Его исследовательское внимание привлекают два крупнейших явления этой эпохи – Реформация и Ренессанс. Оба они рассматриваются в исторической ретроспективе, что являлось

³ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд. М., 1986. С. 5.

⁴ См.: Burke P. The French Historical Revolution. The Annales School, 1929-89. Stanford, California. 1990. P. 12.

⁵ Февр Л. Бои за историю. С. 133, 130.

тогда новым словом в науке. Вот его постановка проблемы Реформации. "Ее причина, – писал он в большой статье "Неверно поставленная проблема: истоки французской Реформации и ее причины" (1929), – моральный и религиозный кризис исключительной силы и глубины, и мы сможем полностью его объяснить, сможем по-настоящему понять лишь при условии, что в своем исследовании охватим все многообразные проявления жизни столетия, чья политическая активность, экономическое развитие, социальное состояние претерпевают столь же быстрые и глубокие изменения, как и религиозные чувства, как интеллектуальная культура"⁶.

Это положение было обосновано в монографии Февра "Судьба: Мартин Лютер" (1928). Ее центральная тема: Лютер и немецкое общество первой половины XVI в., напряжение между ними, отражение в стиле мышления реформатора стиля эпохи. И, наконец, не потерявший своего значения и поныне главный вывод: не герой творит эпоху, а эпоха героя.

Этот вывод на ином материале получил дальнейшее развитие в самом капитальном произведении Л. Февра "Проблема неверия в XVI веке: религия Рабле" (1942), созданном уже в парижский период его деятельности. В 1933 г. Л. Февр стал профессором одного из старейших научно-исследовательских и учебных заведений страны "Коллеж де Франс", основанного в 1530 г., возглавив только что открытую там кафедру истории современной цивилизации.

Книга не представляла собою набора непреложных истин. Против ее автора был выдвинут ряд обвинений, в частности, в односторонности некоторых его наблюдений и модернизации сознания людей XVI в., одно из самых убедительных из которых принадлежит М.М. Бахтину. Но согласимся с А.Я. Гуревичем, что главное в этой книге не те или иные конкретные оценки, а обоснование нового метода изучения духовной культуры прошлого, сохраняющее непреходящее значение, равно как и знаменитая фраза, открывающая книгу: "Историк не тот, кто знает, историк тот, кто ищет"⁷.

"Проблема неверия..." явила поучительный пример такого поиска, важнейшим итогом которого стал второй, вслед за блоковскими "Королями-чудотворцами", кирпичик в основание истории ментальностей как особой исторической дисциплины, создававшейся на базе междисципли-

⁶ Февр Л. Бон за историю. С. 491.

⁷ Развернутую оценку книги Февра и полемики вокруг нее см.: Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бон за историю. С. 507-518.

линарного синтеза. Л. Февр воспринял в своей книге подходы к человеческой психике, сформулированные в психологии и этнологии, и последовательно использовал их в исследовании духовной жизни французского общества XVI в.

Предметом исторического исследования стало коллективное бессознательное, понимаемое, что особенно важно подчеркнуть, как специфическая характеристика определенной исторической эпохи, ее "духовная оснастка". Нет и не может быть одинакового мировосприятия у людей, живущих в различные эпохи. Человек не является неизменной духовной величиной, в разные времена одинаково мыслящей и чувствующей, склоняющейся одним и тем же духовным ценностям.

Так может быть обозначена исходная посылка исследования Февра. Центральная проблема, занимающая его, – это проблема атеизма Рабле. Действительно ли автор знаменитого романа "Гаргантюа и Пантагрюэль" являлся, как считалось в литературе, законченным атеистом и рационалистом, к которому непосредственно восходило вольномыслие последующих столетий? Можно ли вообще говорить о существовании в его время того умонастроения, которое сейчас обозначается понятием "атеизм"? Существовали ли в XVI в. объективные условия для его возникновения?

Иными словами, Февра занимают вопросы, каков был способ мировосприятия людей XVI в., что формировало их отношение к действительности, присущи ли им были предпосылки научного мышления, состоявшие в четком разграничении между сферами естественного и сверхъестественного. На все эти вопросы Февр дает однозначно отрицательный ответ. В итоге он приходит к заключению, что в XVI в. во Франции отсутствовали социальные и интеллектуальные предпосылки для распространения свободомыслия и, следовательно, появления мыслителя-атеиста.

Повторюсь, пионерный характер исследования Февра о Рабле не столько в тех или иных конкретных оценках и выводах, хотя, конечно, их тоже нельзя сбрасывать со счетов, сколько в его методологии, обосновавшей принципиально новый подход к изучению духовной культуры прошлого, а также необходимый для этого "мыслительный инструментарий", базирующийся на осознании "инаковости" духовного мира людей прошлого.

Книга о Рабле, напоминая, была опубликована в тяжелую пору фашистской оккупации Франции. Это было время драматической борьбы Л. Февра за сохранение "Анналов", самого их духа. Освобожденный по возрасту от военной службы, он ведет свою борьбу за будущее страны

иными средствами. Всякий раз, когда Блок приезжает в Париж, он встречается с ним, обсуждая планы дальнейших действий, сплачивает интеллектуальные силы, продолжая издавать запрещенные оккупационными властями "Анналы" в виде отдельных сборников и собирая вокруг них ученых разных специальностей.

В этой борьбе за будущее Франции выдающаяся роль отводилась истории как науке о человеке во времени. В общем контексте разработанной Блоком при деятельном участии Февра программы радикальной реформы образования истории придавалось фундаментальное значение вследствие ее высокого социально-научного потенциала. В таком духе в первые послевоенные годы проводилась во Франции реформа гуманитарного образования, в которой ключевая роль принадлежала "Анналам".

2. "Анналы" в системе послевоенного гуманитарного образования во Франции⁶

Несмотря на широкую известность основоположников школы "Анналов" до войны она являлась одной из многих во Франции гуманитарных школ. Едва ли можно было говорить о ее серьезном влиянии на общее состояние гуманитарных исследований в стране, в особенности на их методологию. Еще меньше было организационное влияние "Анналов".

Ситуация радикально меняется в послевоенные годы. Важным шагом в укреплении идейно-организационного положения "Анналов" во французской гуманитарии стало создание в 1947 г. Секции экономических и социальных наук (знаменитой VI секции) Практической школы высших исследований в Париже, во главе которой стал Л. Февр.

В организационном плане эта секция представляла собою своеобразную альтернативу гуманитарным факультетам Сорбонны, являвшимся бастионом традиционной науки с ее жесткими дисциплинарными перегородками. Эти перегородки снимались в VI секции. Она объединяла в своих рамках практически все гуманитарные и общественные науки: историю, социологию, антропологию, экономику, психологию, лингвистику, культурологию и т.д., что создавало необходимые предпосылки для утверждения комплексного изучения человека и человеческого общества и междисциплинарного подхода к такому изучению.

⁶ В этом разделе используются фактические данные из книги: Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики. М., 1980. С. 77-93.

С другой стороны, эта секция выступала в роли одновременно научно-исследовательского, учебного и издательского учреждения. Так, в одном месте сосредоточивался весь производственный процесс от подготовки научных кадров до выхода готовой продукции, что способствовало большей эффективности научных исследований, равно как и преподавания гуманитарных дисциплин.

VI секция состояла из четырех отделов: экономической и социальной истории, экономики, социологии и культуры, которые, в свою очередь, подразделялись на 42 исследовательских центра, создававших свои филиалы за пределами Парижа и даже Франции. В их числе самым влиятельным был Центр исторических исследований, которым руководил ближайший ученик и сотрудник Л. Февра Ф. Бродель. Забегая вперед, скажу, что эта стройная система получила свое логическое завершение уже после смерти Февра, когда по правительственному декрету началось сооружение Дома наук о человеке, где уже в 1970 г. разместилось большинство исследовательских центров VI секции, а первым его директором стал Бродель.

Невольно вспоминается, что когда в нашей стране в годы перестройки на страницах "Литературной газеты" обсуждалась идея интеграция наук о человеке, перечислялись самые разные гуманитарные дисциплины, кроме ...истории. Иначе обстояло дело во Франции. Вы, конечно, обратили внимание, что во главе и VI секции, и всего Дома наук о человеке стояли историки. В этом нашло выражение признание выдающейся роли истории в системе общественных и гуманитарных наук. Само объединение всех этих наук в рамках VI секции ориентировало их на комплексное изучение человека во времени и вместе с тем подчеркивало интегрирующую роль в этом изучении истории, так как сам человек есть существо историческое и может быть понят лишь в широкой исторической перспективе. Причем речь шла о ведущем положении в VI секции, а затем и в Доме наук о человеке не истории вообще, а того ее типа, какой представляла школа "Анналов".

Так школа приобрела прочное институциональное положение, а с ним вместе и разностороннюю государственную поддержку, в том числе материальную. К тому же она пользовалась значительной финансовой помощью международных фондов Рокфеллера и Форда. Достаточно сказать, что строительство Дома наук о человеке финансировалось за счет Министерства народного образования и фонда Форда.

Все это создавало предпосылку для мощной идейной и организационной экспансии "Анналов", которые из одного из многих направлений исторической мысли стали превращаться в организационно оформлен-

ную школу мышления (М. Де Серто). Постепенно они стали доминирующим направлением во французской историографии, оттеснив на задний план по всем параметрам старые университетские центры гуманитарного образования. Несколько позднее, в 1965 г., подводя итоги этому процессу, Ж. Глениссон без особого преувеличения восклицал: "Сегодня – надо ли это повторять? – неоспоримый триумф той исторической концепции, самыми активными поборниками которой были "Анналы", почти не оставляет места для враждебных или даже просто отличных от нее тенденций. Фактически нет больше битв в единой семье историков"⁹. Таков был важнейший итог тех яростных боев за "новую историю", которые вели в послевоенные годы Л. Февр и его единомышленники.

3. "Бои за историю"

Так называется сборник статей, опубликованный Февром в 1952 г. (уже в следующем году потребовалось его второе издание), все страницы которого были пронизаны глубокой верой в историю и борьбой за нее. Именно за историю, писал Февр в предисловии к сборнику, "я всю жизнь и сражался", сражался даже в самые тяжелые годы немецкой оккупации, так как всегда жил историей.

Непреренно прочтите опубликованную в сборнике статью "Как жить историей". Это вступительное слово, обращенное к студентам Высшего педагогического училища в Париже в начале 1941/1942 учебного года с целью внушить им убеждение, что "можно достойно прожить жизнь, будучи историком", заниматься той историей, которая является "научным способом познания различных сторон деятельности людей прошлого и их различных достижений, рассматриваемых в соответствии с определенной эпохой в рамках крайне разнообразных и все-таки сравнимых между собой обществ (это аксиома социологии), заполняющих поверхность земли и последовательность веков"¹⁰.

Но что означает прожить достойно жизнь? "Прежде всего, – обращался он к своим слушателям, – живите. Вмешивайтесь в жизнь. Во все многообразие духовной жизни. Но живите также и практической жизнью". И далее следует ключевой для всего текста образ современности – бушующего моря. Вспоминая персонажей романа Рабле, Февр напутствует своих слушателей: "Не к лицу вам, лениво сидя на берегу, смотреть на разбушевавшееся море. А если вы окажетесь в бурю на борту кораб-

⁹ Цит. по: Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики. С. 93.

¹⁰ Февр Л. Бои за историю. С. 25-27.

ля, не уподобляйтесь ни Панургу, страдающему от морской болезни, ни даже доброму Пантагрюзлю, который, вцепившись в мачту, обращает взор к небесам и творит молитвы. Засучите рукава, как брат Жан. И по-старайтесь помочь матросам"¹¹.

В этом бушующем море велика ответственность истории, которая, по убеждению Февра, ставит перед тем, кто, стоя на палубе корабля, без усталости вглядывается в горизонт, животрепещущие проблемы. В самую глухую пору нависшей над Францией и всей Европой ночи Л. Февр сохранял оптимистическое видение будущего. Это был оптимизм ученого-борца, уверенного в способности своей науки не только дать твердую точку опоры в потрясенном до основания старом мире, но и стать путеводной нитью в строительстве нового мира, когда утро неминуемо сменит ночь. И когда утро действительно наступило, Февр начинает заключительную, может быть, самую плодотворную фазу своих "боев за историю".

Замечу, что всякие бои ведутся не только за что-то, но и против чего-то. Это "чего-то" имело у Февра четкую определенность. Это была занимавшая на протяжении всей первой половины XX в. достаточно прочные позиции в академической науке, пребывавшая в своей самодовольной ограниченности, позитивистская историография, закосневшая в понятиях XIX в. Разоблачение ее научной и социальной несостоятельности составляло лейтмотив всей творческой жизни ученого. С первых же самостоятельных шагов в науке он выступил против эмпиризма традиционной историографии, ее цеховой замкнутости омертвления ею живого исторического процесса. Как уже говорилось в первой лекции, уничтожающая критика этой историографии являлась органическим элементом создаваемой основоположниками "Анналов" "новой истории".

Сейчас я подчеркну только одно направление этой критики, присутствовавшее в последних статьях Февра, а именно, предостережение: то, что слишком часто выдается за историю, дискредитирует подлинную историческую науку. Отсюда происходила его беспощадная критика "историзирующей истории". "Историзирующая история, – писал он в 1947 г., – нетребовательна. Слишком нетребовательна... Это упрек тех, кто нуждается в идеях. В тех самых идеях, которых Ницше называл храбрыми маленькими женщинами, что не отдаются мужчинам с лягушачьей кровью в жилах"¹². Тех идеях, которые пронизывали борьбу "Анналов" за "новую историю".

¹¹ Февр Л. Бои за историю. С. 37.

¹² Там же. С. 71.

Смысл этой борьбы, ее главную направленность прекрасно выразила опубликованная в 1946 г. статья Л. Февра "Лицом к ветру", представлявшая, как гласил ее подзаголовок, «Манифест "новых Анналов"». Ее пронизывала центральная идея: радикально изменившемуся после II Мировой войны миру нужна новая историческая наука, способная объяснить этот мир и тем самым помочь человеку приспособиться к нему.

Немногими, но яркими штрихами Февр характеризует мир 1946 г., существование которого сопровождается трагической мелодией развалин, усиливающимся страхом перед атомной бомбой. Но есть вещи и посерьезнее развалин, пишет он. Какие? Ответ на этот вопрос особенно рельефно подчеркивает уникальное положение "Анналов" в послевоенной общественно-исторической мысли. Казалось бы, в атмосфере начавшейся "холодной войны" ответ являлся очевидным. Это противостояние двух сверхдержав и вытекающая отсюда угроза взаимоуничтожения. Такой тогда была общая оценка ситуации в мире, различавшаяся лишь в определении виновников создавшегося положения и, соответственно, их яростном обличении.

Принципиально иным, свободным от всяких идеологических оценок был ответ на этот вопрос Февра. Посмотрите, насколько он был более глубоким, основанным на постижении глубинных тенденций послевоенного развития, и насколько он остается актуальным в наше время.

Сущностную характеристику послевоенного мира Л. Февр усматривал в возрастающей угрозе межэтнических (межцивилизационных) конфликтов. Он отмечал "чудовищный рост скоростей, который, сталкивая континенты, упраздняя океаны, сбрасывая со счета пустыни, приводит к неожиданным контактам человеческих групп, заряженных противоположным электричеством и вплоть до сего дня склонных "взаимно сохранять дистанцию" как в моральном, так и в физическом смысле этого выражения... И вдруг – внезапный контакт, короткое замыкание!"

"Вот где таится угроза для нашего мира", – восклицал Февр, добавляя, что осознание ее является насущной необходимостью. Ибо, писал он, со временем все наладится, будут восстановлены виадуки, откроются станции метро, в овощных лавках появятся бананы. Но человечество будет в смертельной опасности, если люди разных цивилизаций не научатся понимать друг друга¹³.

Подивимся, как точно Февр предугадал основной конфликт современности и насколько он опередил научную мысль своего времени.

¹³ Февр Л. Бои за историю. С. 39-40.

Только почти полвека спустя американский политолог С. Хантингтон в своей на шумевшей статье "Столкновение цивилизаций"¹⁴ возвестил о начале новой эры в международных отношениях – эры межцивилизационных (межэтнических) столкновений.

Однако в отличие от американского ученого, констатировавшего изначальность и непреодолимость межцивилизационных различий, а следовательно, и неизбежность столкновений между цивилизациями, Февр обращал главное внимание на сферу поддающихся изменениям межличностных отношений. Признавая, что "нас ожидают великие опасности", он тем не менее выражал уверенность в возможности их преодоления на основе сближения людей, принадлежащих к разным расам, способного смягчить их цивилизационные различия. Это – позиция деятельного оптимистического гуманизма. "Хныкать и жаловаться абсолютно бесполезно, – восклицал Февр, – необходимо приспосабливаться. И прежде всего – не теряться"¹⁵.

Февр рисует впечатляющий образ нашей Земли, которая в эпоху чудовищных скоростей внезапно показалась маленькой, жалкой, лишенной тайн планетой, являющейся Домом человечества, где устав, вывешенный в вестибюле, гласит: "Любое нарушение карается смертью". Это – Дом с сотнями квартир и тысячами комнат. Дом, в котором достаточно двух шагов по коридору, двух секунд пребывания в лифте, чтобы желтый мог войти к белому, а белый к черному с автоматом в руке или с рюкзаком, набитым продовольствием. "Таковы, – заключает ученый, – два аспекта наисовременнейшего интернационализма"¹⁶.

Исходя из этого, Л. Февр формулирует перед исторической наукой две важнейшие взаимосвязанные задачи: познать устройство Дома человечества, разобраться в обстановке его помещений с единственно возможной позиции – позиции человечности, и с этой же позиции определить свое отношение как к тем обществам, которые проживали в нашем жилище до нас, так и ко всем тем, кто предшествовал теперешним жильцам остальных помещений этого Дома. Это, подчеркивает Февр, позиция историка-гуманиста, призывающего сограждан не коситься на не похожих на них людей, а, следуя завету Сократа, всмотреться в самих себя. Ибо, поясняет он, "сколько находок может обнаружить архео-

¹⁴ См.: Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. V. 72. № 3. Есть русские переводы этой статьи. См. также его книгу, вышедшую в 1997 г. "Столкновение цивилизаций и перестройка мирового порядка" (русский перевод: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003).

¹⁵ Февр Л. Бои за историю. С. 42.

¹⁶ Там же.

логия человеческих мыслей в той последовательной смене слоев, что составляют первооснову нашего сознания! Это наследие, завещанное нам предками. И мы должны принять его безоговорочно. Ибо мертвые все еще сохраняют власть над нами, живыми"¹⁷.

Только таким образом можно понять изменившийся и продолжающийся быстро меняться мир, найти взаимопонимание с наступающими на ноги соседями. Это единственная альтернатива взаимоуничтожению.

Так фокусируется значение истории, способной, по убеждению Февра, помочь найти такое взаимопонимание, необходимое для спасения западной цивилизации и всего человечества. Призывая историков прекратить бесплодные споры и скорее приняться за дело, он четко очерчивает их задачу, продолжающую и сегодня оставаться актуальной и, конечно, не только для французов, к кому непосредственно обращался ученый.

Разве к нам, сегодняшним, не относится его обращение к своим соотечественникам: "Со вчерашним миром покончено. Покончено раз и навсегда. И мы, французы, сможем извлечь выгоду из создавшегося положения, если быстрее и лучше других осознаем эту очевидную истину. Если перестанем цепляться за обломки погибшего корабля. Если бесстрашно пустимся вплавать"¹⁸.

Но следует ли вообще заниматься историей в эту трагическую эпоху? Задавая такой вопрос, Февр дает на него категорический ответ: "Да, заниматься историей нужно. В той мере, в какой она – и только она – помогает нам жить в теперешнем мире, потерявшем последние остатки устойчивости, жить не одним только чувством страха, не одной только мыслью об очередном повальном бегстве в бомбоубежище, не одной только заботой о том, как бы продержаться еще хоть несколько часов, как бы сохранить над головой зияющую дырами крышу и проломанный потолок"¹⁹.

Ибо без истории все лишается основы. Она – неперменная часть нашей духовной атмосферы, ответ на вопросы, неизменно встающие перед современным человеком, объяснение сложных ситуаций, в которые он попадает. Конечно, замечает Февр, проблемы прошлого ни в коем случае не могут быть теперешними проблемами. Однако сам процесс понимания того, чем прошлое отличается от настоящего, является лучшей школой гибкости для ума человека, вскормленного историей, а

¹⁷ Февр Л. Бои за историю. С. 44.

¹⁸ Там же. С. 45.

¹⁹ Там же. С. 46.

именно таким является западный человек. Но далеко не всякие историки способны решать эти задачи, предупреждает Февр. Для этого требуется, чтобы они подавали историю не в механическом, а в проблематическом ее аспекте. Только в таком случае они могут воздействовать на свою эпоху, внести свой вклад в осознание и решение проблем, волнующих современников.

Замечательна концовка статьи, выражавшая квинтэссенцию "новой истории". Указывая, что исторический, филологический и критический методы являются превосходными и точными инструментами познания, Февр заключал: "Но одного умения действовать этими инструментами, одной любви к ним еще недостаточно, чтобы именоваться историками. Этого высокого звания достоин лишь тот, кто самозабвенно бросается в море жизни, окунается в него с головой, омывается в его волнах, проникается его общечеловеческой сутью – так он удесятерит свои творческие силы, свою способность к воскрешению прошлого. Прошлое, которое таит в себе сокровенный смысл человеческих судеб и с благодарностью открывает его историку"²⁰.

Эта борьба за "новую историю" подкреплялась огромной научно-организационной деятельностью, проводившейся Февром в последнее десятилетие его жизни. О ее размахе свидетельствует перечень занимаемых им в то время должностей. Уже говорилось, что он возглавлял VI секцию Высшей практической школы, в рамках которой "Анналы" утвердили свое ведущее положение во французской гуманитарии. Наряду с этим он был председателем Национального комитета историков Франции, президентом Комитета по истории II Мировой войны, членом комиссии по разработке проекта реформы образования во Франции, членом французской делегации в ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры с местом пребывания в Париже), председателем научного совета серии "Дух сопротивления", руководителем издания "Французская энциклопедия", основателем "Журнала истории II Мировой войны", редактором журнала "Тетрадь всемирной истории" и, конечно, главой "Анналов".

На вершине заслуженного признания и славы выдающийся историк-гуманист Люсьен Февр умирает в 1956 г.

Смерть Февра завершила целую эпоху в развитии французской "новой истории". Это была героическая эпоха "штурма и натиска", породившая тип историка-гражданина, сражавшегося посредством своей

²⁰ Февр Л. Бон за историю. С. 47.

науки за высокие гуманистические идеалы. Ярчайшими его представителями были М. Блок и Л. Февр, всегда стоявшие, используя название цитировавшейся статьи Февра, лицом к ветру. Именно поэтому они и были великими историками, заложившими основания новой исторической науки.

После гибели Блока главная роль в утверждении этих оснований выпала на долю его друга. Первое послевоенное десятилетие в развитии французской исторической мысли по праву может быть названо десятилетием Февра, его идей и кипучей научно-организационной работы, его "боев за историю". Трудно переоценить их значение в общей историографической ситуации того времени, характеризовавшейся прогрессирующим падением социального и научного статуса академической истории. Вовлеченная в "холодную войну", политически ангажированная, отвергающая возможность получения научного знания о прошлом, она была нетерпима ко всякому инакомыслию. В этой среде "Анналы" являлись чужеродным телом. Не случайно их методология подверглась грубым нападкам на двух первых послевоенных международных конгрессах исторических наук в 1950 и 1955 гг. Тогдашний глава западногерманской историографии, крупнейший представитель немецкого идеалистического историзма Г. Риттер обвинял "Анналы" в близости к марксистскому мышлению и якобы вытекавшем отсюда подрыве духовных основ Запада²¹.

Такой международный резонанс получила деятельность "Анналов" в разгар "холодной войны". Однако скоро пришло мировое признание их роли в защите истории и трансформации ее основ. Случилось это на втором этапе развития школы, связанном с деятельностью Ф. Броделя.

²¹ См.: Афанасьев Ю.Н. История против эклектики. С. 81-82.

ЛЕКЦИЯ IV

ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ "АННАЛОВ". "ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ" ФЕРНАНА БРОДЕЛЯ

Второй этап развития школы "Анналов" падает на вторую половину 50-х – 60-е гг. XX в. Это время расцвета "Анналов", их уверенного выхода на международную арену. О феномене "Анналов" заговорили далеко за пределами Франции. В Западной Европе и США быстро растет число последователей школы. В различных европейских странах появляются многочисленные публикации и специальные исследования, посвященные "Анналам". В ряде престижных американских университетов они становятся предметом докторских диссертаций¹.

Этот этап обычно называют "броделевским", или "эпохой Броделя" – по фамилии выдающегося французского историка, в творчестве которого наиболее рельефно выразились его главные характеристики. Трудно назвать другого историка XX в., который бы уже при жизни получил такое громкое признание. Он был избран почетным доктором многих европейских и американских университетов, включая Оксфордский и Кембриджский. В Чикагском университете был создан научно-исследовательский центр имени Броделя. На родине его называли "первым из историков", "князем истории", "человеком, который пересоздал историю" и даже "человеком, изменившим ход истории", а его труды – "эпопеей короля Броделя".

Впрочем, его "царствование", если продолжить этот терминологический ряд, длилось недолго. Уже на рубеже 60-70-х гг. произошло "низвержение короля Броделя". У кормила "Анналов" стало "коллективное руководство", а Бродель, формально оставаясь членом директората (редакционного совета) журнала, практически полностью отошел от работы в нем. Объясняя причины своего разрыва с новым руководством "Анналов", он позднее с нескрываемой горечью писал: "Когда я их ("Анналы") оставил в 1970 г., они не соответствовали уже замыслу ни

¹ Показательно изменение отношения к "Анналам" в ФРГ. На смену уничтожающей критике пришло признание их заслуг в обосновании антропологически-гуманистической интерпретации истории (см.: Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики. С. 92. Сноска)

Блока, ни Февра, ни моему собственному. Я просто перестал лично ими заниматься, поскольку они стали для меня чужими"².

О третьем поколении "Анналов" речь пойдет в следующем выпуске учебного пособия, и мы увидим, что это обвинение в его идейном разрыве с основоположниками школы в значительной степени несправедливо. Но в такой же мере несправедливы обвинения в этом в адрес самого Броделя, раздававшиеся во Франции и за ее пределами. Сошлюсь в качестве показательного примера на весьма жесткое утверждение А.Я. Гуревича, будто, "неизменно выступая в качестве продолжателя и "правопреемника" Февра и Блока, верного их идеям и программе обновления исторического знания, превращения истории в "науку о человеке", Бродель на самом деле ... радикально ревизовал методологию Февра и Блока в ее главнейшем центральном пункте". Обосновывая это положение, он обвиняет Броделя в игнорировании истории ментальностей и истории культуры, в предпочтении истории без людей, в том, наконец, что для него "человек не более, чем актер, выполняющий роль, которая предписана ему не им сочиненным сценарием"³.

Действительно, история ментальностей не являлась предметом специального исследовательского интереса ученого, но я постараюсь далее, рассматривая основные его труды, убедить вас в несостоятельности главного тезиса Гуревича в том, что Бродель вследствие своего "экономико-географического детерминизма" порвал с идеологией "Анналов", выпал из ее исследовательской традиции, а пока сошлюсь на авторитетное мнение Февра. В своей восторженной рецензии на книгу Броделя "Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II" он писал: "Для нас это большая радость: увидеть, как наши идеи обретают плоть, как становится реальностью (и делается это столь убедительно, с такой гибкостью и тонкостью ума) образ той Истории, какую нам так нравилось рисовать себе в воображении"⁴.

Названная книга может рассматриваться как первый опыт "глобальной истории", к созданию которой Бродель шел всю свою жизнь.

² Цит. по: Афанасьев Ю.Н. Фернан Бродель и его видение истории // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. М., 1986. Т.1. С. 11.

³ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа "Анналов". М., 1993. С. 133-134, 116-117.

⁴ Февр Л. Бои за историю. С. 186.

1. На пути к "глобальной истории"⁵

Сын парижского преподавателя математики, Фернан Бродель родился в 1902 г. в маленькой деревушке в Восточной Франции, в той самой исторической области Франш Конте, где четверть века ранее родился Л. Февр. Здесь он провел свои детские годы, сюда многократно наведывался в зрелом возрасте. По собственному признанию, неспешная деревенская жизнь с ее медленным, почти незаметным течением времени и переплетением различных уровней исторической реальности оказала заметное влияние на формирование его мировосприятия с предпочтениям к состояниям, характеризующимся длительной временной протяженностью.

Но сначала были годы учебы в Париже, где Бродель окончил лицей Вольтера и Сорбонну, а затем работа в Алжире (тогда французской колонии), где он до середины 30-х гг. читал курс истории в лицее г. Константина. Здесь он попадает под очарование Средиземноморья. Здесь вызревает замысел его первого большого труда. Правда, сначала это была традиционная для тогдашней Сорбонны тема по политической истории "Филипп II. Испания и Средиземноморье". Однако под влиянием Февра, с которым в 1927 г. молодой алжирский преподаватель вступил в оживленную переписку, первоначальный план радикально изменился. Вместо испанского короля и его политики на первый план выступает Средиземное море и мир Средиземноморья.

Работа над книгой была прервана в середине 1930-х гг., когда Бродель был приглашен преподавать историю в бразильский университет Сан-Пауло (1935–1937 гг.). Эти годы он позже вспоминал как самое счастливое время своей жизни. Отмечу, что его коллегой в Сан-Пауло был К. Леви-Стросс, будущий выдающийся французский этнолог и антрополог, творческий диалог с которым продолжался и в дальнейшем.

Но главное событие случилось на обратном пути из Бразилии, когда на пароходе произошла неожиданная встреча с Л. Февром, который принял его как своего "интеллектуального сына". Личное знакомство с Февром быстро переросло в тесную дружбу и плодотворное сотрудничество, сыгравшие столь значительную роль как в научной судьбе самого Броделя, так и в развитии французской исторической науки в целом.

⁵ В этом разделе использованы фактические данные, почерпнутые из работ: Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики; Он же. Фернан Бродель и его видение истории // Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 1; Далин В.М. Историки Франции XIX-XX веков. М., 1981; Burke P. The French Historical Revolution. The *Annales* School, 1929–89. Stanford, California, 1990.

После возвращения из Бразилии Ф. Бродель в 1938 г. получил назначение в Практическую школу высших исследований в Париже. Там он завершает подготовительную работу над своей книгой. Дальнейшим планам помешала война.

С первых ее дней Бродель в армии, а затем в плену, где провел долгие 5 лет. Здесь в лагерях для военнопленных он создает первый вариант своей книги, являвшейся, как позднее вспоминал ученый, в известной мере прямым ответом на трагические времена. Бродель обладал феноменальной памятью, что позволяло ему писать без необходимого подготовительного материала. Писал он быстро, почти еженедельно отсылая Февру один за другим фрагменты своей рукописи. Нельзя не согласиться с Февром, который оценивал эту работу пленного французского офицера, написавшего по памяти все главы своей книги, как "неслыханный подвиг".

Благодаря этому Бродель сумел уже в 1947 г. защитить докторскую диссертацию, а в 1949 г. опубликовать книгу, ставшую крупнейшим событием в послевоенной французской историографии. "Эта книга, – писал Февр, – революция в подходе к истории. Это переворот в наших старых привычках. "Историческая мутация" основополагающего значения"⁶.

Посмотрим, на чем основывалась эта оценка, но сначала несколько слов об общей концепции, лежащей в основе книги. В ней нашел свое отражение исторический оптимизм Броделя, его убеждение в жизнеспособности западной цивилизации, несмотря на переживаемый ею кризис. В полемике с О. Шпенглером он развил оригинальную теорию исторических кризисов, как органических структурных элементов развития общества, а не свидетельств его упадка. "Некоторые немецкие мыслители, – писал он, явно имея в виду Шпенглера, – или питавшиеся немецкой мыслью утверждают, что происходит неизбежный упадок и отдельные исторические кризисы являются только его последовательными вариантами". В противовес этому Бродель писал: "Мне кажется, что история предстает перед нами как целый ряд кризисов, между которыми существуют какие-то площадки, эпохи равновесия, о которых историки говорят совершенно недостаточно... По-видимому, необходимо, чтобы отмирали какие-то ценности для того, чтобы рождались другие, отличные от них, но которые ими питаются, следуя беспощадному ритму смены смерти и жизни"⁷.

⁶ Февр Л. Бои за историю. С. 177.

⁷ Цит. по: Далин В.М. Историки Франции... С. 200-201.

Такой "исторической площадкой" Ф. Бродель считал вторую половину XVI в., составлявшую хронологические рамки его исследования. Это был, по его терминологии, период равновесия, когда только едва обозначились симптомы заката Средиземноморья. Он и стал предметом целостного освещения в фундаментальном, насчитывавшем уже в первом издании около 1200 страниц, исследовании (в 1963 г. Бродель выпустил второе издание книги, расширенное и дополненное, в двух томах; еще два её издания вышли в 70-х гг.).

Дело, конечно, не в объеме книги, а в ее содержании, революционизировавшем самое понимание предмета исторического исследования. На ее страницах Ф. Бродель нарисовал впечатляющую картину исторической жизни Средиземного моря и средиземноморского мира во второй половине XVI в. в органической целостности всех составляющих его аспектов. Соответственно этому книга распадается на три примерно равные по своему размеру части, каждой из которых присущ свой особый ритм времени, определяющий историческое движение. Они озаглавлены: "Роль среды", "Коллективные судьбы и общее движение", "События, политика и люди".

Вот как сам Бродель формулировал их содержание. "Первая часть, – писал он, – посвящена почти неподвижной истории, истории человека в его взаимоотношениях с окружающей средой; медленно текущей и мало подверженной изменениям истории, зачастую сводящейся к непрерывным повторам, к беспрестанно воспроизводящимся циклам... Поверх этой неподвижной истории располагается история, протекающая в медленном ритме". Ей посвящена вторая часть книги. Это история структур, социальная история в своем первоначальном смысле, "история групп и коллективов". И только третья часть посвящена событийной истории, "истории не в общечеловеческом, а в индивидуальном измерении", причудливому миру живых страстей, слепому и невосприимчивому к глубинной истории, миру событий, смысл которых можно понять только при охвате больших временных отрезков⁸.

Таким образом, в историческом времени Бродель различает времена географическое, социальное и индивидуальное. В этой лекции я остановлюсь преимущественно на первом из них, на языке которого написана первая часть "Средиземного моря...". Во-первых, потому что именно в этой части особенно ярко проявилось новаторство Броделя-реформатора исторической науки, а, во-вторых, она позволяет наглядно

⁸ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1: Роль среды. М., 2002. С. 20-21.

увидеть надуманность его обвинения в "экономико-географическом детерминизме".

Ее центральная тема – исследование неразрывной связи истории и пространства, их взаимовлияния. Пространства, олицетворенного в книге Средиземным морем, точнее, поясняет Бродель, "комплексом морей", испещренных островами, рассеченных полуостровами, обрисованных изрезанными побережьями, окаймленных горами. С описания "физических и человеческих характеристик" этих последних начинается в книге исследование географической среды, в которой пребывали обитатели Средиземноморья.

Но эта не безмолвная "окружающая среда", присутствовавшая иногда в традиционных работах, где она составляла фон для исторического действия. В книге Броделя она сама выступает активным деятелем истории. И прежде всего это море. Впервые в историческом исследовании оно было возведено в ранг действующего лица истории. В концепции Броделя Средиземное море является историческим персонажем, активно влияющим на судьбы связанных с ним людей, на их повседневную жизнь и историческую деятельность.

Это море с необычайно широким ареалом воздействия, захватывающим в свою орбиту огромные массы людей. "...Средиземноморье, рассматриваемое согласно запросам истории, – настаивает Бродель, – должно быть обширной зоной, которую следует равномерно продолжать во всех направлениях на большое расстояние от морских побережий. По прихоти нашего воображения оно уподобляется силовому полю, магнитному или электрическому, или, проще говоря, световому источнику, яркость излучения которого по мере удаления от него слабеет, но это не дает нам возможность раз и навсегда провести линию разграничения между светом и тенью"⁹.

Бродель обосновывает расширительное понимание Средиземноморья. Он рассматривает циркуляции идей, материальных и духовных ценностей, позволяющие располагать его границы в несколько рядов. При этом, подчеркивает ученый, речь должна идти не об одной, а о многих границах, окружающих Средиземноморье все новыми концентрическими поясами и отражающих его политическое, экономическое и культурное влияние; границах, разделяющих и одновременно соединяющих мир Средиземного моря.

⁹ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. I: Роль среды. М., 2002. С. 237.

Этот мир представлял собою определенное физико-географическое единство. Бродель указывает на "такой мощный объединительный фактор, действующий наряду с социальным, но на более тесном пространстве, как климат, решительно приводящий к общему знаменателю ландшафты и жизненные устои"¹⁰. С ним, в частности, он связывает "сезонный детерминизм" в экономической жизни, не только явственно выступавший в деревенской жизни, но и проявлявшийся в различных формах экономической активности горожан (сворачивание зимой деятельности банков, производства и т.п.).

Поднимая и детально исследуя обозначенные выше вопросы, Ф. Бродель широко прибегал к помощи тех дисциплин, в ведении которых они находятся. В их числе назову геологию, океанологию, но прежде всего географию. Ведь именно она изучает пространство, являющееся главным предметом исследования в первой части его книги. Море и реки, острова и полуострова, горы и долины – это понятия географической науки, выработавшей особый язык для их изучения. Им отлично владеет автор "Средиземного моря...". Благодаря использованию данных и методов географии и других естественных наук он создал яркую и убедительную в своих основаниях многокрасочную картину, воссоздающую географическую среду обитания народов Средиземноморья.

Но Бродель не географ, а историк. Во введении к первому изданию своей книги, говоря о главах, составляющих ее первую часть, он специально подчеркивал: они "посвящены не географии. Это исторические главы, поскольку вся книга посвящена истории. Их задача – не только напомнить читателю о том, что за кулисами истории человечества выступает весьма изменчивый и в то же время настойчивый, умелый, иногда очень навязчивый в своих проявлениях деятель – хотя чаще всего современники, а за ними историки не выдвигают его на передний план". Это географическая среда¹¹.

К ее изучению Бродель подходит как историк. Во-первых, сообщаемые им географические сведения не носят вневременного характера. Они четко приурочены к состоянию, сложившемуся во второй половине XVI в. В его книге, таким образом, присутствует не география вообще, а историческая география. Во-вторых, в его концепции географическая среда отнюдь не выступает фактором безоговорочного принуждения, безусловно детерминирующим жизнь людей, их поведение и историче-

¹⁰ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1: Роль среды. М., 2002. С. 323.

¹¹ Там же. С. 30.

скую деятельность. Напротив, ученый рисует сложный характер взаимоотношений людей и окружающей среды, включающий не только давление природы на человека, но и обратное воздействие его на природу. Значительная, может быть главнейшая, часть усилий людей, подчеркивает он, была направлена на то, чтобы вырваться из железных тисков природных условий. "Жизнь общества, – заключает Бродель, – подчиняется велениям среды, но одновременно обходит их, освобождается, чтобы попасть в другие сети, более или менее заметные для нас, историков"¹².

Эти "сети" составляют предмет исследования заключительной, пятой главы книги. Если в предыдущих главах раскрывалось физико-географическое единство Средиземноморья во второй половине XVI в., то здесь речь идет о его социальном и, следовательно, историческом единстве, на выявление которого ориентирована вся книга. Единстве, творимом людьми. "Этот мир с размытыми границами, густонаселенный и разнообразный, который мы так подробно описали, – говорит ученый, – представляет собой нечто единое благодаря живущим в нем людям, благодаря сплаву различных исторических пластов"¹³.

Итак, средиземноморский мир не является природной данностью, вытекающей из простого наличия Средиземного моря. Сначала оно было преградой для общения. Лишь со временем, замечает Бродель, "корабли одержали над ним верх, способствуя установлению связей, постепенному формированию стройной целостности Средиземноморья, принадлежащего людям и истории". Вновь и вновь он подчеркивает, что "это формирование было делом рук человеческих", что "Средиземное море, принадлежащее людям, существует лишь в той мере, в какой его существование поддерживают труд, изобретательность и усилия этих людей", что "цельность Средиземноморья обеспечивается не морем, а населяющими его народами"¹⁴.

Эта центральная идея пятой главы, по существу и всей его книги, получила на ее страницах обстоятельную аргументацию. В одинаковой мере восхищают как авторский замысел, так и его исполнение. В главе детально исследуются морские и речные пути, а также сухопутные дороги, связывавшие обширные и различные по уровню своего развития регионы Средиземноморья в единое экономическое целое, характери-

¹² Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1: Роль среды. М., 2002. С. 365.

¹³ Там же. С. 323.

¹⁴ Там же. С. 385-386.

зуются транспортные средства, приводится статистика перевозок. Специально рассматриваются мореплавание, тоннаж морских судов, подъемы и спады морской торговли и т.д. и т.п.

Особенно большое место в этой главе отводится роли городов как экономических центров Средиземноморья, создававших его социальную целостность и вместе с тем придававших ему некоторое новое качество. "Города, – пишет Бродель, – это двигатели, они работают, набирают обороты, выдыхаются и снова пускаются в ход", они взрывают устои средиземноморской жизни, ее неспешное течение, вводят читателя случающимися с ними неполадками в тот пребывающий в постоянном движении мир, исследованию которого посвящена вторая часть "Средиземного моря...". "Это, – заключает он первую часть своей книги, – предзнаменования судьбы, говорящие о новом стечении обстоятельств, о приближении перемен, о начале кризиса, признаки которого становятся заметными в конце XVI в. и совершенно отчетливыми в XVIII столетии"¹⁵.

Тема Пространства является центральной и во второй части книги "Коллективные судьбы, единое движение". Главный ее персонаж – Средиземное море, но не улыбочивая вотчина туристов и яхт, где всегда можно добраться до берега за несколько часов, какой оно является в XX в., а бескрайняя, полная всевозможных опасностей водная стихия, огромная и необъятная для человека. В этой части рассматривается хозяйственная деятельность Средиземноморья, главным образом торговля и торговые пути, обращение перца и пряностей, но также пшеницы, проблема драгоценных металлов и т.д. И вновь оригинальный поворот темы: влияние Пространства на управление, проблема коммуникаций в огромной империи Габсбургов как существеннейшего аспекта всей политической деятельности Филиппа II.

Итак, "среда" и "общие процессы" – таковы раскрываемые Броделем глубинные основания политической жизни Средиземноморья. Этой последней посвящена заключительная часть книги: "События. Политика. Люди". Это традиционная история, содержание которой составляют войны, перемирия, повороты в политике, дворцовые интриги. Перед читателем проходит вереница политических деятелей того времени. На страницах книги находят свое место Карл V и Филипп II, Гранвелла и другие сильные мира сего, но не в качестве полновластных вершителей

¹⁵ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1: Роль среды. М., 2002. С. 478.

судеб Средиземноморья, а лишь участников развертывавшейся на разных уровнях исторической драмы.

Так мы подошли к центральному положению метода Броделя, гласящему, что история совершается одновременно на многих этажах, на различных сообщающихся между собою уровнях. Это основополагающий принцип построения "глобальной истории", охватывающей все стороны жизни человека, пребывающего в известной географической среде, являющегося членом определенного социума и живущего своей индивидуальной жизнью.

Каждой из них соответствует определенный уровень исторической действительности, который находится в определенной иерархической связи с другими. Этот иерархический порядок идет от более глубокого и постоянного к более поверхностному и эфемерному. Как я пытался показать, преимущественное внимание Бродель уделял нижним, глубинным уровням истории, что, однако, не означало пренебрежения к ее верхним этажам. Для понимания сущности его идей "глобальной истории" принципиальное значение имеет следующее положение: "История не может быть только большими и пологими холмами времени, только коллективной действительностью, в которой свойства и соотношения устанавливаются неспешно и столь же неспешно сменяются другими. История – это и мелкая пыль событий, индивидуальных жизней, тесно между собой переплетенных, – иногда освобождающихся на мгновение, как будто рвутся великие цепи". Таким образом, заключает он, "история – это изображение картины жизни во всех ее проявлениях. Это не "избранное"¹⁶.

Таково лаконичное определение "тотальной" ("глобальной") истории, требование создания которой выдвинули основоположники "Анналов". Книга Броделя явилась развернутым опытом реализации этого требования в практике конкретно-исторического исследования. Вот почему она получила столь высокую оценку Февра, вот почему он призвал молодых историков читать, перечитывать, обдумывать эту "прекрасную книгу", открывавшую новые знания о человеке и его истории, о самой истории, ее истинной сути, ее методе.

Этот призыв не остался втуне. Уже в предисловии ко второму изданию книги (1963) Бродель с удовлетворением называл десятки имен своих последователей и констатировал огромную работу, проделанную после 1949 г. под влиянием его книги в различных областях исторического знания.

¹⁶ Цит. по: Февр Л. Бои за историю. С. 186.

Косвенным, но очень важным свидетельством большого научного и общественного признания, какое получило "Средиземное море...", стал стремительный рост научно-административной карьеры Броделя. За считанные годы он возносится к ее вершинам, становится ближайшим сподвижником Февра в его борьбе за "новую историю", а после смерти учителя возглавляет "Анналы" и VI секцию Высшей практической школы. Заслуги Броделя получили государственное признание, кульминацией которого стало назначение в 1962 г. главным администратором созданного по его инициативе "Дома наук о человеке".

В эти же годы разворачивается интенсивная научно-педагогическая деятельность Ф. Броделя. Вскоре после выхода "Средиземного моря..." он становится заведующим кафедрой современной цивилизации в Коллеж де Франс (1950), которую ранее возглавлял Февр. Здесь он в 50-х – начале 60-х гг. прочитал ряд курсов ("Экономика XVIII в.", "Материальная жизнь в XVI – XVIII вв."), явившихся подготовительными материалами к главному труду его жизни – монументальной эпопее "Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв."

В дальнейшем я постараюсь более или менее подробно охарактеризовать концепцию этого труда, но сначала необходимо в самых общих чертах осветить историко-теоретические взгляды Ф. Броделя, лежавшие в ее основании.

2. Историко-теоретические взгляды

Их анализ начнем с понимания Броделем места и роли истории в системе наук об обществе и в самом обществе. Вместе с Февром он рано осознал, что возникший после II Мировой войны новый мир нуждается в новой науке, способной его объяснить. Уже в 1950 г., констатируя в своей вступительной лекции в Коллеж де Франс, что в радикально изменившемся мире все или почти все символы утратили свое былое значение, он восклицал: "Новый мир, почему же не новая история?"¹⁷

Это должна была быть фундаментальная, объясняющая наука, раскрывающая закономерности исторического развития и нуждающаяся поэтому в данных других наук о человеке и обществе. Отсюда вытекало значение междисциплинарного подхода в научных исследованиях. Но он может быть эффективным, настаивал Бродель, только в том случае, если истории будет принадлежать интегрирующая роль. "В самом деле, – писал ученый, – лишь история способна объединить все науки о человеке, помочь им связать воедино их объяснения, наметить некую междисципли-

¹⁷ Цит. по: Далин В.М. Историки Франции. С. 96.

линарную общественную науку"¹⁸. Ибо она дает общественным наукам историческое измерение, вне которого невозможно достичь плодотворных результатов в изучении таких исторических по своей природе феноменов, как социальные институты и сам человек.

Без этого измерения невозможно понять вытекающее из прошлого настоящее. Приводя признание известного американского экономиста Й. Шумпетера, что, если бы ему пришлось заново начинать свою карьеру, он сделался бы историком, Ф. Бродель продолжает: "Мне бы хотелось, чтобы специалисты общественных наук подобным же образом видели в истории исключительное средство познания и исследования. Разве настоящее не находится больше чем наполовину во власти прошлого, упорно стремящегося выжить? И разве не представляет прошлое посредством своих закономерностей, своих различий и своих сходств ключ, необходимый для всякого серьезного понимания настоящего?"¹⁹

Но речь идет не просто об историческом измерении. История, полагал Ф. Бродель, имеет дело с особым, почти неподвижным временем, временем длительной протяженности. Только овладев языком этого времени, можно взглянуть в великую поступь истории, понять ее ритмы.

Такая примечательная деталь, свидетельствующая о подчас неожиданных проявлениях связи теории с жизнью: по признанию самого Броделя, его обращение к "долгому времени" уходило своими истоками к переживаниям в годы, проведенные в немецком плену, когда, по его словам, окончательно сформировалось его видение истории. Мрачной действительности необходимо было противопоставить широкую историческую перспективу, дававшую надежду на будущее, а для этого отвергнуть все происходившие вокруг события. "Мне нужно было верить, – вспоминал ученый, – что история, что судьбы человечества свершаются на значительно более глубоком уровне... В невообразимой дали и от нас, и от наших повседневных бед творилась история, верша свой неторопливый оборот, такой же неторопливый, как древняя жизнь Средиземноморья, чьи неизменность и своего рода величавую неподвижность я столь часто ощущаю. Вот так я и пришел к сознательным поискам глубинного исторического языка"²⁰.

Этот язык явственно слышится уже в "Средиземном море...". Вспомним "пологие холмы времени", да и общую направленность книги

¹⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности. М., 1986. С. 30.

¹⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, ... Т. 3: Время мира. М., 1992. С. 11.

²⁰ Цит. по: Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа "Анналов". С. 117.

с ее преимущественным вниманием к глубинным факторам исторического развития.

Несколько позже из давних переживаний в плену выросла получившая широкую известность стройная теория множественности скоростей социального времени. Наиболее полное выражение она получила в опубликованной в 1958 г. в "Анналах" статье "История и общественные науки. Историческая длительность". Здесь Бродель постулировал три основные скорости социально-исторического времени: короткое, среднее и долгое, подчеркивая, что все они соразмерны друг другу, так как измерены в одном и том же масштабе.

Взаимоотношение различных временных модальностей носит диалектический характер, и эта "диалектика времени", подчеркивает Бродель, являет собою "ядро социальной реальности, живое, внутреннее, постоянно возобновляющееся противоречие между настоящим моментом и медленным течением времени"²¹. Историк не может ни на минуту выйти за пределы исторического времени. Оно липнет к его мысли, как земля к лопате садовника. Он должен уметь работать в каждой из обозначенных выше временных перспектив.

Но это не означает, что все они для него равноценны. Подлинное время историка – это время длительной протяженности, знаменитая броделевская *la longue durée*. Бродель противопоставляет его короткому времени – времени социолога. Это событийное время. Ученый не скрывает своего скептического отношения к нему, точнее, к кратковременной исторической перспективе: "Если изучать только то, что вблизи, внимание неизбежно концентрируется на том, что быстро движется, блестит (хотя это не обязательно золото), меняется, производит шум и вообще поражает"²². Событие, замечает он в другом месте, это взрыв, "звонкая новость". Масштаб времени, задаваемый событиями и измеряемый короткими хронологическими единицами, пишет Бродель, "соразмерен с индивидом, с ритмом его повседневной жизни, с нашими иллюзиями и деятельностью нашего сознания. Время, определяемое им, – это время хроникера, время журналиста"²³.

Это также время традиционной политической истории, сконцентрированной в драме "великих событий", рассматривавшихся в кратковременном масштабе, истории, по убеждению Броделя, безнадежно уста-

²¹ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 117.

²² Там же. С. 132.

²³ Там же. С. 119.

ревшей. Формировавшаяся в рамках "Анналов" "новая история" является по преимуществу историей социальной и экономической. Поэтому она оперирует иными хронологическими масштабами, используя язык среднего и долгого времени, поскольку изучает экономические, социальные и другие устойчивые долговременные структуры.

Отсюда, согласно Броделю, следовало два вывода. Такое изучение, во-первых, требует союза историков с представителями других гуманитарных и общественных наук, исследующих эти структуры: экономистами, этнографами, антропологами, психологами, лингвистами, демографами, географами, даже социальными математиками (статистиками). Во-вторых, необходимой предпосылкой научной плодотворности такого союза является овладение этими науками языком истории. Новой истории, подчеркивает Бродель, так как традиционная история рассматривала время как простую сумму дней.

Новая проблематика требовала иного понимания времени, обращения к изучению иных х отрезков. Точный анализ товарного обращения, изучение производства (правда, по мнению Броделя, являющееся скорее мечтой, чем фактом), демографическая прогрессия и т.п. – все это требует значительно более длительных масштабов времени. Таких, например, как "среднее время", измеряемое, в частности, известными кондратьевскими полувековыми циклами экономической конъюнктуры.

Но особенно важны для историков, указывает Ф. Бродель, "сверхциклы", охватывающие столетия, например рост и падение цен, характерные сначала для Европы, а затем и для всего мира, а также стоящие над ними столетние тенденции ("секулярные тренды"). Все великие персонажи истории, экономические и социальные конъюнктуры, цивилизации обладают своим ритмом жизни и развития, и новая история, подчеркивает Бродель, только тогда достигнет своей цели, когда она полностью их охватит.

При этом Бродель указывает на ключевое значение понятия "структура", понимая под ним "организацию, порядок, систему достаточно устойчивых отношений между социальной реальностью и массами". Отмечая, что это понятие господствует во всех проблемах, связанных с исторической долговременностью, он конкретизирует: "Для историка структура это ансамбль, архитектура социальных явлений, но прежде всего она – историческая реальность, устойчивая и медленно изменяющаяся во времени", являющаяся "и опорой, и препятствием исторического движения". В последнем случае самый яркий пример

представляют географические рамки цивилизации. "Человек, – утверждает ученый, – пленник своего времени, климата, растительного и животного мира, культуры, равновесия между ним и средой, создаваемого в течение столетий, равновесия, которого он не может нарушить, не рискуя многое потерять"²⁴.

Такова в самых общих чертах теория множественности скоростей социально-исторического времени, являвшаяся весомым вкладом Ф. Броделя в развитие исторической мысли XX в. Современный исследователь едва ли может согласиться со всеми положениями этой теории. В частности, сегодня очевидна неоправданность пренебрежительного отношения к короткому, событийному времени и вытекавшего отсюда противопоставления структурной и событийной истории, фактического отрицания научной значимости последней. Между тем события составляют нерв исторического движения, а их совокупность образует ткань истории. Трудно не согласиться с А.И. Даниловым, писавшим, что исторический мир – это мир событий. "События, – пояснял он, – это человеческая деятельность во всех ее сферах, начиная с производства материальных благ и кончая наиболее абстрактными сферами интеллектуального творчества. В истории подлинная деятельность – всегда событие"²⁵. Пренебрежение, а тем более третигование событийной стороны истории, в том числе политической, неминуемо ведет к искажению исторической перспективы. Правда, Бродель в "Средиземном море..." сумел этого избежать, посвятив третью часть своей книги людям и событиям. Но в дальнейшем в историографической практике "Анналов" и самого Броделя эта опасность стала достаточно реальной.

И все же отдадим должное броделевской теории множественности скоростей социального времени, в целом существенно расширившей возможности исторического познания. Ее неоспоримым достоинством является обоснование значения в историческом исследовании времени длительной протяженности – понятия, прочно вошедшего в научный оборот.

Действительно, долгое время – это время историка. И не только потому, что только на этом языке могут быть поняты долговременные тенденции в развитии человеческих обществ и познаны таким образом глубинные закономерности этого развития. Не менее важной является

²⁴ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 124.

²⁵ Данилов А.И. Историческое событие и историческая наука. // Средние века. М., 1980. Вып. 43. С. 17.

постулировавшаяся Броделем диалектика долгого и короткого времени, требующая включения изучаемого события в контекст длительной временной протяженности.

Из этой диалектики следует, что событийная история является правомерным типом исторического исследования, как и любой другой, что делает событие столь же законным предметом интереса историка, как и, например, структуру, социальную или экономическую²⁶. Другое дело, что изучаемое событие должно быть включено в общую историческую цепь. Ибо только обнаружив его более или менее глубинные причины и предпосылки, раскрыв его взаимосвязи и взаимозависимости, равно как и выявив его ближайшие и отдаленные последствия, мы можем претендовать на объяснение его действительного значения. И чем более масштабным является данное событие, тем важнее для его понимания такая историческая перспектива.

Сказанное в особенно большой мере относится к изучению событий, принадлежащих современной истории, где хронологическая близость к ним исследователя порождает иллюзию простого, лежащего на поверхности решения. Отсюда проистекают поспешные, зачастую идеологизированные оценки таких событий, не выдерживающие испытания временем. Именно такие оценки породили известную максиму о непредсказуемом прошлом. Но это означает, что язык короткого времени недостаточен для изучения событий истории. Для того, чтобы не поддаваться соблазну "очевидных" суждений, необходимо включать изучаемое событие в долговременную историческую перспективу. Таков важнейший вывод, следующий из теории множественности скоростей социального времени.

Другой ее фундаментальный вывод заключается в осознании плотности социально-исторического времени, его многоярусности, многослойности и вытекающей отсюда необходимости междисциплинарного подхода к изучению истории. В этой теории получила свое дальнейшее развитие и обоснование давняя идея основоположников "Анналов" о междисциплинарности в историческом исследовании. Именно движущееся с разными скоростями социальное время составляет тот стержень, вокруг которого складывается ансамбль наук о человеке и обществе. Ибо каждая из них обладает своим временем, воплощенным в

²⁶ Это положение находится в видимом противоречии с исследовательской практикой позднего Броделя и его последователей, пренебрегавшей событийной историей. Но важно подчеркнуть, что в данном случае теория оказалась шире практики – факт, не такой уж редкий в истории науки, и в этом смысле можно говорить о ее непреходящем значении для исторического познания.

предмете ее исследования. Поэтому познание человека во времени может быть достигнуто совокупными усилиями всех наук, использующих в своей практике языки разных скоростей социального времени. Что касается истории, то ее ключевое положение в этом ансамбле определяется как раз тем обстоятельством, что она является единственной наукой, говорящей сразу на всех этих языках.

Эта теория, разумеется, не выросла на пустом месте. Она вобрала в себя достижения французской и европейской общественно-исторической и естественнонаучной мысли. Не останавливаясь специально на освещении этого вопроса²⁷, рассмотрю только отношение Броделя к Марксу. Тем более, что в цитированной статье из круга своих предшественников французский ученый выделял именно его. "Гений Маркса, секрет силы его мысли, – писал здесь Бродель, – состоит в том, что он первый сконструировал действительные социальные модели, основанные на долговременной исторической перспективе"²⁸. Несколько позднее, в 1967 г. он даже утверждал: "Ясно, как дважды два четыре, что Маркс – основоположник современной исторической науки"²⁹. Его "Материальная цивилизация ..." переполнена сочувственными ссылками на Маркса.

Было бы, однако, неправомерно говорить на этом основании о "марксизме" Броделя как фундаменте его историко-теоретических взглядов. На самом деле его отношение к великому немецкому мыслителю при всем пиетете перед ним было достаточно амбивалентным. Для него был неприемлем Марксов априоризм, таивший опасность догматизации исторической действительности, столь ярко проявившейся в социологической концепции марксизма. Признавая выдающееся значение марксистских социальных моделей, он вместе с тем подчеркивал, что к этим моделям "стали относиться как к неизменным законам, априорным объяснениям, автоматически приложимым ко всем обстоятельствам и ко всем обществам. Эта жесткая интерпретация ограничила творческую силу самой мощной системы социального анализа, созданной в прошлом веке"³⁰.

Можно констатировать существенные расхождения между Броделем и Марксом в понимании некоторых принципиальных вопросов истории европейского капитализма. Я уже не говорю о том, что Маркс в своей

²⁷ О теоретических источниках формирования историко-социологической концепции Ф. Броделя см.: Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики. С. 99-104.

²⁸ Бродель Ф. История и общественные науки ... С. 139.

²⁹ Цит. по: Далин В.М. Историки Франции... С. 206.

³⁰ Бродель Ф. История и общественные науки... С. 139-140

концепции капиталистического развития сосредоточивал внимание на производстве, а Бродель – на обмене.

Характер своего отношения к Марксу в период работы над "Материальной цивилизацией..." Бродель четко выразил в письме к советскому историку В.М. Далину. Отмечая, что в эти годы бесконечных размышлений над книгой он "со всей серьезностью и вниманием прочел Маркса", постоянно сопоставляя с его взглядами свои собственные и в чем-то не соглашаясь и даже споря с ними, он заключал: "Так я пересек океан "Капитала", так я пытался, пересекая его, выверить мои интерпретации, или же достоверность фактов, которые я без какого бы то ни было пристрастия собирал. Это мой способ почитать Маркса и в конце концов быть ему верным"³¹.

3. "Материальная цивилизация, экономика и капитализм": пределы "глобальной истории"

Характеризуя свое отношение к Марксу, Бродель писал, что "если бы погрузили марксистские социальные модели в меняющиеся потоки времени, их подлинная текстура стала бы только яснее видна, так как она прочна и основательна. Она проявлялась бы бесконечно, но в разных модификациях, то затемненная, то, наоборот, оживленная присутствием других структур, которые в свою очередь требуют для своего объяснения иных законов и иных моделей"³².

Собственно, книга Броделя "Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв." и представляет собою гигантский опыт такого погружения. Это огромное трехтомное исследование, составляющее в своей совокупности в русском переводе около двух тысяч страниц большого формата, является впечатляющим опытом создания глобальной истории в долговременной исторической перспективе. Первый его том вышел в свет в 1967 г., а в 1979 г., спустя ровно 30 лет после публикации "Средиземного моря...", были изданы все три тома.

Существует определенная концептуальная связь между этими двумя книгами, заключающаяся в стремлении их автора к тотальному охвату своего материала. Различие – в объеме этого материала. Если первая книга реконструирует глобальную историю Средиземноморского региона во второй половине XVI в., то целью второго тома является исторический синтез уже в масштабах всей мировой истории XV–XVIII вв. с

³¹ Цит. по: Афанасьев Ю.Н. Фернан Бродель и его видение истории // Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. I. С. 28. Сноска 37.

³² Бродель Ф. История и общественные науки... С. 140.

обширными экскурсами в другие хронологические периоды от древности до современности.

В центре внимания Ф. Броделя материальная культура различных народов мира во всем ее многообразии, а также их экономическое развитие, правда преимущественно в сфере торговли, банковского кредита и т.п. Все тома пронизывает центральная тема: переход от одной экономической системы к другой (разложение традиционного общества и переход к капитализму). При этом автора занимают вопросы, почему, достигнув пределов возможного, сгнил и распался Старый порядок и почему это произошло к выгоде небольшой части человечества.

Объектом его исследования является многослойная историческая действительность, в которой отчетливо выделяются три уровня, или три этажа. Первый из них Бродель определяет как материальную жизнь, или материальную цивилизацию. Это "непрозрачная для взгляда зона", "инфрээкономика", "экономика самодостаточности", предполагающая обмен продуктами и услугами в очень небольшом радиусе. Второй этаж составляет рыночная экономика, т.е., поясняет ученый, "механизм производства и обмена, связанный с деятельностью людей в сельском хозяйстве, с мастерскими, с лавками, с биржей, банками, ярмарками и, разумеется, с рынками". Над обширной поверхностью рынков возвышается третий этаж. Его составляют "активные иерархические социальные структуры", искажающие в свою пользу ход обмена и расшатывающие установившийся порядок. "Эта, – пишет Бродель, – вторая непрозрачная зона, которая, находясь над ясной картиной рыночной экономики, образует в некотором роде верхний ее предел, представляется мне... сферой капитализма по преимуществу. Без нее капитализм немислим; он пребывает и процветает в ней"³³.

Этой, по выражению Ф. Броделя, "трехчастной схеме" соответствует структура его труда, каждый том которого посвящен определенному уровню (этажу) исторической действительности. Том 1 называется "Структуры повседневности: возможное и невозможное", том 2 – "Игры обмена", т. 3 – "Время мира", т.е. складывания мировой капиталистической экономики.

Но прежде, чем перейти к краткой характеристике их содержания, отмечу одну примечательную особенность исследовательского метода Ф. Броделя, заключающуюся в органическом единстве в его анализе исторической теории и историографической практики. Все историко-теоретические построения ученого, каждый его принципиальный вывод

³³ Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 1. С. 33-34.

основываются на обширном массиве фактического, преимущественно архивного материала. Сам Бродель признавался в своем пристрастии к архивным занятиям. На вопрос журналиста о том, что он главным образом читает, ученый ответил: "Без всякого сомнения – архивы. У меня безудержная страсть к документу, который еще никто не знает, к кипам бумаг, которые еще никто не перелистывал. Я бесконечно предпочитаю рукопись печатному слову"³⁴.

Уже создавая свою первую книгу, Бродель работал в архивах Франции, Испании, Италии, Австрии, Германии, Турции, поднимая многочисленные, никем до него не исследованные фонды. Еще в большем числе архивов, включая Архив внешней политики России, он работал, готовя свою вторую книгу. Столь же досконально он изучал относящиеся к его исследовательской проблематике труды историков, экономистов, социологов, этнологов, представителей других наук о человеке. По подсчетам В.М. Далина, в "Материальной цивилизации..." содержится свыше 5700 ссылок на архивные источники и литературу. Нельзя не согласиться с американским автором Дж. Хекстером, писавшим о чуде его исторической эрудиции, из которой вырос особый мир, мир Броделя.

Войдем же в этот мир. Вступим на первый его этаж, где располагаются структуры повседневности. По признанию самого Броделя, том, в котором они исследуются, является самым сложным из всех, составляющих его книгу. Эта сложность вырастает из множественности поставленных в нем целей и вытекающей отсюда трудности раскрытия и включения в целостное повествование таких обычно изолированных друг от друга и изучаемых в виде побочных сюжетов тем, как демография, питание, костюмы, жилище, техника, монетные системы, городская жизнь.

Это и есть структуры повседневности, составляющие своеобразную почву, на которой вершится историческая жизнь человека и которая должна описываться языком длительной временной протяженности. Здесь на протяжении веков мало что изменялось, так как, по убеждению Броделя, существует некий "потолок", предел, ограничивающий жизнь людей, очерчивающий ее как бы более или менее широкой пограничной полосой, которую трудно достичь и еще труднее преодолеть. Такой предел составляет границу между *возможным* и *невозможным*, между тем, что люди хотят достичь, и тем, что остается недостижимым.

В эти малоподвижные рамки была заключена материальная цивилизация XV–XVIII вв. Ее составляли, пишет Ф. Бродель, люди и вещи.

³⁴ Цит. по: Афанасьев Ю.Н. Фернан Бродель и его видение истории // Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 1. С. 12.

Книгу открывает большая глава, характеризующая народонаселение мира, демографические приливы и отливы, болезни и эпидемии, стихийные бедствия и голод, климатические ритмы и демографические циклы, соотношение рождений и смертей и многое другое, позволяющее выявить определенные закономерности в развитии материальной цивилизации XV–XVIII вв.

Важнейшую из них Бродель обозначает понятием "биологический Старый порядок", рассматривая его в пределах длительной временной протяженности (1400–1800 гг.). Он характеризуется бесконечной борьбой людей против скудости и недостатка питания, с одной стороны, и против подстерегающих их коварных и многоликих болезней, с другой. Отсюда неустойчивость положения, в котором пребывал человек, краткий срок его жизни. Бродель приводит многочисленные факты из истории разных континентов, подтверждающие эту характеристику, и заключает: биологический Старый порядок – "в целом это равные права жизни и смерти, очень высокая детская смертность, голодовки, хроническое недоедание, мощные эпидемии. Давление этого порядка едва смягчается во время подъема в XVIII в., разумеется, по-разному, в зависимости от места. Лишь определенная часть Европы, даже не вся Западная Европа, начинает от него освобождаться"³⁵.

Однако в общей оценке биологического Старого порядка Ф. Бродель не ограничивается лишь его негативными характеристиками. Он указывает также на присущие ему качества, обеспечивавшие выживание людям. Ученый называет эти качества компенсаторной способностью, причисляя ее к главнейшим чертам Старого порядка. Он подчеркивает его "способность к компенсации в течение кратковременных циклов, столь же мощных, если и не столь же быстрых, как те неожиданные удары, какие обрушиваются на живущих. В долгосрочном плане компенсация происходит незаметно, но в конечном счете ей принадлежит последнее слово. Отлив никогда не уносит полностью то, что принес предшествовавший прилив"³⁶. Такой долгосрочный подъем, замечает он далее, представляет "триумф количества".

Понятие "количество" рассматривается в книге и в других аспектах. В частности, пишет Бродель, социальное количество почти безошибочно разделяло людей на господ и подданных, на пролетариев и привилегированных в отношении их возможностей и шансов на успех.

³⁵ Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. I. С. 106.

³⁶ Там же. С. 107.

Большое внимание Ф. Бродель уделяет войнам, этой, по его словам, многообразной деятельности, присутствующей всегда, даже на "нулевом уровне" истории. В книге рассматриваются различные типы войн, включая колониальные и столкновения между цивилизациями. Конечно, пишет он, картина исторических судеб рассматривается отнюдь не целиком под знаком количества, простой игры сил, разности потенциалов или простого притяжения. Но свое слово на протяжении веков сыграло и количество, в котором, подчеркивал Бродель, материальная жизнь находит одну из своих принудительных границ и своих констант. "Если забывать о роли войны, – продолжает он, – сразу же стирается весь социальный, политический и культурный (религиозный) пейзаж"³⁷.

Вслед за этим в книге развертывается грандиозная панорама повседневной жизни людей в ее многообразных формах и проявлениях. Хлеб насущный, пшеница и другие злаковые культуры, цены на зерно и уровень жизни, хлеб богачей и каша бедняков, повседневная жизнь и напитки, жилища и одежда для богатых и бедных, мода, чистоплотность, вернее, ее отсутствие³⁸. Далее следуют главы, в которых детально рассматриваются развитие энергетики, а также технические новшества, денежные системы, города.

Таков далеко не полный перечень сюжетов, составляющих содержание первого тома "Материальной цивилизации..." Но, полагаю, он дает представление о масштабности всего исследования, которое еще более усиливается, если мы обратимся к его географическим рамкам. Это поистине всемирная история. Конечно, в центре внимания автора – Западная Европа. Однако широкое использование сравнительно-исторического метода позволило ему создать впечатляющую картину развития материальной цивилизации в XV–XVIII вв. во всемирно-исторической перспективе. Здесь находят свое место и Китай, и Индия, и Россия, и Африка, и другие страны и континенты. Впечатляет указатель географических названий к первому тому (как, впрочем, и к двум остальным). В нем присутствуют и африканская страна Абиссиния, и южноамериканская река Амазонка, и сибирский город Томск.

³⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. I. С. 117.

³⁸ Мастер исторической детали, Ф. Бродель немногими штрихами умело создает у читателя соответствующее впечатление. В Лондоне, пишет он, в 1800 г. не было ни единого банного заведения, и даже немного позднее одна весьма высокопоставленная и очень красивая английская дама как-то ответила своему собеседнику, обратившему внимание на сомнительную чистоту ее рук: "И это Вы называете грязью? А что бы Вы сказали, увидев мои ноги?" (Там же. С. 353). Здесь же он приводит другой пример: "В Китае мыла не существовало, как не было там нательного белья".

Тем самым вся картина получает выраженный панорамный эффект, когда, например, сопоставляются города европейского Запада и мусульманского мира. Тут же дается типология крупного столичного города (Неаполь, Санкт-Петербург, Пекин, Лондон). В сущности в такой сравнительно-исторической перспективе рассматривается всякий более или менее значительный сюжет, привлекавший внимание автора. Вследствие этого его общая концепция носит глобальный, полифонический характер, когда мощный западноевропейский голос не заглушает иные голоса.

Книга, как уже говорилось, написана языком длительной временной протяженности. Но это не означает, что все рассматриваемые в ней структуры повседневности застыли в своей неподвижности. Напротив, в книге детально рассматривается движение народонаселения, его приливы и отливы, повышение урожайности, даже, по выражению Броделя, продовольственные революции XVIII в. (распространение кукурузы и картофеля), развитие техники и "технические революции", урбанизация Запада в XVIII в. как предвестие появления нового человека и т. п.

Вместе с тем Ф. Бродель подчеркивает медлительность, инертность материальной цивилизации XV–XVIII вв., вследствие чего за эти столетия почти не изменилась грань между возможным и невозможным. Ибо питание людей было недостаточным, их численность слишком малой или слишком большой в сопоставлении с их ресурсами, их труд недостаточно производителен, а овладение природой едва намечилось. "Это факт, – пишет он, – что каждый мир с густым населением выработал ряд простейших ответов [на свои потребности] и обнаруживает прискорбную тенденцию держаться за эти ответы в силу инерции, одной из великих работниц истории"³⁹.

Такова та материальная цивилизация, из которой вырастает капитализм. В заключение первого тома Бродель, обращаясь, по собственному выражению, к "языку Маркса", дает ее общую социокультурную характеристику. Он выделяет три ее координаты: общества, экономики и государства. В их рамках сложились "различные социоэкономики мира: одни с рабством, другие – с сервами и сеньерами, третьи – с деловыми людьми и предкапиталистами". Это был мир, лишенный равенства. Но "как раз такие неравенства, несправедливости, противоречия, большие или крохотные, оживляли мир, непрестанно его преобразовывая в верхних, единственных по-настоящему подвижных его структурах... Именно это сделало из предкапитализма экономическое "воображение" мира,

³⁹ Ф. Бродель. Материальная цивилизация... Т. 1. С. 595.

источник или признак всякого великого материального прогресса и всех самых тяжелых форм эксплуатации человека человеком"⁴⁰.

Но утверждению капитализма предшествовали "игры обмена", анализу которых Бродель посвятил второй том "Материальной цивилизации...". В этом томе мы вслед за автором поднимаемся на второй этаж экономической истории человечества, в зону рыночной экономики – прозрачную и легко доступную наблюдению сферу обращения, где "шум рынков безошибочно достигает наших ушей"⁴¹. Действительно, том изобилует деталями, столь ярко живописующими "игры обмена", что у читателя невольно возникает иллюзия сопричастности ко всему происходившему сотни лет назад на рынках и биржах, к всевозможным торговым и банковским операциям.

Но эта наглядность не является самоцелью. Задача автора – показать генезис капитализма, становление вырастающих из малоподвижной рыночной экономики и возвышающихся над ней капиталистических денежных структур. Во втором томе рассматривается процесс медленной смены экономической системы Старого порядка, в рамках которой были возможны лишь медленные изменения в "пределах возможного", новой, характеризующейся современным типом экономического роста.

Соответственно этому выстроена его структура. Он начинается с изображения "орудий обмена". В центре внимания автора бесчисленные рынки, их разрастание, специализация, плотность, их "выплескивание" в деревню, возникновение рынка труда, связанного с возрастающим использованием наемной рабочей силы, лавки, их специализация, иерархизация и быстрый рост (лавки "пожирают" город и завоевывают мир), торговля вразнос, стимулировавшая и распространявшая обмен, и т.д.

Это нижний этаж экономики. На верхнем располагается мощная "надстройка торгового этажа" капитализма. В книге детально рассматриваются такие важнейшие инструменты торговли на далекие расстояния, как ярмарки и биржи, даже в XVIII в. оставшиеся в центре большой торговой жизни в Европе. Перед читателями проходит история ярмарок от их возникновения в раннее Средневековье до заката на исходе Старого порядка. Хотя и в XVIII в. они сохраняли важное экономическое значение. В самом деле, пишет Бродель, если экономическая жизнь ускорялась, ярмарка, эти старые часы, не поспедала за новым ускорением, "но как только эта жизнь замедлялась, ярмарка вновь обретала

⁴⁰ Ф. Бродель. Материальная цивилизация... Т. 1. С. 597.

⁴¹ Ф. Бродель Материальная цивилизация, ... Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 10.

смысл существования"⁴². Столь же основательно в книге рассматривается история биржи, этого, по определению Броделя, последнего "этажа" ярмарки, но ярмарки непрерывной.

Вслед за тем дается общая характеристика рыночной экономики, выявляются ведущие тенденции ее развития, вырабатывавшие некий автоматизм, соединявший в ней спрос, предложение и цену. "Наконец, – заключает Бродель эту характеристику, – рядом с этим слоем, или, вернее, за ним, зона "противорынка" представляла царство изворотливости и права сильного. Именно там и располагается зона капитализма по преимуществу, как вчера, так и сегодня, как до промышленной революции, так и после нее"⁴³.

Так возникает центральная тема второго тома, да и всего исследования – тема капитализма. Она начинается с интереснейшего этимологического очерка понятий "капитал", "капиталист", "капитализм". Древнейшим из них является первое понятие, появившееся в Италии уже в XII–XIII вв. в значении "ценности, запасы товаров, деньги, приносящие проценты". Понятие "капиталисты" появилось в середине XVII в., обозначая обладателей денежных состояний. Так, Руссо писал о себе: "Я не большой барин, не капиталист. Я беден и доволен". Значительно позже возникло понятие "капитализм". Спорадически оно встречалось в XIX в., но только в начале следующего столетия зазвучало в полную силу в политических дискуссиях как естественный антоним понятия "социализм".

В научный оборот это понятие было введено немецким экономистом В. Зомбартом, а в 1926 г. появилось в "Британской энциклопедии". Но даже в это время, подчеркивает Бродель, оно не приобрело общепринятого научного значения. В подтверждение он приводит его забавное определение в "Словаре французской академии" (1932): "Капитализм – это совокупность капиталистов".

Становлению капитализма посвящены две центральные главы книги: "Производство или капитализм в гостях" и "Капитализм у себя дома", т.е. в сфере обращения, столь же информативные и изобилующие яркими деталями, как и предыдущие. Ключевая проблема, пишет Бродель, заключается в том, чтобы выяснить, почему капиталистический сектор не смог легко распространиться на все общество, почему он жил, как замкнутая система. На первый взгляд его суждение на этот счет кажется парадоксальным. "Возможно, – полагает он, – это было условием его

⁴² Бродель Ф. Материальная цивилизация, ... Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 80.

⁴³ Там же. С. 220.

выживания: общество прошлого допускало образование значительного капитала только в определенных секторах, а не во всей рыночной экономике того времени"⁴⁴.

Это суждение получает в книге обстоятельную аргументацию, позволяющую более наглядно уяснить механизм капитализации Европы. Рассматривая секторы экономики, в которые проникал капитализм, Бродель выстраивает "типологию капитала". Сначала изучаются секторы, которые, по его мнению, капитализм затрагивал косвенным образом и ограниченно: земледелие, промышленность, транспорт. Капитализм, пишет он, часто "вгрызлся" в эти чужие владения, но также легко и уходил оттуда. "У себя дома" капитализм был лишь в сфере обращения, располагаясь на вершине торговой иерархии.

Ф. Бродель рассматривает различные формы капиталистической деятельности, подчеркивая ее главную черту – спекулятивный характер. Благодаря спекулятивной игре, пишет он, на смену прозрачной рыночной экономике приходит новая непрозрачная зона, составляющая верхний этаж экономической жизни, – преобразующая мир капиталистическая деятельность, анализ которой приобретает в книге выраженное социальное измерение.

В этом отношении принципиальное значение имеет заключительная глава второго тома, по словам Броделя, наиболее необходимая, "Общество или "множество множеств". В ней автор помещает экономику и капитализм в общие рамки социальной действительности, без которой ничто не может обрести своего полного значения. Ибо человек живет в обществе. "Общество, – пишет Бродель, – обволакивает нас, ориентирует всю нашу жизнь своей рассеянной вездесущей реальностью, которую мы ощущаем едва ли не более, чем воздух, каким дышим"⁴⁵.

Он характеризует общество как сумму живых реальностей, связанных или не связанных между собою, как *множество множеств*. Это заимствованное у математиков понятие, поясняет ученый, является полезным упоминанием о том, что любая социальная реальность, наблюдаемая сама по себе, находится в рамках более высокого множества. Иными словами, речь идет об иерархизированном обществе.

Так мы подошли к понятию социальной иерархии, занимающему центральное место в броделевской характеристике общественных отношений в эпоху становления капитализма. Все общества, какие знает история, пишет Бродель, были и остаются иерархизированными. Даже

⁴⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 240.

⁴⁵ Там же. С. 460.

общество греческих богов на Олимпе было иерархизировано. Любое общество – это разнообразие, множественность, и в этом состоит его существо, так как нет общества без каркаса, без структуры. Поэтому, настаивает ученый, понятие "социальная иерархия" обозначает в конечном счете важнейшее содержание слова *общества*". И хотя всякое общество имеет свои страты, свои категории и свои классы с их извечной классовой борьбой, "я бы, – пишет он, – предпочел говорить об иерархиях, а не о социальных стратах, категориях или даже классах"⁴⁶.

Главное внимание Ф. Бродель сосредоточивает на деятельности капиталистических иерархий, приведшей к утверждению в Европе современного капитализма. Но почему именно в Европе? Или, точнее, почему именно Европа явилась родиной современного капитализма, откуда он распространился по всему миру? Вопрос, который и поныне сохраняет свою научную значимость и который едва ли имеет однозначное решение.

Вспомним наиболее известные ответы на него. Для К. Маркса он заключался в диалектике развития производительных сил и производственных отношений. Именно в Западной Европе в силу ее быстрого экономического развития раньше всего сложились предпосылки для взрывания капиталистического уклада. В противоположность этому М. Вебер акцентировал значение религиозно-этического фактора. По его убеждению, раннее развитие современного капитализма было связано с распространением протестантской этики.

Еще одно оригинальное решение этого вопроса предложил Ф. Бродель, поставив его в общий социально-экономический и политический контекст. "Нам представляется, – писал он, подводя итоги своего исследования развития капиталистических иерархий в их взаимоотношениях с другими секторами общества и государством, – что процесс капиталистического развития, рассматриваемый в его совокупности, мог протекать лишь на основе определенных экономических и социальных реальностей, которые открыли или по крайней мере облегчили ему путь"⁴⁷.

Далее Бродель формулирует эти реальности. Первой из них, и здесь он не оригинален, провозглашается жизнеспособная и прогрессирующая рыночная экономика. Своеобразие его подхода проявляется разве что в подчеркивании глобального характера факторов, которые должны способствовать созданию такой экономики: географических, демографических, сельскохозяйственных, торговых. Однако, как показывает ученый, такое развитие не являлось прерогативой Европы. Оно проис-

⁴⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 464.

⁴⁷ Там же. С. 609.

ходило в масштабах всего мира, население которого выросло повсюду: в Индии, Китае, Японии, Америке и даже, добавляет он, до определенной степени – в Африке. Поэтому, заключает он, базовая рыночная экономика является *необходимым, но не достаточным* условием процесса капиталистического развития.

Для этого требовалось еще одно обязательное условие: наличие благоприятствующего развитию капитализма социального климата. Остановимся на нем подробнее, так как, обосновывая его, Бродель открывает в проблеме генезиса капитализма новый аспект. Требуется, формулирует он это условие, чтобы общество содействовало развитию капитализма, открывало ему зеленый свет, не представляя, впрочем, замечает ученый, в какой процесс оно втягивается или каким процессам открывает дорогу на столетия вперед. На основе исследования огромного эмпирического материала он приходит к заключению, что "общество принимало предшествующие капитализму явления тогда, когда, будучи тем или иным образом иерархизировано, оно благоприятствовало долговечности генеалогических линий и того постоянного накопления, без которого ничто не стало бы возможным"⁴⁸.

Конкретизируя это положение, Бродель указывает на утверждение наследственного права, способствовавшего накоплению богатств, без которого было бы невозможно становление современного капитализма. Нужно было, поясняет он, чтобы накопленные богатства передавались по наследству, чтобы наследуемые имущества из поколения в поколение увеличивались, чтобы общество было ступенчатым, делавшим возможным, хотя и нелегким, социальное возвышение. Это был длительный эволюционный процесс, характеризуя который, Бродель обращается к своему излюбленному языку долгого времени. Он пишет о "долгом, очень долгом" предварительном вызревании условий для устойчивого развития капиталистических отношений в процессе многовекового совокупного движения общества, о тысячах факторов, вмешивавшихся в это движение. И не только специфически экономических, но в еще большей степени политических.

В их числе первое место отводится "всепоглощающему государству". Впрочем, хотя Бродель так и озаглавил большой раздел заключительной главы второго тома "Материальной цивилизации...", оно в его изображении отнюдь не предстает всемогущим. Напротив, полемизируя с В. Зомбартом, возводившим генезис капитализма к могуществу государства, он пишет о "незавершенном государстве", влачившем жалкое существование

⁴⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, ... Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 610.

и вынужденном обращаться к "услугам ближнего". Таким "ближним" в его концепции являлся прежде всего "буржуазный класс", в богатствах которого неизменно нуждалось нищее государство, что заставляло его быть объективно заинтересованным в развитии капитализма.

Так складывался союз королевской власти и буржуазии, взаимовыгодные результаты которого Бродель показывает на примере распространенной практики продажи должностей. Союз этот не был стабильным. "Государство благоприятствовало капитализму, приходило ему на помощь – это бесспорно", – писал он, хотя и признавал, что в политике государственной власти одновременно прослеживались и противоположные, антикапиталистические тенденции. Главное было в другом: капиталистические иерархии вошли в систему властных отношений. "Благоприятствующее, не благоприятствующее, но современное государство, – утверждает он, – было одной из тех реальностей, среди которых прокладывал себе дорогу капитализм, то стесняемый, то поощряемый, и довольно часто продвигавшийся на нейтральной почве".

Поэтому, делает вывод Ф. Бродель, "аппарат власти, сила, которая пронизывает и обволакивает все структуры, – это гораздо больше, чем государство. Это сумма иерархий – политических, экономических, социальных, культурных, это сосредоточение средств принуждения, где государство всегда может дать почувствовать свое присутствие, где оно зачастую было замковым камнем всего сооружения и где оно почти никогда не бывало единственным хозяином"⁴⁹. Именно в этом смысле Бродель говорит о "всепоглощающем государстве", создававшем благоприятные условия для развития капитализма. На огромном эмпирическом материале, широко используя сравнительно-исторический метод, он убедительно показал, что эти условия сложились только в Европе и, на свой лад, в Японии.

Наконец, Ф. Бродель формулирует последнее, третье условие, необходимое для необратимого развития капитализма. "В конечном счете, – пишет он, – ничто не стало бы возможным без своеобразной деятельности мирового рынка, как бы освобождающей от пут". Ибо капитализм всегда находился в том секторе экономики, который стремился включиться в широкие международные связи. Таким образом, он играл на более широком поле, чем обычная рыночная экономика. В силу этого капиталистические интересы выходят за пределы ограниченного национального пространства. Так устанавливаются прочные связи между раз-

⁴⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, ... Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 562-563.

личными экономическими регионами мира и формируются "международное разделение и, разумеется, вытекающие из него прибыли"⁵⁰.

Эти процессы характеризуются в третьем томе книги, озаглавленном "Время мира". В этом томе дается общая картина мировой экономической истории, рисуемая языком длительной временной протяженности, поражающая читателей своей масштабностью и, наряду с этим, той тщательностью, с какой выписаны составляющие ее многообразные детали.

Главным объектом исследования или, говоря словами автора, членения пространства в этом томе являются "миры-экономики". Это созданное Броделем понятие несет в себе большую смысловую нагрузку, фокусируя глобальные экономические процессы, протекавшие в мире в XV – XVIII вв. Обратите внимание на различие понятий "мир-экономика" и "мировая экономика". Последнее характеризует экономику всей планеты, "рынок всего мира". Первое затрагивает лишь часть Вселенной, обозначая замкнутые пространства, конституировавшиеся, по выражению Броделя, как особые миры, как самостоятельные куски планеты.

Функционирование этих миров подчиняется определенным закономерностям, или, по выражению Броделя, "правилам, выявляющим тенденцию". Он формулирует три таких правила. 1. Медленно варьирующиеся пределы пространства, составляющего данный мир-экономику. 2. В центре такого пространства находится капиталистический город, являющийся его экономическим и политическим полюсом. Такие города, "города-миры" беспрестанно соперничают между собою и сменяют друг друга в качестве господствующих центров. 3. Это пространство всегда иерархизировано. Оно предстает суммой частных экономик, из которых одни бывают бедными, другие скромными и одна-единственная, расположенная в центре мир-экономики, оказывается относительно богатой. Отсюда Бродель производит различные виды неравенств, ту разность потенциалов, посредством которой обеспечивается функционирование всей системы.

Остановимся, как это делает и сам Бродель, на этом правиле подробнее, так как оно описывает не только структуру иерархизированного пространства мира-экономики, но и механизм его функционирования. Всякий мир-экономика, полагает он, состоит из концентрированных зон, устремляющих свой взор к одной и той же точке, центру. Это тесно взаимосвязанные, но строго иерархизированные по отношению к центру области, различающиеся между собою по степени участия в экономиче-

⁵⁰ Бродель Ф. Матерьяльная цивилизация, ... Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 610.

ском прогрессе и вытекающем отсюда материальном благополучии их населения.

Итак, всякий мир-экономика может быть представлен в следующем виде. Его венчает центральная зона, его "сердце", наиболее благополучная зона, соединяющая все самое передовое и разнообразное. Затем следуют зона "блистательных вторых", которая располагает лишь частью преимуществ Центра, и, наконец, огромная периферия, представляющая архаичность, отставание и являющаяся объектом эксплуатации со стороны других. "Такая дифференциальная география, – заключает Бродель, – еще и сегодня подстерегает и объясняет всеобщую историю мира, хотя последняя при случае тоже сама по себе создает ловушки в силу своего попустительства"⁵¹.

Таковыми ловушками являются, в частности, так называемые "изоляты" или бесчисленные "ямы", которыми были пронизаны все передовые экономики. Эти "изоляты" Бродель находит даже в современной ему Франции. Это регионы, пребывающие, по его образному выражению, "на окраинах торжествующей истории"⁵². Так подчеркивается многослойность реальной истории, которую не в состоянии полностью охватить никакая типология.

Миры-экономики, пишет Бродель, существовали всегда, по крайней мере с очень давних времен. "Набросок" их он находит уже в древней Финикии. Отдельными мирами-экономиками были Индия, Китай, Московское государство. Все они в той или иной мере исследуются в "Материальной цивилизации...". Но преимущественное внимание в ней уделяется западноевропейскому миру-экономике, так как вследствие его экспансии возникает "время мира", подлинная мировая история. Все остальные рассматриваются в сравнении и в связи с ним.

Западноевропейский мир-экономика зародился очень рано. Ф. Бродель даже полагает, что в европейском пространстве сменяли друг друга несколько миров-экономик. Или, уточняет он свою мысль, "европейский мир-экономика после XIII в. несколько раз менял свою форму, перемещал свой центр, пересматривал свои периферийные области"⁵³.

XIII в. избирается в качестве исходного рубежа потому, что в этом столетии, полагал вслед за Марксом Бродель, в Европе зародился капитализм⁵⁴. Таким образом, по существу для него история западноевро-

⁵¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, ... Т. 3: Время мира. М., 1992. С. 32.

⁵² Там же. С. 8.

⁵³ Там же. С. 65.

⁵⁴ Однако, считал он, еще гораздо раньше норманские набеги на короткое время очертили хрупкий мир-экономике, а уже начиная с XI в. в Европе создается то, что станет

пейского мира-экономики – это история развития европейского капитализма и его выхода на мировую сцену. Соответственно этому наряду с членением пространства в книге осуществляется членение времени.

Если, заявлял Бродель, важнейшими умопостигаемыми единицами, на которые делится пространство, являются миры-экономики, то соответствующие единицы, на которые членится время, суть циклы, имеющие большую или меньшую протяженность. В XX в., пишет он, гуманитарные науки открыли ту истину, что вся жизнь людей подвергается флуктуациям (колебаниям) по прихоти бесконечно возобновляющихся *периодических движений*, совокупность которых образует *конъюнктуры*, затрагивающие экономику, политику, демографию, коллективное мышление, различные сферы культуры. Речь, таким образом, идет о "конъюнктурных ритмах", соответствующих разным скоростям течения социально-исторического времени.

Из их числа наибольшее внимание Броделя привлекает вековая тенденция, тренд. Как и всякий другой цикл, тренд имеет свою исходную точку, вершину, после чего начинается спад, и конечную точку спада. Всего в Западной Европе он насчитывает четыре последовательных вековых цикла: 1250 [1350]⁵⁵ – 1507-1510 гг.; 1507-1510 [1650] – 1733-1743 гг.; 1733-1743 [1817] – 1896 гг.; 1896 [1974] – ... Обращение к этим циклам, по убеждению Броделя, позволяет раскрыть закономерность развития европейского мира-экономики, выявить характеризующие его системные связи.

В самом общем виде они могут быть обозначены следующим образом. В период векового подъема процветают не только экономика, но и социальный порядок, культура и государство. При продолжительных и упорных спадах картина меняется. Государства делаются задиристыми, агрессивными. Но вместе с тем, заключает Бродель, "вековые спады способствовали культурным взрывам или тому, что мы рассматриваем как культурные взрывы. После 1600 г. – цветение итальянской осени в Венеции, Болонье, Риме. После 1815 г. – романтизм, воспламенивший старую уже Европу"⁵⁶.

первым ее миром-экономикой, за которым последуют другие, вплоть до нашего времени. Так, заключает Бродель, "отнюдь не в 1400 г., с которого начинается эта книга, родилась Европа – чудовищное орудие мировой истории, а по крайней мере двумя-тремя столетиями раньше, если не больше" (Там же. С. 88).

⁵⁵ Дата, заключенная в квадратные скобки, означает кульминационную точку каждого цикла, иными словами, поясняет Бродель, точку кризиса, где вековая тенденция начинает свое обратное движение.

⁵⁶ Бродель А. Материальная цивилизация... Т. 3. С. 82.

Большое внимание Бродель уделяет выявлению связей между экономическим развитием и социальной структурой европейского общества, анализируя, в частности, влияние экономических циклов на положение социальных низов. Задаваясь вопросом, "как же в целом чувствовали себя эти массы при балансировании вековых приливов и отливов", как изменялась "участь самых многочисленных, огромного большинства живущих" под воздействием экономической конъюнктуры, Бродель формулирует некоторую обратную зависимость между экономическими и социальными флуктуациями.

Этому огромному большинству было скорее плохо, заключает он, когда все в экономике шло наилучшим образом и, напротив, экономический спад влек за собой улучшение жизни масс. Так, на самый мрачный период европейского упадка, охвативший 1350–1450 гг., пришелся своего рода "золотой век" в повседневной жизни простого народа. Причину этого Бродель ищет в особенностях демографической конъюнктуры. "В прошлом, – констатирует он, – благосостояние простого народа, сопровождавшее вековые спады, всегда оплачивалось огромными предварительными жертвами – самое малое миллионами умерших в 1350 г.; серьезным демографическим застоєм в XVII в. Именно это уменьшение численности людей и ослабление экономического напряжения стали основой явного улучшения для выживших, для тех, кого пощадили мор или спад"⁵⁷.

Но Броделя занимает не одно только прошлое, так как его исследовательский метод предлагал изучение прошлого в органической связи с настоящим. Эта связь, декларировавшаяся еще основоположниками "Анналов", получила в его творчестве наиболее последовательное выражение. Какой бы далекой от современности проблематикой Бродель ни занимался, он неизменно обращался к настоящему. Но делалось это не ради пресловутой "актуализации" прошлого. Развивая лучшие традиции "Анналов", он ставил изучаемое явление в общую историческую связь, благодаря чему достигалось его объемное видение, а следовательно, и более глубокое понимание. Такой подход обнаруживается уже в первой книге Броделя. Вспомним его сформулированное в полемике со Шпенглером понимание истории как череды кризисов, разделяемых своеобразными площадками, одной из которых и являлся мир Средиземноморья во второй половине XVI в.

В "Материальной цивилизации...", особенно в ее третьем томе, этот подход стал господствующим, определив его исследовательское пространство, далеко выходящее в обе стороны за указанные в заголовке

⁵⁷ Бродель А. Материальная цивилизация... Т. 3. С. 83-84.

книги хронологические рамки. Мы могли убедиться в этом на примере броделевской периодизации истории европейского мира-экономики, устремленной в настоящее. На эту устремленность я и хочу обратить ваше внимание. Раскрывая закономерности функционирования европейского мира-экономики в долговременной исторической перспективе, Бродель показывает, что они не являются константами: время вносило в их действие свои, подчас существенные, коррективы.

Так, например, обстоит дело с констатированной Броделем обратной зависимостью между экономическим ростом и благосостоянием народных масс. Эта закономерность, указывает он, перестает действовать с середины XIX в. в результате промышленной революции. Обусловленный ею огромный и резкий подъем производительности труда разом повысил потолок возможностей, следствием чего стал беспрецедентный демографический рост, сопровождавшийся увеличением доходов на душу населения. На этом основании Бродель делает вывод, что с указанного времени социальный подъем изменяется в своих характеристиках.

Но, задается он вопросом, насколько это стало необратимым, рассматривая под таким углом зрения кризис 1970-х гг. Он подчеркивает, что этот кризис по своим симптомам существенно отличается от соответствующей фазы вековых циклов, совершавшихся до промышленной революции, но все же спрашивает, "не ставится ли нынешняя проблема, с необходимыми поправками, в прежних выражениях? Не достиг ли (или не превзошел ли) человеческий прогресс уровня возможного, щедро увеличенного в прошлом веке промышленной революцией? Может ли число людей возрастать без катастрофических результатов, по крайней мере временно, пока какая-то новая революция, например энергетическая, не изменит условия задачи?"⁵⁸

Так в исследовательской практике претворяется заповедь М. Блока непрестанно связывать изучение мертвых с изучением живых. Такое изучение прошлого выводит на болевые точки настоящего, обращение к которым, в свою очередь, помогает читателям разглядеть социально-научную значимость этого прошлого, а следовательно, и прийти к более глубокому его пониманию. У меня еще будет повод поговорить об этой черте методологии Броделя, а сейчас продолжу его характеристику европейского мира-экономики, его эволюции (движение с Юга на Север его центра и соответствующую смену его форм).

Перед читателями разворачивается грандиозная панорама экономической жизни Европы, представленная в ее динамике и многослойности, в

⁵⁸ Бродель А. Материальная цивилизация... Т. 3. С. 84.

сопоставлении специфики развития различных ее регионов и экономического центра – и в деталях, бесчисленных живописных деталях, придающих особый колорит общим суждениям и выводам Броделя.

Европе противопоставляется "не-Европа"⁵⁹. В книге обстоятельно, хотя и не так детализированно, рассматривается экономическое развитие остальных регионов мира, включая Черную Африку, под углом зрения "Мир на стороне Европы или против нее" (так называется самая обширная пятая глава третьего тома). Это рассмотрение, как признает сам Бродель, ведется с европоцентристской точки зрения – в том смысле, что еще до XVIII в. "не-Европу" "невозможно было бы понять без учета покрывавшей ее тени европейского Запада"⁶⁰.

Вспомним его оценку Европы как чудовищного орудия мировой истории. Эта оценка получила разностороннюю конкретизацию в пятой главе, где рассматривается европейская экономическая, политическая и культурная экспансия. Из всего мира, пишет Бродель, извлекала Европа "значительную долю своей сути и своей силы", без чего была бы невозможна промышленная революция – "главный ключ судеб Европы"⁶¹. Да и всего мира, превратившегося в объект постоянно возрастающей с ее стороны эксплуатации.

Так появляется последнее звено в цепи аргументов, с помощью которых Ф. Бродель объясняет исключительную витальную силу европейского капитализма. Он замечает, что если бы все преимущества Европы, вытекавшие из ее географического положения и специфических социальных структур, благоприятствовавших капиталистическому накоплению, "не нашли выражения в господстве – во всех значениях этого термина, – европейский порыв не имел бы ни того же блеска, ни той же быстроты, ни – главное! – тех же последствий"⁶².

Это господство, экономическое, политическое, военное, а в значительной степени и культурное, стало результатом промышленной революции. Ибо, замечает Бродель, "революция эта была не просто инструментом развития, взятым самим по себе. Она была орудием господства и уничтожения международной конкуренции"⁶³. Характеристике промышленной революции посвящена заключительная глава книги. Напи-

⁵⁹ Это понятие является, конечно, условным или, как признает сам Бродель, "несовершенным". В действительности речь идет о противопоставлении Западной Европы и остального мира. С другой стороны, в понятие "Европа" включаются США.

⁶⁰ Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 3. С. 396.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 397.

⁶³ Там же. С. 551.

санная языком долгого времени, она богата оригинальными мыслями, взрывающими традиционные представления о промышленной революции, как и о революции вообще.

Начнем с последних. Вопреки общеупотребительному значению понятия "революция", используемому для обозначения явлений насильственных и быстрых, Бродель настаивает, что в социальных явлениях "быстрое и медленное неразделимы". Ибо "нет общества, которое не разделялось бы между силами, отстаивающими его, и силами, подрывающими и разрушающими". Поэтому "революционные взрывы суть лишь вулканические проявления, краткие и жестокие, этого латентного и большой продолжительности конфликта". Вследствие этого, заключает свою мысль Бродель, при изучении революционного процесса "проблемой всегда будет сблизить длительный и краткий сроки, признать их родство и их нерасторжимую зависимость (друг от друга)"⁶⁴.

Представляется несомненной научная плодотворность такой постановки вопроса, позволяющая вывести его изучение на новый уровень, помещая в долговременную историческую перспективу. Обращение к диалектике короткого и долгого времени составит надежный заслон идеологизированным, поверхностно-оценочным суждениям о таких судьбоносных феноменах, какими являются в истории человечества социальные революции.

С этих позиций Бродель подходит к изучению промышленной революции. "Она была одновременно серией ярких событий и процессом, вполне очевидно, очень медленным. Игра, – замечает он, – шла разом в двух регистрах"⁶⁵. Иными словами, природа промышленной революции была, по меньшей мере, двоякой. Революция в обычном смысле слова, она была также и процессом весьма длительной протяженности, незаметным, медленно нарастающим в течение долгих столетий.

Этот-то процесс и привлекает пристальное внимание Броделя. Следуя, по собственному выражению, "вниз по течению", он выделяет "первую промышленную революцию Европы", понимая под ней появление лошади как тягловой силы и широкое распространение водяных и ветряных мельниц для помола зерна, сукновальных, лесопильных и т.п. Затем в рамках вековых циклов рассматривается ряд других революций. Они характеризуются как предыстория английской промышленной революции, готовившие для нее почву. Таким образом, подводит итог Бродель, "индустриализация была эндемична для всего континента.

⁶⁴ Бродель А. Материальная цивилизация... Т. 3. С. 554.

⁶⁵ Там же.

Сколь бы блистательной и решающей ни была ее роль, Англия не одна несла ответственность и была изобретательницей промышленной революции, которую она осуществила. К тому же именно поэтому эта революция, едва только возникнув, даже еще до своих решающих успехов, так легко покорила близлежащую Европу и узнала там серию сравнительно быстрых успехов"⁶⁶.

Затем следует пространный и, как всегда у Броделя, строго документированный анализ явлений, составлявших в своей совокупности английскую промышленную революцию. При этом его преимущественный интерес вызывают не отдельные выдающиеся изобретения, подобные паровой машине Дж. Уайта, с которыми обычно связывают промышленную революцию, а экономический рост, вписывающийся в длительную временную протяженность. Рассматривая развитие английской экономики по различным секторам, выявляя крепнувшие между ними связи, Бродель усматривает значение промышленной революции в том, что она открыла эпоху непрерывного экономического роста и тем самым далеко раздвинула пределы возможного.

Вместе с тем Ф. Бродель принадлежал к тем немногочисленным не-марксистским историкам, которые ставили вопрос о социальной цене промышленной революции. Два поколения англичан, писал он, были принесены в жертву созданию индустриальной базы. Указывая, что всякий экономический рост затрагивает разделение труда и разрушение и восстановление сопровождающих его социальных структур, Бродель заключал: "Промышленная революция соответствовала новому, потрясающему разделению труда, которое сохранило и окончательно отделило ее механизмы – не без многообразных и разрушительных социальных и человеческих последствий"⁶⁷.

Итак, для человечества наступило "время мира", время выхода на международную арену торжествующего европейского капитализма, его мирового господства. Ф. Бродель не являлся апологетом капитализма, видел его пороки, с тревогой всматривался в современный ему кризис 70-х гг. Вместе с тем он писал, перефразируя изречение одного амстердамского купца XVIII в., что капитализм часто болеет, но никогда не умрет.

Задаваясь вопросом, выживет ли современный ему капитализм, Ф. Бродель дает на него недвусмысленный положительный ответ, базирующийся на убеждении, обоснованном всей концепцией "Материаль-

⁶⁶ Бродель А. Материальная цивилизация... Т. 3. С. 573.

⁶⁷ Там же. С. 611.

ной цивилизации..." о капитализме как органическом продукте исторического развития человечества. В этом, полагает ученый, его отличие от социализма, чьи победы от русской революции до освобождения Вьетнама достигались с помощью внешнего толчка и явного насилия. Даже в годы наибольшего усиления мировой социалистической системы он не верил в ее будущее, поскольку, на его взгляд, она не имела под собою прочного экономического фундамента.

Обосновывая историческое преимущество капитализма, Ф. Бродель примечательным образом ссылаясь на... В.И. Ленина. Приведя известные ленинские положения о том, что "мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе... Если есть мелкое хозяйство, если есть свобода обмена – появляется капитализм"⁶⁸ и другие подобные высказывания, он заключал: "Не представляют ли эти высказывания Ленина на самом деле хвалы громадной созидательной мощи рынка, нижележащей зоны обменов, ремесленного производства даже, на мой взгляд, просто смекалки? Созидательной мощи, которая есть для экономики не только основное богатство, но и запасная позиция во время кризисных периодов, войн, серьезных расстройств экономики, требующих структурных перемен"⁶⁹.

Так предпринятый в книге анализ трех этажей исторической реальности получает свое логическое завершение в "Заключении" третьего тома, озаглавленном "Реальности исторические и реальности нынешние". Так реализуется основополагающий постулат "Анналов", гласящий, что объяснение современности является целью истории, ее глубинным мотивом⁷⁰.

Сформулировавшиеся во время работы над "Материальной цивилизацией..." теоретико-методологические взгляды Ф. Броделя в дальнейшем не претерпели существенных изменений. Скорее можно говорить об их определенной догматизации. Абсолютизируется категория длительной временной протяженности. Об этом свидетельствует его последняя, оставшаяся неоконченной и посмертно изданная книга "Что такое Франция?" (1986). Написанная на языке долгого времени, книга создает образ почти неподвижной истории, подспудной, темной и неподатливой к переменам.

Уподобляя такую историю огромной и почти неподвижной водной поверхности, Бродель продолжает: "Для того, чтобы в этой водной гла-

⁶⁸ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 6; Т. 43. С. 159.

⁶⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 3. С. 653.

⁷⁰ См.: Там же. С. 640.

ди что-то изменилось, нужны столетия, но она неумолимо увлекает за собою и легкие суденышки нашей жизни, и гордые корабли большой истории". Вот почему существует непрерывность неспешной истории, постоянство похожего, монотонное повторение, легко предвидимые реакции. "Таким образом, история большой протяженности, – заключает он, – это история, которая пришла издалека и будет еще долго идти вперед по ровной дороге, заново ставить все старые вопросы. Разве не ограничивает она (я не говорю: отменяет) и свободу, и ответственность людей? Ибо не столько они творят историю, сколько история, и прежде всего она, творит их и тем самым их оправдывает"⁷¹.

Такая низкая оценка роли человека в истории ревизовала прежнюю историографическую практику самого Броделя. Достаточно сослаться на его концепцию генезиса европейского капитализма, акцентировавшую активную деятельность капиталистических иерархий, разрушавших экономические и социальные устои Старого порядка и раздвигавших, таким образом, "пределы возможного". Тем более она не могла найти признания в историографической ситуации 1980-х гг. с ее обостренным интересом к человеку в истории.

Фернан Бродель умер в 1985 г., во многом пережив свою славу "князя истории". К тому времени и во французской, и в мировой исторической науке восторжествовали иные тенденции, выразившиеся в выдвижении на первый план микроисторических исследований. Идея "глобальной истории" утратила былую привлекательность, вероятно, хотя бы отчасти уже потому, что она не была реализована даже в самом грандиозном опыте ее создания, каким являлась "Материальная цивилизация...". Эта книга не стала глобальной историей в полном смысле этого слова уже потому, что в ней отсутствовала такая ее важнейшая компонента, как история культуры. Но дело не только в этом. Сам Бродель, указывая, что сюжетом третьего тома его книги является экономическая история мира с XV по XVIII столетие, подчеркивал, что в современном понимании "экономическая история мира – это вся история мира, но рассмотренная под определенным углом зрения: экономическим"⁷². Вот этой "всей истории мира" читатель в книге не найдет. Не обнаружит он в ней крупнейших событий эпохи, даже таких, как английская и французская революции. За ее пределами остались гуманизм и Ренессанс.

⁷¹ Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2: Люди и вещи. М., 1997. Ч. 2. С. 425.

⁷² Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 3. С. 10.

Этот перечень, даже ограничиваясь европейской историей, легко продолжить, а что уж тут говорить о "всей истории мира"!

Но дело было не только в этом. Утратила былую актуальность сама идея "Глобальной истории". Во французской и мировой исторической науке разворачивались процессы, имевшие существенно иную идейную и содержательную направленность. Позднее они получили наименование историографической революции, радикально изменившей облик нашей дисциплины.

Её характеристика откроет следующий выпуск этой книги. Здесь же хочу подчеркнуть один момент историографической революции, связанный с пристальным вниманием к повседневной жизни и внутреннему миру человека, всему комплексу сознательных, полусознательных и бессознательных установок, определяющих его мировосприятие и образ жизни. История ментальности, а затем историческая антропология обозначили магистральное направление развития исторической мысли в последнее десятилетие XX в.

Уверенные ростки этого направления, как мы видели, легко прослеживаются в творчестве основоположников школы "Анналов". Достаточно вспомнить блоковских "Королей-чудотворцев". Но всё же ведущим в деятельности первых двух поколений школы было стремление к широкому историко-социальным обобщениям, вершиной которых являлась "Глобальная история" Броделя, не оставившая, однако, места для изображения мира внутренних переживаний человека. Неудивительно поэтому, что в изменившейся историографической ситуации она быстро стала казаться устаревшей.

Тем не менее "эпопея короля Броделя" заняла прочное место в истории исторической мысли XX в. как одно из самых выдающихся ее созданий. В ней получил свое обоснование и конкретно-историческое воплощение целый ряд фундаментальных положений, лежавших в основании школы "Анналов" ("изучать прошлое, чтобы понимать настоящее", междисциплинарный подход в историческом исследовании, ведущая роль истории в системе наук о человеке и т.п.). Самое обращение к созданию глобальной истории на основе междисциплинарного синтеза являлось развитием идей основоположников школы и воспринималось как переворот в науке с далеко идущими последствиями. Вспомним восторженный отзыв Февра о первой книге Броделя как революции в историческом методе.

Революционной и по своему замыслу, и по его исполнению явилась и вторая великая книга Броделя. Впервые была предпринята впечатляющая попытка рассмотреть становление капитализма в глобальной исторической перспективе, в методологии автора которой органически

сплелись два, казалось бы, несоединимых в лице одного исследователя качества: стремление к широким социологическим обобщениям и вкус к отдельным историческим деталям. Прочно вошло в научный оборот созданное Броделем во время работы над "Материальной цивилизацией..." учение о множественности скоростей социально-исторического времени, в особенности его излюбленное *la longue durée*, длительная временная протяженность⁷³.

С Ф. Броделем завершился важный этап в истории французской исторической мысли, который может быть обозначен заголовком книги Л. Февра "Бои за историю". "Новая история", за которую ратовали основоположники "Анналов", стала свершившимся фактом. Вслед за тем ее аналоги появляются и в других странах.

⁷³ Показательным примером служит признание известного французского философа, принципиального критика "глобальной истории" П. Рикёра. Идею о множестве скоростей социального времени он называет "бесспорным достижением броделевской методологии" (Ricoeur P. *Time and Narrative // Histories. French Constructions of the Past*. New York, 1997. P. 527).

ЛЕКЦИЯ V

ЗАПАДНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ 1960-Х ГОДОВ: ПРЕОДОЛЕНИЕ "КРИЗИСА ОСНОВ"

1960-е гг. представляют собой важную веху в истории бурного XX в. Это были годы послевоенной реконструкции, устойчивого экономического прогресса, начавшейся научно-технической революции, быстро изменившей облик мира, наступления космической эры. Две символические даты окаймляют это десятилетие: 1961 и 1969. Год полета в космос первого человека – советского космонавта Ю.А. Гагарина и год высадки американских астронавтов на Луне. Хотя еще продолжалась и временами даже обострялась "холодная война" (вспомним карибский кризис 1963 г.), в международных отношениях ощущались иные веяния, принесшие то их состояние, которое позднее получило наименование разрядки. Уже не только страх характеризовал отношения между двумя системами, но и определенный взаимный интерес и даже спорадические попытки понять друг друга.

По своей значимости 60-е гг. составили целую эпоху в интеллектуальной истории XX в. – эпоху великих ожиданий и столь же больших связанных с ними иллюзий. Еще существовал "железный занавес", материализовавшийся как раз в эти годы в берлинской стене, но вместе с тем пробивали себе дорогу глубинные тенденции, подрывавшие прежние идейную нетерпимость и методологическую заскорузлость.

История принадлежала к числу дисциплин, особенно остро ощущавших изменившийся интеллектуальный климат и, следует обязательно добавить, обретавших вследствие этого второе дыхание. По разные стороны "железного завеса" обновление исторической науки принимало различные конкретные формы, но в конечном счете преследовало схожую цель – повышение ее научного и социального статуса.

Наступившая в СССР после смерти Сталина идеологическая "оттепель" вызвала волну теоретико-методологических дискуссий, протекавших под знаком преодоления сталинской догматизации истории. Они способствовали дисциплинарному самоопределению советской историографии, определенному размежеванию ее по предмету исследования с историческим материализмом и выработке собственного мето-

дологического аппарата. Намечается заинтересованное, хотя и критическое, внимание к западной историко-теоретической мысли, завязываются первые ростки конструктивного диалога с ней. Знаменем времени стало признание ведущего советского методолога, стоявшего у истоков возрождения изучения и преподавания методологии истории в нашей стране, А.И. Данилова о способности буржуазной, по тогдашней терминологии, историографии выдвигать ряд "весьма существенных вопросов, относящихся как к истолкованию важных сторон общественного развития, так и к принципам исторического познания"¹.

Одним из важных итогов теоретического обновления советской историографии в 60-е гг. стало возникновение и развитие в ее рамках методологии истории как самостоятельной научной и учебной дисциплины². В Институте истории АН СССР был создан сектор методологии истории во главе с выдающимся советским историком М.Я. Гефтером, развернувший масштабные теоретико-методологические исследования, способствовавшие пробуждению интереса к этой проблематике у широкой научной общественности.

Однако возможности этого теоретического обновления были достаточно ограниченными. Пресловутая борьба за чистоту марксистской теории делала невозможной интеграцию советской историографии в мировую науку, вела к ее прогрессирующему провинциализму. Если добавить к этому диктат партийных органов сверху донизу, зорко следивших за благонадежностью историков, то придется признать, что рожденные "оттепелью" надежды во многом оказались призрачными. Знаковым стал разгон в конце 60-х гг. сектора методологии истории и последовавшая вслед за этим насильственная творческая изоляция его создателя³.

¹ Данилов А.И. О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки // Вопросы истории. 1961. №3. С. 216.

² В цитированном письме А.И. Данилова в редакцию "Вопросов истории" формулировались основные проблемы этой дисциплины: "... своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке, природа исторических понятий, специфика их образования..., диалектика общего, единичного и особенного в историческом познании" (Там же. С. 217), – и понятия сохраняющие свою научную актуальность.

³ Примечательный штрих. Когда в 1974 г. в Томском университете готовилась очередная конференция по историографии и методологии истории, ее организаторы планировали включить в программу в качестве центрального доклад М.Я. Гефтера. М.Я. охотно согласился с нашим предложением, но приехать в Томск не смог. У меня сохранилось письмо тогдашнего директора Института всеобщей истории академика Е.Н. Жукова, где работал М.Я., с отказом разрешить ему поездку на конференцию на том основании, что он... не представил в дирекцию института текст своего доклада. О драматической судьбе сектора методологии и самого Гефтера см.: Неретина С.С. История с методологией истории // Вопросы философии. 1990. №9.

Более основательно 60-е гг. изменили облик западной историографии. Здесь перемены носили глубинный характер и были связаны в конечном счете с фундаментальными процессами, протекавшими в западном обществе и выражавшимися в стабилизации капиталистической системы, сумевшей преодолеть глубокий кризис, вызванный складыванием мировой социалистической системы и крахом колониализма. Был преодолен общий кризис капитализма, порожденный социальными катаклизмами 1-й половины XX в., столь ярко отразившийся в философско-исторических и историко-культурологических построениях крупнейших мыслителей того времени.

В предыдущем выпуске курса я охарактеризовал эти построения как отражение кризиса традиционного историзма, разбившегося о реалии первой половины катастрофического столетия. Это был общий кризис исторической мысли, доходивший в своих крайних выражениях до отрицания за исторической дисциплиной права на существование в радикально изменившемся мире. Его поступательное преодоление становится в 60-е гг. ведущей тенденцией в развитии всей западной исторической мысли, развернувшей вслед за "Анналами" свои "бон за историю". Это, конечно, не означало возвращения к парадигме истории XIX в. Вместе с тем возрождалась такая ее характерная черта, как социальный и эпистемологический оптимизм, сопряженный с отказом от крайних форм субъективизма, идиографизма и иррационализма в толковании самой природы исторического познания.

1. Неопозитивизм против неокантIANского идиографизма

Под неопозитивизмом понимается одно из основных направлений западной философской мысли XX в., концентрирующееся на изучении методологии научного познания. Не вдаваясь в его общую характеристику, подчеркнем одно важное для нас обстоятельство. Утверждая, что единственно возможным знанием является только специально-научное знание и обращая особое внимание на язык и логику научного мышления, неопозитивисты постулировали идею единства научного знания. Тем самым снималось противопоставление истории и естественных наук по способу изучения своего материала, обосновывалась единая для всех дисциплин логика научного объяснения. При этом такая логика необходимо включала в себя момент генерализации, сближающий обе формы научного познания.

• В этом плане принципиальное значение имел неопозитивистский анализ исторического исследования. Его самым известным примером

является логическая схема исторического объяснения, получившая название теории "охватывающего закона". Эта теория, разработанная К. Поппером и К. Гемпелем еще в 1940-х гг., стала в 1960-е гг. предметом острых дискуссий в мировой исторической науке. Ее критики с разных идейных позиций указывали на многие присущие ей недостатки⁴. Не вступая с ними в полемику, подчеркну главное – в историографической ситуации, характеризовавшейся господством неокантианского идиографизма, эта теория акцентировала генерализующую природу исторического познания. Она указывала на наличие внутренней связи между описанием и объяснением в истории, подчеркивая генерализующую природу последнего. Настаивая на существовании общих законов в истории, она привлекала внимание к необходимости анализа в их свете тех обобщений, которыми пользовались историки в своей работе, даже если они сами этого не осознавали.

Так обосновывалось единство разных форм научного познания как общий принцип теории науки. Формулируя его и указывая на непозволительность отделения "чистого описания" от "гипотетического обобщения и построения теории" в эмпирической науке, К. Гемпель предостерегал: "Также непозволительно и тщетно пытаться провести демаркацию жесткой границы между различными областями научного исследования и автономно развивать каждую из них". И далее он подчеркивал, что "необходимость широко использовать в историческом исследовании универсальные гипотезы, по крайней мере, внушительное большинство которых приходит в историю из других научных областей, традиционно отличных от истории, является одним из аспектов того, что может быть названо методологическим единством эмпирической науки"⁵.

Близкой к этому была позиция К. Поппера. Однако, признавая "логически законные претензии на постижение всеобщих законов", он их считал "совершенно неинтересными". В противоположность "бесплодным спорам" о них Поппер акцентировал значение исторического объяснения. Указывая на ситуационный анализ как его отличительную черту, ученый акцентировал принципиальную близость объяснительных процедур в истории и естественных науках.

⁴ См. об этом: Кон И.С. К спорам о логике исторического объяснения (схема Поппера–Гемпеля и ее критики) // *Философские проблемы исторической науки*. М., 1969. См. также: *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук*. Карл Поппер и его критики. М., 2000.

⁵ Гемпель К. *Функция общих законов в истории* // *Время мира*. Вып. 1: *Историческая макросоциология в XX веке*. Новосибирск, 2000. С. 26. Впервые опубликовано в 1942 г.

Особенно актуальным в исторической ситуации того времени звучало его предостережение против абсолютизации в историческом познании интуиции или, по его выражению, интуитивных попыток. В этом случае, писал Поппер, "историки упускают из виду разницу между такой интуитивной попыткой и тем фактом, что на базе этой интуитивной попытки им надо построить теорию, то есть провести объективный анализ, который можно было бы проверить. Именно поэтому историки воспринимают самих себя скорее как художников, нежели как ученых, не понимая, что ведь и любой физик может быть художником в своих попытках интуитивно понять свой предмет".

Эту, по его словам, полную параллель между двумя науками Поппер проводит и далее. Когда историк пишет прекрасную книгу по истории, он поступает как писатель. "Как историк – продолжает Поппер, – он действует, когда пытается решать исторические проблемы. Предлагая решения и контррешения и подвергая их критическому обсуждению, оба – и историк и физик – проверяют предложенные объяснения, чтобы выбрать из них наилучшие. Именно соревнование между различными возможными объяснениями даёт в истории наилучшие результаты совершенно аналогично тому, как это имеет место в естественных науках"⁶.

Правда, в характеристику природы исторического объяснения Поппер вносил существенное ограничение, указывая на его локальную ограниченность. "Попытка объяснить историю в целом, – писал он, – не то, что я назвал бы историческим объяснением. Объяснение историка должно быть в каком-то смысле локальным – относиться к определенному месту, определенному времени и определенным людям". Поэтому он настроен скептически к крупномасштабным интерпретациям истории, таким как марксистская, теистическая или либеральная, претендующим на осмысление исторического процесса в целом. Признавая необходимость попыток таких интерпретаций, чтобы понять мир, извлечь из хаоса порядок, он вместе с тем подчеркивает, что во всех этих попытках, с точки зрения историка, важно "только одно: плодотворность интерпретаций, вопрос о том, действительно ли они наводят историка на интересные проблемы"⁷.

Иными словами, историческое объяснение всегда конкретно, ситуативно, носит вероятностный характер. В мою задачу не входит критиче-

⁶ Поппер К. Историческое объяснение (впервые опубликовано в 1962 г.) // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук... С.332.

⁷ Там же. С. 336.

ский анализ "эволюционной эпистемологии" этого одного из самых оригинальных мыслителей XX в. Я хочу лишь подчеркнуть её значение для того поворота в западной философии 1960-х гг., существенным элементом которого стало признание научности истории.

В 1960-е гг. в Англии и США выходит ряд авторитетных философских работ, более или менее решительно порывающих с неокантианским видением истории как науки, только индивидуализирующей и идеографической⁸. Из их числа выделяется изданный в США сборник "Обобщения в истории", являвшийся одним из первых удачных опытов сотрудничества философов и историков в обосновании генерализующей природы исторического познания.

Правда, отдавая дань еще недавно господствовавшим на это счет представлениям, редакторы сборника поместили в нем статью профессора Оксфордского университета И. Берлина, констатирующую "глубочайшую пропасть", разделяющую историю и естественные науки, и на этом основании отвергавшую ее научность. Что касается исторического объяснения, то оно, полагал Берлин, "сродни моральному и эстетическому анализу" и не является по своей природе научным объяснением⁹.

Однако общая тональность сборника была принципиально иной. Суть ее рельефно выразила большая статья профессора социальной и политической истории того же Оксфордского университета, члена многих научных обществ в Англии и США Х.С. Хьюза, обосновывавшая научность исторического познания. Постулируя проблему генерализации как центральную в изучении истории, Хьюз в полемике с приверженцами неокантианской методологии утверждал значение для историографической практики таких понятий, как "закон" и "каузальность". Без ясного понимания закона и причины в истории, – писал он, – без признания историком базисного научного положения о всеобщей законосообразности, идея генерализации не имеет смысла¹⁰.

Отсюда делался вывод о необходимости взаимовыгодного союза истории и социальной науки, обоснованию чего, собственно, и была по-

⁸ См. например: Gallie W.B. *Philosophy and the Historical Understanding*. London, 1964; Downing F.G. *Philosophy of History and the Historical Research* // *The Journal of the Royal Institute of Philosophy*. 1969. V. XLIV. № 167; Mandelbaum M. *Historical Explanation: The Problem of "Covering Laws"* // *History and Theory*. 1961. № 3; Stern A. *Philosophy of History and the Problem of Values*. Monton. 1962 и др.

⁹ См.: Berlin I. *History and Theory: The Concept of Scientific History // Generalizations in Historical Writing*. Philadelphia. 1963.

¹⁰ Hughes H.S. *The Historian and the Social Scientist // Generalizations...* P. 34-35.

священа статья. В этом контексте Хьюз с характерной ссылкой на "эпохальные исследования М. Блока по аграрной истории" формулирует свое понимание природы исторических обобщений. Они, по его выражению, суть обобщения "среднего уровня, равно далекие как от абстрактного теоретизирования, так и от неконтролируемого полета воображения. Поэтому сближение истории с социальной наукой не должно ослаблять ее связь с искусством. "Напротив, – заключает он, – история может вести саму социальную науку по стезе смелых гипотез"¹¹.

Так в рамках неопозитивистской методологии достигалось преодоление противопоставления исторического и социального познания. Историк, как это следовало из самого заголовка статьи Хьюза и всего ее содержания, сближался с социальным ученым, что, однако, не сопровождалось отрицанием своеобразия истории, ее социологизацией. В этом прокламировании научного статуса истории как повествования о людях во времени и заключается значение неопозитивизма в развитии западной, прежде всего англо-американской исторической мысли XX в.

Свое дальнейшее развитие неопозитивистская методология научного познания получила в аналитической философии истории, изучающей природу исторического мышления и его язык. Ее основания были разработаны профессором философии Колумбийского университета в США А. Данто в книге "Аналитическая философия истории" (1965). Неоднократно переиздававшаяся и переведенная на другие языки, эта книга во многом способствовала утверждению современного понимания природы исторической науки как науки индивидуализирующе-генерализирующей, согласно которому обе эти операции, неразрывно между собой связанные, составляют единый познавательный процесс.

Поэтому, настаивал Данто, история никак не может характеризоваться как вспомогательная дисциплина по отношению к философии истории. Так же, как нельзя рассматривать живопись лишь как материал для искусствоведения, "было бы неправильно и ложно, – писал он, – представлять историографию так, будто она не является ничем более, чем собранием материалов для будущей философии истории"¹².

Данто признает, что всякое изображение прошлого остается существенно неполным, так как "наше знание прошлого значительно ограничивается нашим незнанием будущего". С другой стороны, он полемизирует с представлениями, будто прошлое, в отличие от будущего, "мертво, завершено, абсолютно, определенно и фиксировано". "Мы можем

¹¹ Ibid. P. 59.

¹² Danto A.C. Analytische Philosophie der Geschichte. Frankfurt am Main. 1974. S. 19.

говорить о прошлом как об изменившемся, – поясняет он, – не потому что событие в $t - 1$ приобретает новые качества, и не потому, что мы (или что-нибудь) каузально воздействуем на него..., а так как событие в $t - 1$ оценивается в другом отношении к событиям, которые наступили позже"¹³.

Но из этого, подчеркивает Данто, вовсе не следует, что история не в состоянии продуцировать истинные суждения о прошлом. Вся его книга посвящена детальному, убедительно мотивированному опровержению этого взгляда, в особенности в его релятивистской интерпретации. Благодаря своей индивидуализирующе-генерализирующей природе историческая наука способна давать научное знание о прошлом, так как повествование (нарратив) необходимо предполагает объяснение (интерпретацию). История есть рассказ о прошлом, являющийся формой его объяснения. "Рассказ, поскольку он объясняет, одновременно точно указывает, что произошло, и поскольку он точно отражает, что произошло, он одновременно также объясняет". Поэтому, заключает Данто, "повествовательное описание и историческое объяснение образуют нерасторжимое целое"¹⁴.

Но какова процедура исторического объяснения? Каковы его эпистемологические основания, его доказательная сила и верифицированность? Эти вопросы неизбежно выводят Данто на остро дискутируемую в философской литературе проблему исторических законов. Позиция, занимаемая им в этой дискуссии, является достаточно взвешенной. Он отвергает жесткий детерминизм, постулирующий историческую неизбежность, а с ним вместе и существование исторических законов, жестко обуславливающих развитие общества и, таким образом, "дающих возможность описывать исторические события прежде, чем они случились". Но это не означало отрицания исторических законов вообще и, соответственно, определенных регулируемых ими закономерностей общественного развития. "Остается фактом, – подчеркивает Данто, – что по крайней мере в истории известны только немногие исторические законы, но это никоим образом не уменьшает и не подрывает объясняющую силу рассказа"¹⁵.

Отсюда проистекает, на взгляд американского ученого, различие между претензиями философии истории и задачами исторического исследования. "Философия истории, – предостерегает он, – пытается ов-

¹³ Ibid. S. 34-35, 250.

¹⁴ Ibid. S. 322.

¹⁵ Ibid. S. 404-405.

ладеть будущим, не сознавая того, что если бы мы имели знания о будущем, то могли контролировать настоящее и тем самым фальсифицировать сведения о прошлом", сделать знания о нем бесполезными. Мы можем только обнаружить значение прошлого. "И это, – заключает Данто свою книгу, – есть работа историков: ими делается история"¹⁶.

Существенную роль в переосмыслении природы исторической науки и повышении ее научного статуса сыграл журнал "История и теория". Он был основан в 1960 г. в Нидерландах, но вскоре его издание было перенесено в США, где он быстро сделался авторитетнейшим в мировом сообществе периодическим органом, обсуждавшим теоретические проблемы исторического познания. С самого начала он издавался как международный журнал, о чем свидетельствовал состав его редакционного совета и сотрудничавших в нем авторов, являвшихся, как правило, видными специалистами в области методологии истории. Вследствие этого помещенные в журнале материалы могут помочь в выявлении некоторых общих тенденций в трансформации западной исторической мысли 60-х гг.

Прежде всего отметим, что самое основание такого журнала и его быстрый успех свидетельствовали о явно наметившемся интересе историков и философов к совместному обсуждению теоретико-методологических проблем исторической науки. Во-вторых, показательна сама направленность этого обсуждения, заключавшаяся в прояснении эпистемологических основ исторического знания, и, в-третьих, замечателен сам вектор развертывавшихся на страницах журнала дискуссий. В самом общем виде он может быть обозначен как движение от неокантианства к неопозитивизму.

Исходную точку обозначила опубликованная в первом номере журнала статья И. Берлина, четко формулировавшая неокантианское понимание природы истории. "Требовать от истории, чтобы она стала наукой, – писал он здесь, – значит перечеркивать ее сущность", пустившись в погоню за химерами. Статья положила начало острой дискуссии, в которой приняли активное участие историки, ратовавшие за преодоление неокантианской методологии. Так, Б. Мазлиш обвинял неокантианство в том, что оно посеяло плоды релятивизма и в потенции приводит к хаосу и анархии в исторической дисциплине. Он призывал своих коллег опираться на социологию, пытавшуюся раскрыть законы и регулируемость, позволяющие "восстановить рациональность мироздания, структурированный мир". Ему вторил другой видный американский историк

¹⁶ Ibid. S. 465.

Л. Бенсон. "Чтобы объяснить поведение человека во времени, – писал он, – необходимо предполагать существование общих законов причинной зависимости"¹⁷.

В том же 1961 г. в журнале "История и теория" была опубликована статья члена его редакционного совета, маститого американского философа, профессора университета Джона Гопкинса М. Мандельбаума, одного из самых решительных и последовательных на Западе критиков неокантианского идиографизма. В этой статье американский автор в острой полемике с приверженцами неокантианства, "реакционистами", по его терминологии, обосновал принципиальное единство исторического и естественнонаучного познания. Отвергая противопоставление истории и естественных наук, он, в частности, подчеркивал, что историки в своем изображении прошлого имеют дело с общими законами, но и, с другой стороны, описание является необходимой предпосылкой генерализации в естественных науках¹⁸.

Итак, уже в начале 1960-х гг. в методологических дискуссиях намечилось возобладание неопозитивистского понимания природы исторического знания. Их важнейший результат рельефно выступает в сопоставлении высказываний двух английских авторов. Идеальной историей является та, писал в 1953 г. философ Маклвер, "когда генерализация стремится к нулю". Словно отвечая ему, историк С. Хомуэй в 1967 г. заявлял: "Вопрос о том, должен ли историк генерализировать, бессмыслен: у него нет альтернативы"¹⁹.

Своеобразным подведением итогов стала опубликованная в 1970 г. книга "Мышление, наука и история", авторами которой были видные американские и европейские философы-неопозитивисты. Смысловым фокусом книги являлась проблема исторического объяснения. В ее трактовке легко обнаружить разные акценты и точки зрения вплоть до острой критики теории "охватывающего закона", указывавшей на многие трудности, связанные с применением ее на практике. Но за всем этим стояло единство в главном – в признании научности исторического познания – и выход на новые рубежи в его изучении. История безо-

¹⁷ Цит. по: Кунина А.Е. Проблемы методологии в журнале "История и теория" // Новая и новейшая история. 2001. №5. С. 215.

¹⁸ Mandelbaum M. Historical Explanation: The Problem of "Covering Laws" // History and Theory. 1961. Vol. 1. №3. P 241.

¹⁹ Заметную роль в утверждении этого представления сыграла книга М. Уайта, рассматривавшая в русле аналитической философии истории генерализирующую природу исторического объяснения. См.: White M. Foundation of Historical Knowledge. New York and London. 1965.

говорочно включалась в общую систему научного знания. Вопрос заключался лишь в специфике ее осмысления действительности и вытекающем отсюда характере используемых ею общих понятий.

В этом контексте на страницах книги оживленно обсуждался вопрос об отношении истории к философии и естественным наукам. В ней констатировалось "совершенно специфическое недоверие" историков к философам и их "совершенно специфическое нежелание" задаваться философскими вопросами о природе своей деятельности, которое, по крайней мере, отчасти признавалось правомерным как справедливая реакция, являющаяся "подлинной смесью раздражения, возмущения и насмешки" на претенциозные теории, поучавшие "историков, что они должны делать и почему они должны это делать"²⁰.

Цель свою авторы книги, собственно, и видели в преодолении этой отчужденности и сближении истории с философией. Но не с самоуверенной, убежденной в своей непогрешимости философией истории, навязывавшей историкам свои априорные схемы исторического процесса, а с неопозитивизмом, исследующим формы и логику научного мышления, его понятийный аппарат и язык. Это сближение, однако, не представлялось односторонним процессом. Ибо "мост между философией и историей должен строиться с обоих концов"²¹.

Главное же, сближение этих дисциплин протекало в атмосфере начавшейся научно-технической революции с ее культом научного знания. Подчеркивая это обстоятельство, один из авторов книги, профессор философии Белградского университета М. Маркович указывал, что "беспрецедентный рост научного знания и технологий существенно повлиял на современную философскую и историческую мысль в плане ее сциентизации и рационализации", что, на его взгляд, особенно рельефно выразилось в обращении к идее социально-исторической детерминации.

Замечая, что "применимость идеи детерминизма к социальным наукам и истории в нашем столетии часто оспаривалась", и усматривая корни такого отрицания в "тенденции проводить слишком резкую демаркационную линию между естественными и социальными науками и между природой и историей вообще", Маркович настаивал на единстве познавательного процесса в науках о природе и науках о человеке, вытекающем из принципиального единства самого объекта их изучения. Ведь, утверждал он, "предмет естественных (и технических) наук есть не природа "в себе", а природа, которая уже стала частью человеческой

²⁰ Nowell-Smith P.H. *Historical Explanation // Mind, Science, and History*. Albany. 1970. S. 213.

²¹ Donagan A. *Can Philosophes learn from Historians?* // *Ibid*. S. 234.

истории. Соответственно этому даже в наиболее точных естественных науках ценностные суждения играют определенную роль (например, в спорах о теории относительности и квантовой механике), и во всякой науке в процессе исследования имеет место взаимодействие между объектом и субъектом"²².

Поэтому, полагал ученый, идеал объективности столь же недостижим в естествознании, как и в истории. "Вся история естественных наук от Коперника и Галилея до современных дискуссий по проблемам относительности, детерминизма, эволюции, генетики, кибернетики и т.п., – писал он, – убедительно показывает, что абсолютная объективность их результатов является лишь предметом веры профанов"²³.

Конечно, естественнонаучный и социально-исторический детерминизм – понятия далеко не тождественные. Основное внимание Маркович уделяет как раз специфике каузальной детерминации в социальных науках, связанной с деятельностью человека, рассматривая, в частности, под этим углом зрения проблему альтернативности в истории. Но меня здесь в первую очередь интересует сама постановка вопроса о социально-историческом детерминизме, являвшаяся одной из вершинных точек неопозитивистского переосмысления природы исторического знания.

Это переосмысление, однако, не ограничивалось сферой философской мысли. В 60-е гг. в него активно включаются историки, которые вслед за "анналистами" формировали новый образ истории как социально ответственной дисциплины, обладающей твердыми научными основаниями, позволяющими ей претендовать на получение истинного знания о своем предмете.

2. Эдвард Карр: "Что такое история?"

Первой ласточкой, известившей о новых веяниях в англоязычной историографии, стал курс лекций, прочитанных в 1961 г. в Кембриджском университете известным английским историком, автором трудов по истории Октябрьской революции и Советской России Эдвардом Карром (1892–1982), и вскоре вышедший отдельным изданием, состоявшим из шести лекций-глав, под названием "Что такое история?"

По своей идейной направленности эта книга напоминала "бои за историю", которые вели основоположники "Анналов", с тем, однако, существенным различием, что в своей "апологии истории" Карр уделял преимущественное внимание ее эпистемологическим основаниям. Это

²² Markovic M. Social Determinism and Freedom // Ibid. S. 289.

²³ Ibid. S. 291.

был страстный манифест в защиту истории, обосновывавший ее научность и социальную значимость применительно к реалиям середины XX в.

Специально обращаю ваше внимание на это последнее обстоятельство. Как и для "анналистов", защита истории для Карра отнюдь не означала реанимацию образа прежней самоуверенной, все наперед знающей, застывшей в своем самодовольстве истории. Напротив, этот образ подвергался саркастической критике. Такова, например, задающая тон всей характеристике позитивистской историографии критика ее "эпистемологической невинности". Нагие и бесстыдные перед богом истории, бродили историки в райских кушах, не прикрытые философскими лоскутками, писал Карр, создавая обобщенный образ традиционной исторической науки²⁴. Это была эмпирическая наука, поклонявшаяся факту и благочестиво верившая, что Божественное провидение позаботится о смысле истории, если сами историки позаботятся о фактах, находящихся в источниках, – твердых кирпичиках, из которых легко выстраивается любая историческая концепция, незыблемая в своих объективных, т.е. фактических, основаниях.

Однако критический пафос английского ученого был направлен не столько против этой историографии, потерпевшей к середине XX в. очевидный крах, сколько против тех выводов, которые были из этого сделаны идеалистической философской мыслью (Б. Кроче, Р. Дж. Коллингвуд, М. Оукшотт и др.), отвергавшей возможность объективного познания прошлого, а вместе с этим, в конечном счете, научность истории. Ибо и то, и другое основывалось на признании существования объективных фактов – пищи историков.

Между тем именно исторический факт стал первой жертвой обрушившейся на историографию в XX в. релятивистской волны. Ее "эпистемологическая невинность" сыграла с ней злую шутку. Обнаружившаяся в свете релятивистской критики несостоятельность представления о фактах-кирпичиках, существующих в источниках независимо от истории, обернулась отрицанием их объективной значимости вообще. Но если исчез исторический факт, что осталось от основывающейся на нем дисциплины?

Вот почему, задаваясь вопросом, что такое история, Э. Карр начинает ответ на него с анализа смысла исторического факта. Он подчеркивает объективно-субъективную природу исторических фактов, которые никогда не существуют в "чистом" виде: они всегда преломляются через

²⁴ Carr E.H. What is History? Cambridge. 1962. P. 14.

сознание историка. Но они, настаивает ученый, не являются продуктом субъективного творчества историка. Факты – объективная категория, но они становятся доступными науке лишь в процессе творческого взаимодействия с ними историка. Факты истории, пишет Карр, никогда не приходят к нам "непорочными". Они, поясняет ученый, "совсем не похожи на рыбу, лежащую на прилавке рыботорговца. Они напоминают рыбу, плавающую в безбрежном и иногда недоступном океане, и улов историка зависит частично от удачи, а главное – от того, в какой части океана и какими снастями он решил рыбачить. Оба эти фактора, конечно, детерминированы родом рыбы, которую он хочет поймать"²⁵.

Проблема научности истории, таким образом, упирается в проблему исторического факта, точнее, в формулируемую Карром дихотомию факта и его интерпретации. Историк, поясняет он, находится в опасной ситуации трудного лавирования между Сциллой несостоятельной теории истории как компиляции фактов, основанной на признании безоговорочного примата факта над интерпретацией, и Харибдой столь же несостоятельной теории как субъективного продукта разума историка, который устанавливает факты и овладевает ими благодаря процессу интерпретации.

И все же, утверждает Карр, эта ситуация является менее опасной, чем кажется на первый взгляд. Выход из нее он видит в характере взаимодействия между прошлым и настоящим, так как историк является частью настоящего, а факты принадлежат прошлому. Но в то же время историк целиком не принадлежит настоящему, поскольку каждый человек, за исключением, может быть, только его раннего детства и глубокой старости, целиком не включается в свою среду и безоговорочно ей не принадлежит, хотя и не бывает полностью независимым от нее. Отношение историка к своей среде и есть отношение к его фактам. Он не является ни их покорным рабом, ни тираническим господином. Историк и факты необходимы друг другу. Историк без своих фактов беспочвен и поверхностен; факты без него мертвы и бессмысленны. "Отсюда, – заключает Карр, – мой первый ответ на вопрос, что такое история? Это непрерывный процесс взаимодействия между историком и его фактами, бесконечный диалог между настоящим и прошлым"²⁶.

В свете этого диалога Э. Карр рассматривает проблему объективности исторического знания. В его изображении это уже не та стерильная объективность, которую постулировала парадигма истории XIX в. Фак-

²⁵ Ibid. P. 18.

²⁶ Ibid. P. 24.

ты истории, признает ученый, не могут быть чисто объективными, так как они стали таковыми только благодаря тому значению, какое придает им историк. Поэтому проблема объективности перемещается в плоскость интерпретации. Объективность в истории, указывает Карр, "не может быть объективностью факта, а только отношения – между фактом и интерпретацией, между прошлым, настоящим и будущим". "Только будущее, – заключает он свою мысль, – может предоставить ключ к пониманию прошлого, и только в этом смысле мы можем говорить о предельной объективности в истории"²⁷.

Отсюда для Карра вытекало современное понимание исторической объективности (признавая этот термин условным, он тем не менее широко им пользуется). Задаваясь вопросом, что значит быть объективным историком, он указывает на два необходимых для этого условия. Во-первых, на его способность возвыситься над ограниченным взглядом своего собственного положения в обществе и в истории, предполагающую осознание невозможности достижения полной объективности. Во-вторых, на способность историка проецировать свои взгляды в будущее, что дает более основательное и глубокое постижение прошлого по сравнению с тем, чей взгляд целиком ограничен непосредственной ситуацией своего времени. Ибо "историк прошлого может приблизиться к объективности, поскольку он приближается к пониманию будущего"²⁸.

Это происходит потому, поясняет Карр, что интерпретация историком прошлого изменяется вместе с выдвиганием новых целей. Так, приводит он простейший пример, в XIX в., поскольку главной целью являлось установление конституционных свобод и политических прав, историки интерпретировали прошлое в политико-конституционных терминах. Когда же на первый план вышли экономические и социальные цели, историки обратились к социально-экономической интерпретации прошлого, являющейся, по убеждению Карра, более продвинутой ступенью в изучении истории, чем политико-юридическая, но не отбрасывающей ее, а вкладывающей в новую объяснительную схему.

Завершая обсуждение взглядов Э. Карра на проблему исторической объективности, отмечу еще один их аспект, и поныне сохраняющий свою актуальность. Карр обозначает его как дихотомию факта и его оценки. Содержится ли его оценка в самом факте или она привносится историком? Должен ли оценочный момент непременно присутствовать в историческом исследовании? Ответы на эти вопросы, подчеркивает

²⁷ Ibid. P. 114, 117.

²⁸ Ibid. P. 118.

ученый, не могут быть однозначными, так как в реальной историографической практике имеет место взаимодействие и взаимозависимость факта и оценки. "Объективный историк, – замечает он, – это историк, который максимально глубоко проникает в этот обоюдный процесс"²⁹.

В этом русле в книге рассматривается проблема "История и мораль". Отношение историка к морали, моральная оценка исторических деятелей и событий прошлого, морально-нравственный компонента в общих суждениях о нем – вопросы, значение которых далеко выходит за рамки проблемы объективности в истории, затрагивая понимание самой природы нашей дисциплины. Является ли она "политической педагогикой" (Т. Моммзен) или строгой наукой, отчужденной от моральных суждений?

Историю и обыденную мораль особенно решительно разводил Гегель, указывавший на неприменимость норм этой последней к оценке исторических личностей, в деятельности которых выражалась историческая необходимость. Широкою известностью получил его саркастический образ школьного учителя, осуждающего за безнравственность Александра Великого и Юлия Цезаря, поскольку они в своих действиях руководствовались страстями. "Отсюда, – заключал Гегель, – прямо вытекал вывод, что он, школьный учитель, лучше их, потому что у него нет таких страстей, и он подтверждает это тем, что он не завоевывает Азию, не побеждает Дария и Пору, но, конечно, сам хорошо живет и дает жить другим"³⁰.

С иных позиций, но, как мы видели, столь же решительно против морализующей истории выступал М. Блок, заявлявший, что дело историка не судить, а понимать. Между тем искушение судить прошлое никогда не покидало историка, а в еще большей степени исторического публициста. Высмеянное еще Блоком представление об истории как наградном списке и сегодня довлеет над многими умами, определяя их отношение к нашей дисциплине.

С другой стороны, поскольку история имеет дело с людьми во времени, она не может в своих суждениях полностью элиминироваться от оценочного момента, а историк, уподобляясь пушкинскому Пимену, писать, "добру и злу внимая равнодушно". Иными словами, не может ли последовательное отрицание морализующей истории привести к опасной моральной индифферентности историка? Согласитесь, это да-

²⁹ Ibid. P. 125.

³⁰ Гегель Г.В.Ф. *Философия истории* // Гегель Г.В.Ф. Соч. М.; Л., 1935. Т. VIII. С. 31.

леко не праздный вопрос, всецело касающийся ремесла историка, вопрос, который не может иметь простого решения.

Поучительный опыт его обсуждения содержится в книге Э. Карра. Рассматривая отношение истории к морали, он отмечает, что позиции историка и моралиста не идентичны. "Историк не обязан выносить моральные оценки частной жизни своих персонажей, равно как не дело историка давать моральные оценки публичным действиям исторических личностей". Тем более, что, как тонко замечает ученый, "те, кто с таким жаром настаивает на моральном осуждении отдельных личностей, иногда бессознательно устанавливают алиби для целых групп и обществ"³¹. Так, продолжает он, немцы сегодня охотно осуждают злодеяния Гитлера как достаточную альтернативу моральной оценке общества, его породившего. С другой стороны, русские, англичане и американцы столь же охотно объединяются в своих нападках на Сталина, Н. Чемберлена и Маккарти³² как козлов отпущения для их коллективных ошибок.

Сказанное, однако, не означает категорическое отрицание допустимости оценочного суждения в историческом исследовании. Напротив, Карр говорит, что "историческая интерпретация всегда включает моральную оценку или, если вы предпочитаете более нейтрально звучащий термин, ценностное суждение"³³. Другое дело, что необходимо понимание того, какие при этом возникают трудности, так как история – это борьба, в которой результаты, как бы они ни оценивались, достигаются одними за счет других. Проигравшие всегда платят, в особенности в великие периоды истории, каждый из которых имеет свои победы и свои утраты. Поэтому, завершает ход своих мыслей Э. Карр, исключительно тяжело подвести баланс этого, найти соответствующие критерии для оценок.

Трудно не согласиться с такой постановкой вопроса. Действительно, поскольку история вершится людьми, даже самый беспристрастный историк едва ли сможет избежать оценочных суждений в отношении тех или иных изучаемых им исторических персонажей и связанных с

³¹ Carr E.H. What is History? P. 69, 72.

³² Н. Чемберлен – английский премьер-министр в 1937-1940 гг., проводил политику "умиротворения" нацистской Германии и ее союзников, подписал Мюнхенское соглашение 1938 г., способствовавшее развязыванию II Мировой войны. Дж. Маккарти – в 1950-е гг. председатель сенатской комиссии Конгресса США по вопросам деятельности правительственных учреждений, развернувший бурную кампанию по расследованию антиамериканской деятельности, жертвами которой стали тысячи видных представителей американской науки и культуры.

³³ Carr E.H. What is History? P. 73.

ними событий. И чем более значительными являются эти события, чем радикальнее сопряженные с ними сдвиги во всех сферах общественной жизни, тем важнее становится подведение "баланса побед и утрат" и тем очевиднее моральная составляющая этого "баланса", влияющая на общую оценку исторической личности, события или целой эпохи.

В конечном итоге обсуждаемая Карром проблема может быть переформулирована как проблема места ценностного (оценочного) суждения в историческом исследовании и, более широко, в конструировании образа истории. Думается, однако, что в глазах современного читателя с его обостренным вниманием к морально-этической стороне исторического процесса предлагаемое английским ученым решение этой проблемы как в теоретическом, так и в конкретно-историческом плане не представляется бесспорным. И в ее теоретическом обсуждении, и в историографической практике акцент делался на категории исторической необходимости с ее приоритетом над ценностными суждениями.

Таков, например, предпринятый в книге сравнительный анализ процессов индустриализации в Великобритании и СССР. Отмечая, что индустриализация в Великобритании сопровождалась сгоном крестьян с земли, крайне тяжелыми условиями работы на предприятиях, эксплуатацией детского труда и т.п., Карр характеризует все это как необходимую меру. С таких же позиций он подходит к оценке коллективизации в СССР, рассматривая ее как часть цены индустриализации страны. Именно так, пишет ученый, он намеревается характеризовать коллективизацию в своей "Истории советской России". "И я хорошо знаю, – добавляет он, – что, следуя примеру историков британской промышленной революции, буду сожалеть о жестокостях и злоупотреблениях коллективизации, но рассматривать ее как неизбежную часть нужной (desirable) и необходимой политики индустриализации, я навлеку на себя обвинения в цинизме и забвении ее злосчастных последствий"³⁴.

Далее в таком же ключе рассматривается европейская колонизация Азии и Африки и ее последствия, а затем приводится высказывание Ф. Энгельса о том, что история является самой жестокой из всех богинь и прогресс ее осуществляется через страдание. Не оспаривая этого высказывания по существу, замечу все же, что в общем контексте рассуждений Карра о цене индустриализации оно опасно приближается к предельной формуле "цель оправдывает средства".

Не будем забывать об этой опасности в характеристике решения Карром проблемы "история и мораль". Но не будем упускать из виду

³⁴ Ibid. P. 75

общую направленность этого решения, лежащую в русле обоснования предпосылок достижения объективного знания прошлого. Важнейшей из них Карр считает признание историчности ценностных суждений. Полагая абстрактные концепции добра и зла необходимыми категориями мысли, он вместе с тем настаивает на том, что они лишены смысла и, следовательно, возможности использования в историческом исследовании до тех пор, пока в них не вкладывается конкретно-историческое содержание.

Карр решительно протестует против укоренившегося в изучении истории подхода с точки зрения абсолютных, надисторических ценностей, типа равенство, свобода, справедливость или естественное право человека, подчеркивая их относительный характер. Каждая группа, социальная или национальная, подчеркивает он, имеет собственные ценности и защищает себя против вторжения чужих и неприемлемых ценностей, которые она клеймит оскорбительными эпитетами как буржуазные и капиталистические, или недемократические и тоталитарные, или, еще более примитивно, как неанглийские и неамериканские. "Абстрактный стандарт или ценность, отделенная от общества и истории, – предупреждает Карр, – есть такая же иллюзия, как и абстрактная личность. Серьезный историк – тот, кто признает исторически обусловленный характер всех ценностей, а несерьезный – тот, кто требует для своих собственных ценностей статус надисторической объективности"³⁵.

Нет нужды распространяться о том, насколько этот ход рассуждений Э. Карра сохраняет свою актуальность и в наши дни, и, конечно, не только для историков: стремление выдать групповые ценности за абсолютные общечеловеческие по-прежнему характеризует мировую политику. Я хочу лишь подчеркнуть их эвристическое значение для историографической практики. Ограничусь одним примером. Объясняя, почему несвободное советское общество пользовалось поддержкой народа, Карр полагает, что рабочие и крестьяне "не могли не осознать того, что сделала для них революция: и это перевешивало отсутствие свободы, которой они никогда не знали и о которой даже не мечтали"³⁶. Иными словами, она не входила в круг их важнейших групповых ценностей.

В заключение рассмотрим освещение английским ученым еще одного аспекта проблемы объективности исторического познания, далеко не последнего по своей значимости, который вслед за ним обозначим как "историк и общество". Обсуждение этого вопроса он начинает с осно-

³⁵ Ibid. P. 74.

³⁶ Карр Э. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917-1922. М., 1990. С. 203

вополагающего положения о том, что историк, подобно всякому индивиду, есть социальный феномен, являясь сознательным или бессознательным представителем своего общества и вместе с тем его продуктом.

Само по себе это положение для своего времени было достаточно тривиальным. Оригинальной являлась его интерпретация, направленная против двух эпистемологических крайностей. Для Карра был решительно неприемлем презентистский подход к изучению прошлого, сводивший историю к функции современности и тем самым отрицавший ее научность. Но в равной мере он отвергал объективизм с его подчеркнутым элиминированием (правда, скорее на словах) изучения прошлого от треволнений настоящего. Научность истории, был убежден Карр, не только не отрицает, но и прямо предполагает учет влияния настоящего на изучение прошлого, на сам подход к нему.

Значение книги Карра в том и состояло, что она раскрывала механизм этого влияния, усложняющего взаимоотношение между историком и объектом его исследования. Освещая это взаимоотношение, Карр обращается к категории "время историка". На разнообразном историографическом материале он показывает место этой категории в познавательном процессе. Чем радикальнее изменяется время, в котором живет историк, тем основательнее меняется он сам, так как, пишет ученый, не только события постоянно меняются, постоянно меняется сам историк.

В особенности это относится к XX в. Признавая, что под влиянием потрясений этого столетия он сам существенно изменил свои взгляды, Карр добавляет, что едва ли позавидовал бы историку, который, прожив во времена потрясающих событий последних 50 лет, не изменил бы свои подходы и оценки прошлого. Поэтому, советует он, "когда вы берете историческое сочинение, недостаточно посмотреть на имя автора на титульном листе; посмотрите также на дату публикации или написания работы – иногда это имеет большое значение. Если философ прав, что мы никогда не сможем дважды войти в одну и ту же реку, то, видимо, верно и то, что две книги не могут быть написаны абсолютно одним историком"³⁷.

Понятно, что здесь речь идет не об историке-конъюнктурщике, с готовностью слагающем свои творения на злобу дня и потребу времени. Подобно флюгеру легко и непринужденно меняет он свои оценки прошлого в соответствии с теми или иными лозунгами настоящего. Такие лихие набег на прошлое ведут лишь к дискредитации истории и, повторюсь, не о них речь. Карр сосредоточивается на действительно важ-

³⁷ Carr E.H. What is History? P. 36-37.

ной научной проблеме. Он раскрывает концептуальное влияние времени историка на его осмысление прошлого.

Вот примечательный пример: крушение идеи прогресса в британской историографии XX в. В XIX в., напоминает Карр, британские историки за незначительным исключением рассматривали движение истории как манифестацию идеи прогресса, ясно выражая идеологию общества, переживавшего быстрый подъем. История была для них полна смысла. Теперь же, продолжает он, вследствие фундаментальных изменений, происходивших в мире, начиная с 1914 г., вера в смысл истории стала ересью. Характерной идеологией для общества, находящегося в упадке, полагал Карр, стала циклическая теория Тойнби.

Таким образом, отношения между историком и его временем не могут рассматриваться всецело или даже преимущественно сквозь призму субъективности исторического познания. Для Карра это прежде всего диалог между обществом сегодняшним и обществом вчерашним. "Прошлое, – заключает он ход своих рассуждений, – может быть понято нами только в свете настоящего; и мы можем вполне понять настоящее только в свете прошлого. Дать возможность человеку понять общество прошлого и усилить его власть над обществом настоящего – такова двойственная функция истории"³⁸.

Так обозначается еще одна точка соприкосновения взглядов Карра и "Анналов" в их "боях за историю". Вспомним, как энергично основоположники этой школы подчеркивали необходимость изучать прошлое, чтобы понять настоящее, и, наоборот, усматривая в этой взаимосвязи важнейшую предпосылку обретения историей высокого научного и социального статуса. Карр, как мы видели, нашел свой ракурс в обосновании этого статуса. Напомню, что главной мишенью его критики являлся распространенный тогда в англоязычной и немецкой литературе взгляд, отрицавший научность истории, основывавшийся на неокантианском противопоставлении истории и естественных наук как индивидуализирующей дисциплины генерализирующим наукам. Он аргументированно отвергал представление, будто в отличие от последних предметом истории является только уникальное и частное. На самом деле, справедливо писал ученый, "историка интересует не неповторимое, а то, что есть общее в неповторимом"³⁹.

Поэтому, был убежден Карр, генерализация является необходимым структурным элементом исторического познания, непременным услови-

³⁸ Ibid. P. 49.

³⁹ Ibid. P. 57.

ем развития истории как науки. Он сочувственно цитирует английского историка Дж. Элтона, писавшего, что генерализация отличает историка от собирателя фактов, добавляя, что то же самое отличает естествоиспытателя от натуралиста.

Любопытна следующая мысль Карра: генерализуют не только авторы исторических книг, но и их читатели, постоянно обращающие наблюдения данного автора к другому историческому контексту и к другому времени. Так, замечает ученый, "когда я читаю "Французскую революцию" Карлейля, я вновь и вновь генерализирую его наблюдения применительно к моим собственным специфическим интересам к русской революции"⁴⁰.

Если в историческом познании факт воплощает единичное, то его интерпретация – общее. Отмечая, что история имеет дело с отношением между единичным и общим, Карр подчеркивает их органическое единство. "Как историк, – заключает он, – вы можете не более разделять их или давать предпочтение одному перед другим, чем разделять факт и интерпретацию"⁴¹.

Столь же актуальными представляются вытекавшие из этих суждений размышления Карра об отношениях между историей и социологией. Он указывает на две противоположные опасности, угрожающие социологии: стать ультратеоретической или ультраэмпирической. Первая из них, поясняет английский ученый, есть опасность погребения ее в абстрактные и бессмысленные генерализации об обществе в целом. Ибо Общество с большой буквы является таким же вводящим в заблуждение софизмом, как и История с большой буквы. Эта опасность особенно велика у тех, подчеркивает он, кто признает за социологией исключительную задачу генерализации сообщаемых историей единичных событий.

Вторую опасность Карр вслед за видным английским социологом К. Маннгеймом видит в угрозе распада социологии на ряд дискретных технических проблем социального регулирования, что превращает социологов в бессознательных (а зачастую, добавлю от себя, и вполне сознательных) апологетов лишенного исторической перспективы статичного общества. Социология лишь тогда будет плодотворным полем исследования, если станет динамичной дисциплиной, изучающей не общество в покое, ибо такового не существует, а социальные изменения

⁴⁰ Ibid. P. 58.

⁴¹ Ibid. P. 59.

и развитие. "Чем больше история станет социологической, а социология исторической, – заключает Карр, – тем будет лучше для обеих"⁴².

Итак, историзирующая социология и социологизирующая история. И вновь прослеживается параллель между взглядами Карра и "анналистов", в частности Броделя, в понимании взаимоотношений истории и социологии, равно как и самой природы нашей дисциплины. Для них это концептуальная, генерализирующая история, что никак не отрицает ее индивидуализирующий характер, выражающийся в обращении к изучению исторических индивидуальностей, в какой бы форме они ни выступали. Но именно способность к широким обобщающим построениям, формирующим образ прошлого, определяет ее статус науки, соединяющей изучение прошлого с осмыслением настоящего и предугадыванием будущего. Эта сторона исторического познания и привлекала преимущественное внимание Карра, обращавшегося в полемике с неокантианским идиографизмом к таким функциям исторической науки, как извлечение уроков из прошлого и предсказание будущего.

Функции эти не являются бесспорными. И поныне имеющая широкое хождение максима "Главный урок истории состоит в том, что из нее никто не извлекает уроков" отражает распространенный взгляд, отвергающий возможность эффективного использования нашей дисциплиной этой своей функции. Еще более дискуссионным является вопрос о прогнозирующей функции исторической науки. Одно из самых известных отрицаний возможности исторического предвидения принадлежит К. Попперу. "История, – писал он, – то, что случилось в прошлом... История всегда заканчивается сегодня, в этот самый момент времени. Начиная с сегодняшнего дня, мы сами, наша воля, наши этические убеждения, – вот, что может влиять (хотя, конечно, лишь отчасти) на то, что случится в будущем". Отсюда вытекала его резкая критика историцизма, рассматривавшего в исторической эволюции "ритмы", "схемы", "законы" или "тенденции", открывавшие возможность исторического предсказания как главной задачи социальных наук"⁴³.

Конечно, историк, по определению, не пророк. Занятия прошлым далеко не всегда проясняют будущее. Достаточно вспомнить, что историки, за единичными исключениями, не смогли предвидеть катастрофические потрясения XX в. – ни мировую войну и русскую революцию в начале столетия, ни крушение СССР и мировой социалистической системы в его конце. Правда, заметим, ответственность за это наряду с ис-

⁴² Ibid. P. 60.

⁴³ См.: Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. С. 10.

ториками, и в еще большей степени, несут политики, хотя обвинения почему-то преимущественно идут в адрес историков.

Между тем познание прошлого с целью извлечения из него уроков для настоящего и предсказания будущего всегда, начиная с античности, было присуще историописанию, отвечая исконному стремлению человека хоть краешком глаза заглянуть за плотную завесу, отделяющую будущее от настоящего. Свидетельствуют ли неудачи на этом пути об иллюзорности самого стремления многих поколений историков к достижению этой цели? Да и только ли о неудачах можно здесь говорить? Вопрос, как видите, далеко не простой, едва ли имеющий однозначное решение.

Посмотрим, как отвечает на него Э. Карр. Проблему извлечения уроков из прошлого и, в конечном итоге, прогнозирования будущего он связывает со способностью истории к генерализации. Но коль скоро это так, коль скоро историк, действительно изучая индивидуальное, ищет в нем общее, коль скоро существуют общепринятые научные процедуры генерализации, историки, убежден Карр, способны продуцировать обобщения, которые могут быть обозначены как "уроки истории". Он приводит многочисленные примеры таких уроков, имевших важный политический эффект.

Так, полагает ученый, английская пуританская революция не может быть вполне понята без извлечения уроков из ветхозаветной истории, а творцы русской революции находились под глубоким влиянием, можно сказать, были одержимы уроками Великой французской революции, революции 1848 г. и Парижской коммуны.

Однако, подчеркивает Карр, "извлечение уроков из истории не является простым односторонним процессом. Познать настоящее в свете прошлого означает также познавать прошлое в свете настоящего". Исходя из этого формулируется важнейшая функция исторической науки, которая, по его словам, заключается "в способности глубоко понимать и прошлое, и настоящее в свете их взаимосвязи"⁴⁴.

В этом русле Карр рассматривает и вопрос о возможности предвидения в истории. Ключ к его решению, полагает ученый, "лежит в различии между общим и специфическим, универсальным и единичным. Историк... дает общие ориентиры для действий в будущем, которые, не будучи специфическими прогнозами, являются и обоснованными, и

⁴⁴ Carr E.H. What is History? P. 62.

полезными. Но он не может предвидеть конкретное событие, так как оно является единичным и включает в себя элемент случайного"⁴⁵.

Отсюда вытекало его понимание прогнозирующей функции исторической науки. Предвидение в истории, признает Карр, в буквальном значении этого слова невозможно, так как оно может быть реализовано только через единичные события, которые сами в силу своего уникального характера не могут быть предсказаны. Но это не означает, настаивает он, что извлекаемые из истории заключения о будущем являются никчемными, не имеют никакого научного значения. Это значение усматривается в том, что они обладают известной вероятностной силой, которая служит как ориентиром к действию, так и ключом к пониманию того, что случится.

Но, собственно, такой же вероятностный характер имеет предвидение и в естественных науках, в частности в физике. Ибо, считает Карр, так называемые законы природы, действующие в нашей повседневной жизни, фактически являются формулировками тенденций – того, что произойдет в естественных или лабораторных условиях, но они не претендуют на предвидение того, что произойдет в каждом конкретном случае. "Я не хочу утверждать, – пишет он, – что заключения историка равносильны по своей точности выводам физика или что их более низкое качество в этом отношении обусловлено просто большей отсталостью социальной науки... Все, что я хочу утверждать, – это то, что их цели и методы не являются фундаментально различными"⁴⁶.

Признаем, что не все в этих рассуждениях представляется бесспорным. В частности, как уже отмечалось, не все так просто обстоит с историческими прогнозами даже на уровне выявления тенденций общественно-исторического развития. Теоретическая возможность такого прогнозирования, базирующаяся на признании органического единства прошлого, настоящего и будущего, представляется достаточно убедительной. Однако на уровне историографической практики все обстоит далеко не так очевидно.

Но не будем забывать о времени, когда Э. Карр писал свою книгу, характеризовавшемся повсеместным на Западе, за исключением Франции, господством неокантианской методологии с ее противопоставлением наук о природе и наук о культуре, именно в середине XX в. логически доведенном до отрицания научности истории. Поразивший западную историографию "кризис основ" достиг в это время своей крайней

⁴⁵ Ibid. P. 63.

⁴⁶ Ibid. P. 63-64.

точки, обернувшись постановкой вопроса "Зачем еще история?", вопроса, который в обществе, да зачастую и среди самих историков, не находил внятного ответа.

В этой историографической ситуации критика неокантианского идиографизма становилась необходимой предпосылкой выживания истории как самостоятельной научной дисциплины. Одним из ведущих направлений этой критики являлось обоснование прогностической функции истории, наличие которой свидетельствует о зрелости науки. Карр, несомненно, преувеличивал степень зрелости нашей дисциплины. Но он был прав в главном, указывая на единство познавательных целей истории и естествознания, равно как и на близость эпистемологических оснований верификации получаемых в процессе познания результатов.

Собственно, вся его небольшая, насчитывавшая всего полторы сотни страниц, но чрезвычайно содержательная книга была посвящена выяснению познавательного потенциала истории, позволяющего ей претендовать на ранг науки. Главная мысль, пронизывавшая ее, может быть сформулирована в следующих словах. Человеческая история представляет собою социально детерминированный процесс, ведущие тенденции и закономерности которого подлежат изучению исторической науки, что и определяет ее выдающееся не только научное, но и социальное значение в современном стремительно меняющемся, утратившем былую устойчивость мире.

Особенно показательна в этом отношении заключительная глава книги, емко выразившая кредо Карра-историка и гражданина, пронизанная верой в будущее истории и самого человеческого общества, важнейшим культурным ингредиентом которого она является. Глава начинается с постановки вопроса о позиции исторической науки в середине XX в., времени острых социальных и технологических потрясений. В противовес концепции А. Вебера, возвещавшей о появлении в это время нового типа человека – человека неисторического, порвавшего связь с прошлым, о чем говорилось в заключительной лекции первого выпуска этого курса, Карр настаивает на том, что именно наше время великих потрясений вызывает повышенный интерес к истории. Оно вводит новое, историческое измерение в стремление человека понять и влиять не только на свою среду, но и на самого себя. Вследствие этого, полагает ученый, из всех периодов человеческой истории современная эпоха является наиболее историчной.

Вот почему утративший твердую почву под ногами, пронизываемый всеми проносящимися над ним леденящими ветрами, растерянный и мятущийся человек в поисках спасения обращает свои взоры в прошлое.

Но прошлое влечет его не как убежище, позволяющее укрыться от бурь современности. Напротив, подчеркивает Карр, он ищет в истории зерна надежды на лучшее будущее. "Современный человек, – пишет он, – в беспрецедентной степени потерял уверенность и поэтому он нуждается в истории. Он нетерпеливо вглядывается в прошлое в надежде, что его слабые лучи осветят мрак, в котором он находится; и, напротив, его ожидания и опасения, относительно стези, ведущей в будущее, стимулируют понимание того, что осталось позади. Прошлое, настоящее и будущее соединились в бесконечную цепь истории"⁴⁷.

Замечательна концовка книги. Характеризуя XX в. как век социальной, технологической и интеллектуальной революций и освободительных национальных движений в Азии и Африке, формирующих новый облик мира, переживающего родовые муки, Карр заканчивает свою книгу знаменитой фразой: "А все-таки она вернется!"⁴⁸

3. Возвращение идеи прогресса

Вопреки пословице, книга Э. Карра явилась той первой ласточкой, которая "принесла весну", найдя широкий резонанс в англоязычной исторической литературе. Прочерченные в ней контуры нового видения исторической дисциплины обрели в 60 – 70-е гг. плоть и кровь в целом направлении исторической мысли, получившем наименование "новая историческая наука". Являвшаяся в своих сущностных чертах аналогом французской "новой истории", эта дисциплина, что видно уже из ее самоопределения, утверждала научность истории как ее фундаментальный признак.

Другой характерной чертой этой дисциплины, чье становление происходило в обстановке научно-технической революции и преодоления общего кризиса капитализма, был ее эпистемологический и социальный оптимизм. Свое высшее выражение он получил в реанимации идеи прогресса как конституирующего принципа социального познания и самого мироосмысления. Это не было простым возвращением к идее прогресса, господствовавшей в XIX в. Реалии XX в. наложили свою печать на ее трактовку, акцентировавшую его неоднозначный и противоречивый характер. Не будем также забывать, что еще дули ветры "холодной войны", легко проникавшие на страницы научных изданий.

Важнейшей из социологических теорий, оказавших большое влияние на развитие исторической мысли, являлась теория индустриального общества, возводившая в основу исторического процесса экономиче-

⁴⁷ Ibid. P. 129.

⁴⁸ Ibid. P. 151.

скую эволюцию человечества. Ее основные положения были сформулированы в получившей широкую известность книге американского социолога У. Ростоу "Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест" (1960).

Остановимся на ней подробнее, поскольку она оказала стойкое, даже терминологическое влияние на западную, а позднее и российскую историческую науку. Ростоу разделял историю человечества на 5 больших стадий: 1) "традиционное общество", включавшее все докапиталистические общественные структуры и характеризовавшееся низким уровнем производительности труда и господством аграрной экономики; 2) "переходное общество", являвшееся периодом создания предпосылок для развития капитализма; 3) период "сдвига" или "взлета", характеризовавшийся промышленной революцией и началом индустриализации; 4) период "зрелости" – завершение индустриализации и возникновение высокоразвитых промышленных структур; 5) "эра высокого уровня массового потребления", идеальным типом которого является "англо-американский образец". В современном виде эта теория разделяет человеческую историю на три эпохи: традиционную, индустриальную и постиндустриальную

Как видите, в этой периодизации не нашлось места для социализма и коммунизма. С наступлением высокого уровня массового потребления, предрекал Ростоу, коммунизм, вероятно, зачахнет, а СССР в ближайшие десятилетия будет эволюционировать в сторону капитализма.

"Некоммунистический манифест" представлял собою жесткую альтернативу марксистскому учению об общественно-экономических формациях. Более гибкой являлась теория конвергенции, ревностным поборником которой в СССР был академик А.Д. Сахаров. Эта теория провозглашала сближение двух мировых социальных систем с их последующим синтезом в грядущем "смешанном обществе", где соединятся лучшие черты капитализма и социализма. Свое обоснование она получила в книге леволиберального американского социолога Дж. Гэлбрейта "Новое индустриальное общество" (1967). Здесь развивалась идея своеобразного исторического компромисса между двумя системами, что и обозначалось понятием "конвергенция", указывавшим на глобальную, по мнению автора, тенденцию в развитии международных отношений.

В нашей стране этой теории не повезло. В советское время она клеймилась за стремление увековечить капитализм, хотя бы и в реформированном виде. Не ко двору она пришлась и идеологам новой России с их тотальным отрицанием всякого позитивного значения социалистического опыта. Между тем авторы теории конвергенции на самом деле уловили важные процессы, протекающие в современном мире. На смену

классическому, "марксову" капитализму действительно приходит смешанное общество. Основывающееся на рыночной экономике и капиталистической организации производства, обмена и извлечения прибыли, оно наряду с этим имеет выраженные социалистические черты (элементы государственного планирования, сильная социальная политика государства и самих капиталистических корпораций, направленная на сглаживание особенно острых форм социального неравенства и пр.).

Следует специально подчеркнуть, что характерной чертой современного мира является конвергенция не только социальных форм, но идеологических систем, что радикально повлияло на нынешнюю историографическую ситуацию. После десятилетий ожесточенных идеологических конфронтаций, расколовших мировую историческую науку, растет осознание ее единства. Это, конечно, не означает исчезновения в современной историографии идейных, национальных, конфессиональных и иных различий и противоречий. Но они не подрывают профессионального единства историков как членов мирового научного сообщества, говорящих на общепринятом профессиональном языке.

Этот язык становится тем более богатым, пластичным и гибким, чем качественно многообразнее делается концептуальный аппарат исторической науки, чем более он обогащается за счет различных социальных, экономических и иных теорий, чем шире, наконец, является идеологический спектр этих теорий. В западной историографии эти интеграционные процессы явственно прослеживаются уже в 1960-е гг. Достаточно вспомнить систематическое обращение Броделя к экономической теории Маркса.

Определенная идейная конвергенция имела место и в интерпретациях исторического прогресса. Остановлюсь на английской историографии, где в 60-е гг. эта проблема становится предметом особенно оживленного обсуждения. Здесь была опубликована первая в послевоенной историографии монография, являвшаяся самым основательным в современной западной литературе исследованием в этой области.

Это книга профессора экономической истории Шеффилдского университета С. Полларда "Идея прогресса. История и общество" (1968), базировавшаяся на теории "экономического роста". В его концепции современная история человечества предстает как движение к западной модели, а высшим выражением прогресса провозглашается научно-техническая революция. В свете этого в книге прослеживаются последовательные этапы становления и развития идеи общественного прогресса в западной историографии и социальной философии. Признавая углубляющийся кризис этой идеи в современную эпоху, Поллард вместе

с тем выражал уверенность в ее неиссякаемой жизненности, выдающем-ся социокультурном значении. Ибо, по его убеждению, она входит в круг идей, определяющих саму атмосферу общественных отношений.

В полемике с многочисленными критиками идеи прогресса Поллард обосновал объективный ее характер, отражающий реальное движение человечества к вершинам научно-технического прогресса и разумной организации общественных отношений с целью высшего развития человеческой личности. При этом, полагал он, происходит растущее сходство всех современных обществ и даже сближение их идеологий. В частности, он признавал важную социальную роль, какую играет в современном мире марксистское учение о прогрессе, отмечая его социально-гуманистическую направленность⁴⁹.

В этом же русле развивал свои взгляды другой выдающийся поборник идеи прогресса, профессор новой истории Кембриджского университета Дж. Пламб. В своей книге "Смерть прошлого" (1969) он обосновал идею гомогенности человечества и человеческой истории, движущейся в направлении к "унитарному миру" западного образца⁵⁰.

Особенно емко содержание и значение идеи прогресса применительно к реалиям XX в. было раскрыто в уже известной нам книге Э. Карра "Что такое история?" Для английского ученого отношение к идее прогресса является показателем духовного здоровья общества, его уверенности в своем настоящем и будущем. Так, замечает он, культ прогресса в английской историографии достиг своего зенита в XIX в. в период высшего процветания, могущества и самоуверенности Британии. Даже в начале XX в. идея прогресса рассматривалась как "вдохновляющая и руководящая идея западной цивилизации. С той поры положение радикально изменилось. Напоминающая, что русский царь Николай I требовал изгнать из употребления самое слово "прогресс", Карр язвительно добавляет: "Сегодня философы и историки Западной Европы и даже США с запозданием пришли к согласию с ним. Гипотеза прогресса опровергнута. Положение о закате Запада стало общим местом"⁵¹.

Полемизируя с этим, он указывает на сложный и противоречивый характер исторического прогресса. Его отличительная черта в XX в. усматривается в вовлечении в орбиту исторического действия миллионов масс в регионах, находящихся за пределами западной цивилизации. Но это означает, продолжает Карр, что исторический прогресс не пред-

⁴⁹ О взглядах С. Полларда см.: Шарифжанов И.И. Современная английская буржуазная историография. М., 1984. С. 25-28.

⁵⁰ См.: Там же. С. 20-25.

⁵¹ Carr E.H. What is History? P. 106.

ставляет собою сплошное и прямолинейное движение, включая в себя и отклонения, и прямой регресс. То, что для одних кажется периодом упадка, для других является временем рождения нового. Поэтому, формулирует Э. Карр принципиальный вывод, нет и не может быть равного и одновременного прогресса для всех⁵².

Очевиден выраженный антиевропоцентристский пафос такого понимания прогресса. "Показательно, – пишет Карр, – что почти все наши современные пророки упадка, наши скептики, которые не видят смысла в истории и отвергают прогресс, принадлежат к той части мира и тому классу общества, который в течение нескольких поколений триумфально шел во главе цивилизации". Конечно, не без иронии добавляет он, "история, которая так низко обманула их, не может быть умопостижимым и рациональным процессом"⁵³.

Уже из этого следует, что взгляды, развивавшиеся в книге Карра, отнюдь не являлись реанимацией идеи прогресса, господствовавшей в XIX в. Более того, ее автор утверждал, что эта идея доказала свою несостоятельность. Вера в прогресс означает, по его словам, не признание существования автоматически совершающегося неизбежного прогресса, а лишь веру в прогрессирующее развитие человеческих возможностей. Конкретные цели, которые преследует человечество, поясняет Карр, раз за разом возникают в ходе истории, а не привносятся в нее извне. "Я открыто признаю, – заключает он ход своих мыслей, – что не верю в способность человека к совершенствованию или в грядущий рай на земле... Но я довольствуюсь возможностью неограниченного прогресса в направлении цели, которая может быть определена только как продвижение вперед и действительность которой может быть проверена только в процессе ее достижения"⁵⁴.

Казалось бы, это совсем немного в сравнении с былой "религией прогресса", утверждавшей в любой своей форме, либеральной или марксистской, его неодолимую поступь. Действительность XX в. принуждала к более скромным оценкам. Тем не менее идея прогресса, пусть и в не столь претенциозной форме, остается, по убеждению Карра, фундаментальной категорией исторического познания. Завершая свое обсуждение этой темы, он подчеркивает, что не может быть истории как науки, не признающей прогрессивный характер исторического развития. Общества, которые потеряли веру в свою способность к прогрессу, в

⁵² Ibid. P. 110-112.

⁵³ Ibid. P. 111.

⁵⁴ Ibid. P. 113.

будущем, предостерегает ученый, быстро перестают связывать себя с прогрессом в прошлом. "Я декларирую, – заключает Карр, – свою веру в будущее общество и будущее истории"⁵⁵.

Социально-гуманистическая интерпретация идеи прогресса характеризовала и вышецитированные книги С. Полларда и Дж. Пламба. Вслед за Э. Карром их авторы выступали против, говоря словами Пламба, "шизофренического отношения к истории", когда историки, философы и популярные пророки истории сторонятся идеи прогресса "как чумы". Между тем "если бы эту великую человеческую истину, – писал Пламб о прогрессе, – снова искренне признать..., то история не только стала бы бесконечно богаче, как образовательная дисциплина, но и смогла бы играть гораздо более эффективную роль в культуре западного общества"⁵⁶. Ему вторил Поллард. "Идея прогресса, – писал он, – является в современную эпоху одной из самых важных идей, согласно которым люди строят свою жизнь... В настоящее время она занимает высокое положение, определяя социальные отношения и социальное поведение всех нас"⁵⁷.

Возрождение идеи прогресса в западной историографии, словно в фокусе, отразило радикальные сдвиги, происходившие в послевоенном историческом сознании Запада в условиях научно-технической революции и стабилизации мировой капиталистической системы. Обретение исторической перспективы восстановило разрушенную связь времен, а значит, оказалось социально востребованным и изучение прошлого. В эпоху НТР и порожденного ею культа науки такое изучение необходимо должно было отвечать определенным стандартам научности. История стала возвращать себе статус науки, способной раскрывать на своем материале причинно-следственные связи объективной действительности, выявлять определенные социальные детерминанты и закономерности. Тем самым преодолевался воздвигнутый неокантианской методологией барьер между генерализующими науками о природе и индивидуализирующими науками о культуре.

Так определяется место 60-х гг. в развитии западной исторической мысли. Впечатляющим подведением итогов стала вышедшая ровно 10 лет спустя после кембриджских лекций Э. Карра книга профессора Открытого университета в Эдинбурге А. Марвика "Природа истории". В этой книге в широком историческом контексте была не только обосно-

⁵⁵ Ibid. P. 124.

⁵⁶ Цит. по: Шарифжанов И.И. Указ. соч. С. 21.

⁵⁷ См.: Там же. С. 26.

вана способность истории давать объективное знание о своем предмете, но и раскрыто ее всепроникающее значение в жизни общества. "Мы не можем убежать от истории, – писал здесь Марвик. – Наши знания управляются тем, что случилось в прошлом, наши решения – тем, что, как мы полагаем, должно будет случиться. Без знания истории человек и общество плыли бы по воле волн неуправляемым кораблем в безбрежном океане времени". Поэтому, завершал он свою книгу, "история принадлежит каждому: это ее сила, а не слабость"⁵⁸.

Убеждение в социальной и научной значимости истории не означало, однако, возрождение господствовавших в XIX в. представлений о всепонимающей "учительнице жизни". Новое столетие покончило с ее былой самоуверенностью. Исчезло безоблачное видение настоящего и, особенно, будущего. Саморефлексия дисциплины все более концентрируется в сфере исследования ее познавательных способностей, представляющихся уже далеко не столь безграничными, как в XIX в.

Тем не менее утверждение представления о научности истории, сопряженное с реанимацией идеи прогресса открывало уверенную перспективу превращения ее в современную социально активную науку о людях во времени, подобную той, за какую ратовала школа "Анналов", оказавшая существенное влияние на формирование идейных основ "новой научной истории". Недаром М. Блок провозглашался ее приверженцами "величайшим историком нового времени", чья особая заслуга заключалась в пропаганде социальной активности истории, призванной пробудить надежду у современного человека⁵⁹.

Впрочем, за кулисами дебатов в западной историографии о природе исторического познания и социальной ответственности историка незримо возвышалась еще одна величественная фигура – К. Маркса. По образному выражению Л.П. Репиной, западная историография в 50-60-е гг. переживала "вызов марксизма", оказавший заметное влияние на ее трансформацию. Вот почему представляется целесообразным посвятить этому вопросу специальную лекцию.

⁵⁸ Marwick A. The Nature of History. New York. 1971. P. 319, 324.

⁵⁹ См.: Шарифжанов И.И. Указ. соч. С. 23-24.

ЛЕКЦИЯ VI

ЗАПАДНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И МАРКСИЗМ (1960 – 1970-е гг.)

Рассматривая взаимоотношения исторической мысли и марксизма, необходимо четко различать две стороны учения К. Маркса: его научный метод и социальную теорию. Последняя, воспевавшая революционное насилие как "повивальную бабуку истории" и провозглашавшая его универсальным инструментом при переходе от одной общественной формации к другой, отвергалась практически всеми историками-немарксистами. Столь же решительно отвергался венчавший эту теорию вывод о построении посредством диктатуры пролетариата бесклассового коммунистического общества как конечной цели истории.

Сложнее обстоит дело с методом Маркса. Правда, и у него имелись непримиримые противники. Был неприемлем выраженный редукционизм Маркса, особенно ярко проявившийся в его учении о базисе и надстройке. Историки предъявляли этому методу и другие претензии, такие, в частности, как жесткая схематизация общественного процесса, экономический детерминизм и вытекавшее отсюда недостаточное внимание к духовной стороне жизни общества, абсолютизация классового подхода в изучении истории и т.п. К этому следует добавить его характерную для XIX в. "эпистемологическую невинность", выразившуюся в убеждении, что категории марксизма суть слепки с реальной действительности.

Вместе с тем мало какая другая философская система оказала такое эффективное влияние на развитие исторической мысли XX в., как это сделал марксизм. Отмечу три обстоятельства, обусловившие это влияние. 1. Изучение социально-экономических отношений в связи с политическими и юридическими институтами общества. 2. Системный характер такого изучения, раскрывающий системность социальной структуры общества. 3. Последовательный историзм, пронизывающий это изучение. "История – это для нас все, – писал Ф. Энгельс, – и она ценится нами выше, чем каким-либо другим более ранним философским

учением"¹. И это не было простой декларацией. В то время, как для других философских школ история в лучшем случае являлась собранием примеров и иллюстраций, готовым к услугам философов, марксизм, по выражению того же Энгельса, стремился обнаружить "великую историческую связь"².

Будучи самой историчной из всех философских систем, он привлекал внимание историков, нуждавшихся в некоторых опорных пунктах для осмысления исторической эмпирии. Важно, что эти опорные пункты находились не в сфере идеального, будь это Божественное провидение или абстрактные идеалистические конструкции, а на земле, в самой истории, в области социально-экономических отношений.

Не удивительно поэтому, что уже в конце XIX – начале XX в. в разных европейских странах историки начинают проявлять серьезный интерес к научному методу Маркса. Сошлюсь на русскую либеральную медиевистику, формирование теоретико-методологических воззрений целого ряда крупнейших представителей которой проходило под его влиянием³. Выше уже говорилось о сочувственном отношении к Марксу основоположников школы "Анналов". Даже критики марксизма признавали научное значение его исследовательской методологии. Показательным примером могут служить рассматривавшиеся в первом выпуске этого курса взгляды М. Вебера. Напомним, что, ставя своей задачей "позитивное преодоление исторического материализма", он вместе с тем указывал на научную ценность постижения истории марксовых категорий как идеально-типических понятий. Но вплоть до середины XX в. такое отношение к марксистскому учению являлось скорее исключением, чем правилом. Марксизм и немарксистская историческая мысль представляли собою два самостоятельных потока, редко соприкасавшихся между собою. Положение радикально изменилось в 60-е гг.

1. "Ренессанс марксизма" в западной историографии

В 1960-е гг. имя Маркса стало появляться на страницах западных исторических изданий так часто и сопровождалось таким признанием его заслуг перед исторической наукой, что правомерно говорить о "ренес-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 592

² Там же. Т. 21. С. 287-288. "Основной чертой марксизма, – признавал Г.В. Вернадский, – является его исторический характер, тяготение к истории" (Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998. С. 352.).

³ См.: Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск, 1969. С. 129-166.

сансе марксизма". Тому были свои причины. Важнейшая из них заключается в востребованности в пору глубокого "кризиса основ" западного историзма теоретических моделей, способных вернуть истории утраченный ею в катаклизмах XX в. научный и социальный статус. Индивидуализирующая методология субъективистской историографии, безнадежно проигрывавшей в конкурентной борьбе с другими социальными науками, подобно социологии или политологии, остро нуждалась в концептуальном обновлении, требовавшем обращения к широким теоретическим конструкциям, обеспечивающим достижение социально полезного знания о прошлом.

Наряду с французской школой "Анналов" такие конструкции предлагал марксизм. Причем если "Анналы" привлекали внимание своей борьбой за "новую историю", воплотившейся в их историографической практике, то в марксизме искали ее теоретико-методологические основания. В этом качестве он оказал значительное влияние на второе поколение "анналистов", крупнейший представитель которого Ф. Бродель называл, как уже упоминалось, Маркса основоположником современной исторической науки.

Признаем, что в этом определении присутствует изрядная доля преувеличения. Но задумаемся, чем оно мотивировалось, почему самые разные ученые, придерживавшиеся различных научных ориентаций, относились к Марксу с неизменным пиететом, почему его могучая фигура незримо стояла, используя выражение известного немецкого ученого К. Эрдмана, за всеми дискуссиями тех лет о природе исторического познания. Присмотримся к этим оценкам, позволяющим высветить существенные черты происходившей в 1960-1970-х гг. трансформации исторической науки.

По мнению видного английского историка Дж. Барраклоу, марксистский подход приобрел популярность как альтернатива господствовавшим в западной историографии релятивизму и субъективизму. Его значение основывается на "убеждении, что он представляет единственный реальный удовлетворительный базис рационального упорядочивания запутанных фактов человеческой истории"⁴. Сущность этой альтернативы раскрыл Э. Карр. Отмечая, что влияние материалистического понимания истории ощутимо проявилось во всех серьезных исторических произведениях, написанных после I Мировой войны, он усматривал его признак в том, что "на смену общему интересу к битвам, дипломатическим маневрам, дискуссиям о государственном устройстве и политиче-

⁴ Barraclough G. Main Trends in History. New York, 1978. P. 13.

ских интригах как главным темам исторического исследования – "политической истории" в широком смысле – пришло изучение экономических фактов, социальных условий, демографической статистики, подъема и упадка общественных классов"⁵.

Подтверждением сказанному могут служить книги самого Карра по истории советской России, вся концепция которых складывалась под несомненным влиянием научного метода Маркса. Но сейчас я хочу подчеркнуть другое: воздействие идей Маркса на формирование методологических основ "новой научной истории", охотно признаваемое многими ее видными представителями. "Мы все, – писал, например, в 1965 г. С. Поллард, – находимся в неоплатном долгу у гения Маркса, и трагической потерей для нашего исследования истории было то, что его учение так часто игнорировалось или извращалось". Эту мысль конкретизировал другой английский историк, П. Берк: "Маркс предлагает социальному историку некоторые широкие категории одновременно с объяснением своего выбора. В этом смысле он обеспечивает социальную историю именно тем "становым хребтом", в котором она всегда испытывала нужду"⁶.

Не продолжая подобных высказываний, число которых легко умножить, попытаюсь на примере уже известной вам книги Э. Карра "Что такое история?" детализировать эти общие положения, показать, как идейное наследие Маркса использовалось в борьбе за модернизацию теоретико-методологических основ западной историографии. Напомню, что эта книга являлась едва ли ни первым в послевоенной исторической науке развернутым опытом преодоления кризиса западного историзма на теоретико-методологическом уровне, что и определяло принятое в ней отношение к марксизму.

В этой книге Маркс едва ли ни самый цитируемый автор, обращение к которому существенно значимо для обоснования ее положений, таких, например, как исторический детерминизм.

Высмеивая теорию "плохого короля Джона и хорошей королевы Бетси", усматривавшей в деятельности исторической личности главную творческую силу истории, а с другой стороны, отвергая существование исторической неизбежности, Карр в обоснование своей позиции обращается к авторитету Маркса.

⁵ Geschichte Objektivität und Parteinahme in der Geschichtsschreibung. Von Jose Fontana und Edward H. Carr als Interviewpartner. Hamburg, 1979. S. 14.

⁶ Цит. по: Шарифжанов И.И. Современная английская буржуазная историография. М., 1984. С. 5, 6.

Показательна в этом отношении его полемика с К. Поппером, утверждавшим, что Маркс выводил все тенденции исторического развития из одного универсального закона. Карр цитирует заключительную часть письма Маркса в редакцию русского журнала "Отечественные записки", где констатируется, что "события, поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, приводят к совершенно различным результатам", и указывается, что только сравнительное изучение разных эволюций позволяет найти ключ к пониманию данного явления. "Но никогда нельзя достичь этого понимания, – приводит английский ученый слова К. Маркса, – пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности"⁷.

В другом месте Э. Карр критикует взгляды К. Поппера и И. Берлина, объявлявших детерминизм результатом зловредного влияния историзма Гегеля и Маркса⁸. Чем значительнее историческое событие, пишет он, тем важнее последовательный детерминистический подход к его объяснению, позволяющий выявить его глубинные причины.

Противоположный подход демонстрирует теория "плохого короля Джона и хорошей королевы Бетси", характерная, по убеждению Э. Карра, "для примитивной стадии исторического сознания", но тем не менее очень распространенная в современной историографии, в особенности при изучении близкого от нас времени. И он поясняет, почему: "Легче назвать коммунизм "выдумкой Карла Маркса"... чем анализировать его происхождение и характер, приписать большевистскую революцию тупости Николая II или германскому золоту, чем изучить ее глубокие социальные причины, и видеть в двух мировых войнах нашего века скорее результат индивидуальной злобности Вильгельма II и Гитлера, чем коренного надлома всей системы международных отношений"⁹.

Впрочем, детерминизм в истории отнюдь не означает ее анонимности. Утверждая это, Карр ссылается на известное марксистское положение о том, что история сама по себе "не делает ничего", что она "не обладает никаким необъятным богатством" и "не сражается ни в каких битвах". Не "история", а именно человек, действительный, живой человек – вот, кто делает все это, всем обладает и за все борется"¹⁰.

⁷ Carr E.H. What is History? Cambridge, 1962. P. 59. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 121.

⁸ См.: Carr E.H. What is History? P. 85, 86.

⁹ Ibid. P. 40–41.

¹⁰ Ibid. P. 43. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 102.

Завершая свою книгу, Э. Карр подчеркивает выдающуюся роль К. Маркса в развитии европейской общественной мысли XIX – XX вв. Другой знаковой фигурой был З. Фрейд, дополнивший и подкрепивший дело Маркса. "Со времени Маркса и Фрейда, – заключает он, – историк не вправе думать о себе как об обособленной личности, стоящей вне общества и истории"¹¹.

Книга Э. Карра примечательна и в другом отношении. Она демонстрировала включение марксизма в общее русло развития исторической мысли. На смену игнорированию или уничтожающей критике учения Маркса стало приходить понимание того, что оно является органической частью западного исторического мышления, всей западной культуры.

Это понимание в 1970-е гг. проникает даже в историографию ФРГ, являвшуюся в первые послевоенные десятилетия форпостом антимарксизма в западной гуманитарии, блюстителем ее "идейной чистоты". Во многом оставаясь на антимарксистских позициях, некоторые ее ведущие представители стали вместе с тем рассматривать исторические взгляды К. Маркса в русле развития немецкого историзма, постулируя близость ряда концептуальных положений марксизма и современных ему течений исторической мысли, в частности ранкеанства¹². Эту близость признает даже такой консервативный немецкий историк, как Э. Нольте. Указывая, что нет вопроса, который вызывал бы столь частую дискуссию, как проблемы взаимоотношений между марксистской и буржуазной историографией, и отмечая, что "их разделяют существенные и непримиримые различия", он в то же время настаивает на том, что их объединяет существенное методологическое сходство, позволяющее описывать их как "школы"¹³.

В 70-е гг. метод Маркса становится заметным фактором, влияющим на историографическую ситуацию в ФРГ. В особенности это относится к деятельности одной из самых авторитетных в немецкой историографии того времени социально-критической школы, представленной такими именами, как Г.-У. Велер и Ю. Кокка. Она провозгласила своей задачей изучение с критической точки зрения истории общества в единстве составляющих его социальной, политической, экономической, социокультурной и духовной сфер. Теоретико-методологической основой

¹¹ Carr E.H. What is History? P. 135.

¹² См.: Faber K.-G. Ausprägungen des Historismus // Historische Zeitschrift. 1979. Bd. 228. H. 1. S. 4, 19-22. См. также: Faber K.-G. Theorie der Geschichtswissenschaft. München, 1972. S. 187-200.

¹³ Nolte E. The Relationships between "Bourgeois" and "Marxist" Historiography // History and Theory. 1975. V. 14, N1. P. 71.

такого изучения провозглашались идеи М. Вебера и К. Маркса, в частности марксистская теория классово-борьбы. С влиянием Маркса можно связать также выраженную социально-критическую направленность школы, запечатленную в самом ее названии. В ее основании лежало убеждение в необходимости взаимосвязи научного исследования с общественной практикой и, более конкретно, историко-теоретического обоснования проведения реформ в стране с целью улучшения и определенного изменения существующих общественных отношений¹⁴.

Я не хотел бы, чтобы из вышесказанного у вас сложилось преувеличенное представление о мере влияния Маркса на немецкую, да и вообще западную историческую мысль. Та же социально-критическая школа в своих теоретических приоритетах отдавала явное предпочтение Веберу. Даже в пору наибольшего интереса к марксистской методологии на Западе она за редкими исключениями (Э. Карр) занимала подчиненное положение в теоретическом багаже западной немарксистской исторической мысли.

Свою задачу я вижу в том, чтобы на основании репрезентативных примеров аргументировать свое положение о своеобразном "ренессансе Маркса" в западной историографии 1960-1970-х гг., ставшем одним из факторов ее теоретико-методологического обновления. Обращение к Марксу сделалось своего рода признаком хорошего тона в теоретических и историографических исследованиях. Недаром известный американский историк исторической науки Дж. Иггерс, характеризуя ее современное состояние, отмечал в качестве серьезного недостатка американской социальной истории "поразительно малое влияние на нее марксистского направления"¹⁵.

Это последнее понятие нуждается в разъяснении. Дело в том, что в послевоенной западной историографии наряду с историками-немарксистами, в той или иной степени обращавшимися к научному методу Маркса, о которых говорилось выше, заявили о себе историки, именовавшие себя марксистами или неомарксистами. Группы таких историков существовали в разных западных странах, оказывая подчас, как это было, например, во Франции или Италии, значительное влияние на общественно-историческую мысль и культурную жизнь этих стран.

¹⁴ См. об этом: Москвитина Н.С. Социально-критическое течение в историографии ФРГ: становление и эволюция: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1988. См. также: Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. М., 2000. С. 341-348.

¹⁵ Iggers J.J. Neue Geschichtswissenschaft. Vom Historismus zur historischer Sozialwissenschaft. Munchen, 1978. S. 248-249.

Но особенно следует выделить Англию, где сложилось влиятельное марксистское направление, сыгравшее значительную роль в формировании "новой исторической науки". О нем пойдет речь в следующем разделе.

Здесь же следует сказать о самом феномене марксистского направления в западной историографии. Его примечательной чертой являлось интегрирование в западную историографию и, более широко, в западную культуру. Занимая по своим политическим убеждениям место в левой части тогдашнего политического спектра, изначально придерживаясь просоветской ориентации, являясь членами коммунистических партий своих стран или выражая близкие к ним взгляды, резко критикуя пороки капиталистической системы и, в особенности, империалистическую политику США и их союзников, европейские марксисты были людьми западной культуры, разделявшими ее основополагающие духовные ценности. Это были свободомыслящие люди, для которых марксизм являлся не "интеллектуальным ошейником", а мощной исследовательской стратегией, открытой для взаимодействия с другими методологическими подходами даже ценою утраты своей концептуальной чистоты.

Здесь проходил водораздел между советским и западным марксизмом. В отличие от своих западных коллег советские марксисты видели главную задачу в защите этой "чистоты". Ратуя за "единственно верное учение", отстаивая каждую его букву, они в сущности способствовали омертвлению марксизма, превращению его в тупиковую ветвь научного знания и в то же время идеологизировали его в соответствии с теми или иными колебаниями "партийной линии". И хотя советская историография в своей исследовательской практике нередко выходила за предписанные ей жесткие идеологические рамки, ее официальное лицо все более определял этот склеротический (вспомним определение И. Валлерстайна), насквозь идеологизированный "марксизм".

Такой идеологической ангажированности был лишен западный марксизм. Его представители отнюдь не были безгласными проводниками линии своих компартий и уж тем более апологетами СССР, что особенно ярко проявилось в их реакции на разоблачение культа личности Сталина, события в Венгрии в 1956 г. и советскую оккупацию Чехословакии в 1968 г., выражавшейся в острой критике внешней и внутренней политики Советского Союза и выходе из компартий своих стран. Таким образом, по

аналогии с "еврокоммунизмом"¹⁶, можно говорить о "евромарксизме", являвшемся органической частью европейского культурного наследия, к которому, собственно, принадлежал и сам К. Маркс. Во многом благодаря его усилиям исторический метод Маркса, обогащенный реалиями XX в., стал существенным фактором модернизации исторической науки. Постараюсь проиллюстрировать эту мысль на английском материале.

2. Марксистское направление в английской историографии

Трудно с уверенностью сказать, почему, но именно в Англии, никогда не знавшей сильного коммунистического движения и связанного с ним культа Маркса, сложилось самое влиятельное в западной историографии марксистское направление, существенно обогатившее наше знание прошлого и способы его получения. В первое послевоенное десятилетие здесь появилась целая плеяда талантливых историков-марксистов, с активной деятельностью которых было связано становление "новой социальной истории", являвшейся своего рода стержнем "новой научной истории". Назову некоторые имена. Это Э. Томпсон, Э. Хобсбоум, Дж. Рюде, А.Л. Мортон, К Хилл, Р. Хилтон, ставший первым в Англии профессором социальной истории (в 1963 г. он занял кафедру средневековой социальной истории Бирмингемского университета).

В их трудах исследовался большой круг социально-экономических проблем средневековой и новой истории Англии. Отмечу в их числе известную российскому читателю книгу Р. Хилтона и Г. Фагана "Восстание английского народа в 1381 г." (М., 1952), проникнутую горячим сочувствием ее авторов к борьбе английских крестьян и включавшую ее в общий социально-экономический контекст средневековой английской истории.

Важно, однако, подчеркнуть, что традиционные для марксистской историографии сюжеты (отношения собственности, классы и классовая борьба, развитие производительных сил общества и т.п.) получили в трудах английских историков-марксистов новый поворот, оказавшийся на магистральном пути развития исторической мысли второй половины XX в. Более того, как пишет Л.П. Репина, "в Англии именно историки-марксисты, не забывая о социально-экономической истории и истории классовой борьбы, явились пионерами и в исследовании массового сознания и поведения людей прошедших эпох"¹⁷.

¹⁶ "Еврокоммунизм" – понятие, возникшее в 1960-х гг. для обозначения особой позиции некоторых европейских коммунистических партий, дистанцировавшихся от наиболее одиозных сторон истории и политической практики КПСС и апеллировавших к европейской культурной традиции.

¹⁷ Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. М., 1998. С. 56.

Продолжу ход мыслей Л.П. Репиной. Парадоксальным образом в условиях острой критики традиционного историзма английские историки-марксисты в борьбе с экономическим детерминизмом и социологизмом отстаивали значение идей в истории. По словам А.Л. Мортонна, они успешно продвинулись "от общего утверждения, что люди являются созидательной силой истории, к точному и детальному представлению о том, кто были эти "люди" на каждом этапе и что они в действительности делали и думали..."¹⁸

Эта цель достигалась путем широкого использования наряду с традиционной марксистской методологией антропологических, психологических и демографических методов. На основе такого междисциплинарного подхода изучались массовое сознание эпохи английской революции, повседневная жизнь, формы социального протеста и особенности сознания английских рабочих в разные периоды их истории.

Хочу обратить ваше внимание еще на одно обстоятельство. Английские историки-марксисты никогда не выступали обособленной сектантской группой, работая в тесном контакте с учеными, придерживавшимися иных идейных ориентаций, прежде всего леволиберальной и радикально-демократической. Организационным центром этого сотрудничества стал созданный по инициативе специалиста по древней истории, коммуниста Дж. Морриса в 1952 г. журнал "Past and Present" ("Прошлое и настоящее"), превратившийся вскоре в одно из самых авторитетных в мировой науке междисциплинарных международных периодических изданий, своеобразный орган "новой научной истории".

Идейно-теоретическая платформа журнала, разработанная марксистами Э. Хобсбоумом, Дж. Моррисом и влиятельным либеральным историком Дж. Барраклоу, являлась достаточно широкой для объединения вокруг него марксистских и немарксистских историков, так как изначально предполагала возможность известного разномыслия ("различающегося мировоззрения", по выражению её авторов). Вместе с тем она очерчивала принципы, определившие место журнала в борьбе за "новую историческую науку", сопоставимое по своему значению с ролью "Анналов".

Журнал последовательно боролся против агностицизма, иррационализма и субъективизма в историческом познании, декларировал наличие каузальности и закономерности в истории и вместе с тем несводимость исторических законов к физическим, биологическим и психологическим. Он ратовал за междисциплинарный подход, но предупреждал об

¹⁸ См.: Репина Л.П. "Новая историческая наука" и ... С. 57.

опасности механического заимствования исторической наукой методов других гуманитарных и социальных дисциплин, декларировал приверженность историческому синтезу и "тотальной истории". На его страницах развертывались острые дискуссии, в которых принимали участие крупные ученые из разных стран, по коренным проблемам как теории исторического познания, так и европейской истории Средних веков и Нового времени. Подобно "Анналам", журнал "Past and Present" видел в людях активных и созидательных творцов истории, считая изучение их воздействия на историческое развитие первостепенной задачей исторической науки. Да и вообще легко заметить многие точки соприкосновения этих изданий. Не случайно авторы английского журнала неоднократно демонстрировали свои симпатии М. Блоку и Л. Февру¹⁹.

Но лишь позднее, в середине 60-х гг. в Англии стали появляться труды, написанные непосредственно под влиянием школы "Анналов" и "эмпирической социологии" М. Вебера²⁰. "Ренессанс Маркса" в английской историографии наступил значительно раньше "ренессанса Вебера", сделавшись, таким образом, мощным пусковым фактором процессов, приведших к становлению в Англии "новой исторической науки".

Характерные черты марксистского направления в послевоенной английской историографии я попытаюсь раскрыть на примере творчества самого известного его представителя, отца "новой социальной истории" в Англии Э.Р. Томпсона (1924-1993)²¹.

3. Эдвард Палмер Томпсон – "гуманистический марксист"

Начало жизненного пути Э.П. Томпсона было типично для многих левонастроенных английских интеллектуалов середины прошлого столетия с тем только отличием, что критическое отношение к буржуазной действительности было воспринято будущим ученым уже в семье. Его отец был убежденным критиком британского империализма, другом Джавахарлала Неру.

Он родился в Оксфорде, учился в Кембридже. В годы II Мировой войны вслед за своим старшим братом Френком в возрасте 18 лет вступил в английскую коммунистическую партию. С оружием в руках сра-

¹⁹ Общую характеристику журнала "Past and Present" см.: Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная историография Великобритании. М., 1991. С. 53-57.

²⁰ См.: Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. С. 57-58.

²¹ О его научной деятельности и жизненном пути см.: Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная английская историография. М., 1991; Jggers G. Geschichtswissenschaft im 20 Jahrhundert. Göttingen, 1993; Bess M.D. E.P. Thompson: The Historian as Activist // The American Historical Review. 1993. V. 98. N 1. В следующем разделе будет использован фактический материал из этих работ.

жался против фашизма, командуя танковым подразделением в Северной Африке и Италии.

После окончания войны Томпсон начинает преподавательскую деятельность, совмещая ее с активной работой в компартии и других левых организациях, основательно изучает марксизм. Членом компартии была и его жена Дороти, изучавшая чартизм и рабочее движение в Англии в XIX в. Марксистские и коммунистические убеждения Томпсона сказались в полной мере на его первых научных работах.

Однако на ортодоксальных марксистских и коммунистических позициях Томпсон продержался не долго. На его мировоззрение радикально повлияли венгерские события 1956 г. и роль в них Советского Союза. Он порывает с коммунистическим движением и бывлой просоветской ориентацией. Правда, разочарование в советской действительности не привело его, как некоторых экс-коммунистов, в лагерь апологетов капитализма и его цитадели США. С одинаковой страстью Томпсон выступает против политики и идеологии обеих сверхдержав. В рядах "новых левых" он принимает активное участие в кампании за ядерное разоружение, в том числе в организации так называемых маршей мира, а также в издании антивоенной литературы.

Вместе с тем это были годы интенсивных научных занятий Э. Томпсона, итогом которых стала его знаменитая книга "Становление английского рабочего класса" (1963), с чьей публикацией обычно связывается само рождение в Англии "новой социальной истории". По своему заглавию и хронологическим рамкам эта книга поразительно напоминает другое, в свое время не менее известное произведение – книгу Ф. Энгельса "Положение рабочего класса в Англии" (1845), являющуюся, по авторитетному мнению В.И. Ленина, классическим произведением революционного марксизма²². Сопоставление этих написанных на сходную тему книг позволит особенно рельефно обозначить то новое, что привнес в марксистский исторический метод "евромарксизм" и, более широко, различие между классическим и современным марксизмом.

Книга Энгельса раскрывает глубину и значение промышленного переворота в Англии, выявляя при этом ряд общих закономерностей капиталистического производства: периодическое повторение экономических кризисов, образование резервной армии труда и т.п. Автор акцентирует тяжелое положение рабочих, их бесправие и нещадную эксплуатацию. Но главная цель книги – революционно-разоблачительная. Вот как писал об этом сам Энгельс в письме к Марксу: "Я предьявлю англи-

²² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.2. С. 9.

чанам славный перечень их грехов. Перед лицом всего мира я обвиняю английскую буржуазию в массовых убийствах, грабежах и других преступлениях"²³.

Такая направленность определила и целевую установку книги Энгельса. Классовые интересы в ней рассматриваются как прежде всего экономические интересы, а классовое сознание рабочих – как осознание необходимости уничтожения существующей экономической системы. В книге указывается неизбежность пролетарской революции, призванной "свергнуть существующий социальный порядок"²⁴.

Подобно своему предшественнику, Э. Томпсон также придерживается классового подхода в своем исследовании. В центре его внимания – становление английского рабочего класса и формирование его классового сознания. Как и Энгельс, он преисполнен сочувствием к бедственному положению английских трудящихся, прослеживает формы их самоорганизации. Подобно ему, он сосредоточивается на формировании у рабочего класса "нового сознания", отражавшего изменившиеся в ходе промышленного переворота условия его жизни.

Однако смысл, который вкладывается обоими авторами в понятие "новое сознание", далеко не совпадал. Здесь как раз и обнаруживается коренное различие между их историческими концепциями. Подход Томпсона не был идеологизированным. Конечно, он не замыкался только на прошлом. Ибо, подчеркивал ученый, "изучая промышленную революцию в Англии, мы можем проникнуть в социальные бедствия, которые все еще нас беспокоят, являясь актуальными для Азии и Африки"²⁵.

Утверждая значение изучения прошлого для современности, Томпсон в этой книге, как и во всем своем научном творчестве, выражал активную жизненную позицию, имевшую выраженную гуманистическую направленность. Это был гуманизм, вобравший в себя исторический опыт XX в. Отсюда негативное отношение Томпсона к революционному насилию и, соответственно, к воспеваемому его общественному сознанию. В опубликованной за несколько лет до выхода "Становления английского рабочего движения" большой статье "Социалистический гуманизм" (1957) он решительно выступил против возведения русской революции 1917 г. в статус генеральной модели для перехода к социализму, противопоставляя ей путь постепенной и ненасильственной

²³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 10.

²⁴ Там же. Т. 2. С. 515.

²⁵ Thompson E.P. The Making of the English Working Class. London, 1963. P. 13.

трансформации капиталистического общества в соответствии с ценностями социалистического гуманизма посредством неослабевающего реформистского давления в разных сферах общественной жизни.

Томпсон не был дюжинным либералом-антикоммунистом. Он отмечал, что в марксистской традиции все еще существует сильный гуманистический элемент, который должен быть отделен от смешанного с ним гибельного догматизма и авторитаризма. Трансформацию капиталистического общества он определял как революцию, хотя и мирную, но направленную не на улучшение капитализма, а на преобразование его в "общество, в котором логика общности и взаимодействия будет преобладать над конкуренцией и индивидуализмом".

Таковы были идейные приоритеты, сложившиеся у Томпсона в пору работы над его знаменитой книгой и отразившиеся на ее концепции. Основываясь на большом эмпирическом материале, ученый показал, что английский рабочий класс в XIX в. был гораздо более гетерогенным, чем это представлялось в классической марксистской теории. При этом, опять-таки вопреки этой теории, он доказывал, что самым революционным, "ударным" отрядом рабочего класса были не фабричные рабочие, а "депрессивные ремесленники". Соответственно этому в ином свете предстает и характер рабочего движения. Во многих городах, включая крупные индустриальные центры, пишет Томпсон, действительное ядро рабочего движения составляли главным образом ремесленники: сапожники, обувщики, строительные рабочие, мелкие торговцы и т.п.

Следовательно, не существовало и единого классового сознания. Оно, справедливо полагает Томпсон, отнюдь не является автоматическим следствием утверждения капиталистического способа производства, а представляет продукт длительного исторического развития, решающим образом связанного с действиями индивидов, формулирующих новый образ восприятия себя в отношении к другим. Собственно, становление классового сознания и составляет главный сюжет его книги. Томпсон выделяет ключевые факторы этого процесса, концентрирующиеся вокруг творческого отношения индивидов к окружающей социальной среде и трудного выбора в изменяющейся действительности. Сквозь его призму рассматриваются социальные последствия промышленного переворота и порожденные им протестные движения английских рабочих, включая их высшую форму – чартизм.

Подчеркну, что эти вопросы, составляющие в своей совокупности проблематику книги "Становление английского рабочего класса", исследуются в русле обозначенной еще Энгельсом марксистской тради-

ции. Но традиции, обогащенной новейшими исследовательскими подходами, делающей ее более убедительной.

Вот показательный пример. Как уже говорилось, Энгельс утверждал, что важнейшим социальным последствием промышленного переворота в Англии стало резкое ухудшение положения рабочего класса. В XX в. это утверждение стало уязвимым для критики, так как благодаря широкому привлечению данных статистики было доказано, что экономическое положение английских рабочих вследствие промышленного переворота в целом улучшилось: увеличилась заработная плата, вырос средний уровень потребления и т.п.

Этой оптимистической картине Томпсон противопоставляет социально-психологический анализ положения различных слоев рабочего класса в эпоху промышленного переворота, приводящий к иным, гораздо менее радужным выводам. Он показывает, что резко усилившаяся интенсификация труда негативно сказалась на морально-психологическом состоянии рабочих, восприятию ими окружающего мира и своего в нем места, что постоянно укрепляло у них ощущение отчужденности от враждебного им общества. В итоге Томпсон формулирует парадокс социальных последствий промышленного переворота: несмотря на действительно имевшее место улучшение своего материального положения, рабочий класс чувствовал себя более, чем раньше, незащищенным и несчастным, воспринимая свое положение в обществе как катастрофическое²⁶. Так, в свете современного научного знания прав оказался Энгельс, а не его критики.

Столь же плодотворным явилось использование междисциплинарного подхода в изучении крупнейших проявлений классовой борьбы того времени – движения луддитов и чартизма²⁷. Отвергая традиционные представления о луддитах как слепых разрушителях машин, Томпсон реконструирует их вполне рациональную программу защиты свободного квалифицированного труда и демократизации государства. Он описывает особую "луддитскую культуру" как богатую социально-психологическую традицию коллективного взаимодействия рабочих, подготовившую чартистское движение, которое явилось закономерным итогом процесса становления рабочего класса в Англии.

Так в творчестве Томпсона на первый план вышло изучение массового сознания и поведения как главной исследовательской задачи "новой со-

²⁶ Tompson E.P. *The Making of English Working Class*. P. 231.

²⁷ Подробнее об этой книге Томпсона и ее значении для дальнейшего исследования истории рабочего класса см.: Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. *Современная историография Великобритании*. С. 161-167.

циальной истории". Обращение к этой проблематике, как мы могли убедиться, имело своим исходным пунктом марксистское понимание истории. Однако в конечном итоге оно неизбежно вело к пересмотру некоторых положений метода Маркса, в особенности присущего ему жесткого экономического детерминизма. Суть этого пересмотра и вместе с тем основного направления творческих поисков английского ученого емко выразил Дж. Иггерс, озаглавивший в своей книге "Историческая наука в XX в." раздел, где речь идет о Томпсоне, "Марксистская историография на пути от исторического материализма к критической антропологии". Об антропологических исследованиях ученого я еще буду говорить. Сейчас же остановлюсь подробнее на его отношении к марксизму.

Это отношение в развернутом виде Э. Томпсон выразил в книге "Нищета теории" (1978). Присмотримся к ее основным положениям, поскольку они представляются характерными для общего отношения к методу Маркса в современной западной марксистской историографии, позволяя разглядеть как черты преемственности с классическим марксизмом, так и своеобразие ее методологических подходов, отражающих современный уровень научного знания.

Начнем с того, что критика метода Маркса не означает отречение от него. Томпсон называет себя историком-марксистом. Быть марксистским историком, поясняет он, означает, что его исходные гипотезы основываются на таких достаточно общих концептах, как классы, эксплуатация, одурманивающая роль религии, которые он будет стремиться "подкрепить" соответствующими данными. Но если историк нашел эти концепты не соответствующими или противоречащими конкретным эмпирическим свидетельствам, он должен пересмотреть или отбросить свои первоначальные гипотезы²⁸.

С этих позиций Томпсон подходит к определению своего отношения к Марксову пониманию исторического детерминизма. Саму по себе идею исторического детерминизма он разделяет, отмечая наличие в истории всеобщей каузальной связи. Однако природа этой связи описывается им иначе, чем в классическом марксизме. Обращение в собственной исследовательской практике к поведению и чувствам людей, внимание к деятельности индивидов вело к расширению самого понятия "исторический детерминизм" и, соответственно, к отказу от сведения каузальных связей к экономическим детерминантам.

Э. Томпсон развивает собственную концепцию исторической причинности, в которой значительная роль отводится деятельности инди-

²⁸ См.: Thompson E.P. *The Poverty of Theory and Other Essays*. New York. 1978. P. 45-46.

видов. Жизнь человека, поясняет он, разворачивается на многих уровнях: экономическом, политическом, психологическом, биологическом, – и каждый из них может в определенное время представлять каузальный приоритет в детерминации данного структурирования событий. Эти уровни постоянно взаимодействуют друг с другом, что делает невозможным сведение всех исторических перемен к воздействиям какой-либо одной причины, пусть и действительно важной.

В качестве примера Томпсон подробно описывает историю некоей женщины, которая была профсоюзным лидером на своей фабрике, активным членом лейбористской партии, прихожанкой англиканской церкви, музыкантшей-любительницей, матерью трех детей, женой одного мужчины и любовницей другого. Все эти ипостаси, замечает ученый, играли важную роль в детерминации жизни этой женщины, но ни одна из них не являлась решающей. Единственный способ понять эту жизнь заключается в том, чтобы не руководствоваться социологической теорией, а просто наблюдать ее историю, которая отражает тотальность каузальных отношений, пронизывающих все ее существование.

Так объясняется название книги Томпсона, кстати сказать, поразительно напоминающее название известной книги Маркса "Нищета философии". Его можно истолковать в том смысле, что никакая теория, включая марксистскую социологию (исторический материализм), не в состоянии полностью объяснить историческое прошлое, так как в "нормальный" ход истории, постулируемый этой теорией, врывается такое непредсказуемое и многомерное существо, как человек. Не сводимая к абстрактным категориям теоретической мысли, человеческая личность обладает огромным творческим потенциалом, вследствие чего, изменяя себя, она изменяет и структуры, в которые она входит. Но этот потенциал не беспределен. Границу его составляет социальная среда, в которой находятся люди, и которая ограничивает свободу их воли, препятствуя индивидам в их усилиях, направленных на достижение своих целей.

В итоге Томпсон приходит к выводу, что конечным результатом подобных усилий является такое общественное состояние, которое никто не мог полностью предвидеть или предполагать. Он указывает на амбивалентность исторического процесса, в котором присутствует как объективное, так и субъективное начало. Не сводимые друг к другу, они образуют "недобровольную детерминацию" исторического процесса.

Но тем самым, полагает английский ученый, возможно объективное познание прошлой действительности, складывающейся из взаимодействия этих начал. На многих страницах своей книги он защищает идеал

исторической объективности, резко выступая против "интеллектуальной моды", утверждающей субъективность исторического знания.

Историческая эпистемология Томпсона заслуживает специального внимания, так как, будучи характерной для всего марксистского направления в западной историографии, она позволяет особенно наглядно показать его соотношение с классическим марксизмом в подходе к центральной историко-методологической проблеме – проблеме исторической истины. Следуя классической традиции, Томпсон признает существование исторической истины и возможность ее достижения в научном познании. Однако понимание самой природы истины включает в себя очевидный релятивистский налет. Это истина-гипотеза, ибо наше знание черпается из потенциально ограниченных источников, вследствие чего вытекающая отсюда интерпретация по необходимости будет условной и избирательной. Поэтому, полагает ученый, историк оперирует гипотезами, которые не могут быть доказанными, так как они опираются на достаточно неопределенные знания, в отношении которых мы можем быть уверенными только в том, что они не являются заведомой ложью.

Тем не менее Томпсон был убежден, что даже такая ограниченная база позволяет историкам представлять удовлетворительное объяснение причин исторических событий и их взаимосвязи. Другое дело, полагал ученый, что оно требует расширения исследовательского поля по сравнению с тем, на котором оперировал классический марксизм. Мы могли видеть такое расширение уже в книге "Становление английского рабочего класса", где автор в своем исследовании далеко вышел за рамки традиционной социально-экономической истории, обратившись к данным и методам социальной психологии.

В его дальнейших трудах это исследовательское поле еще более расширяется за счет последовательного применения антропологического подхода к изучению истории. Показательным примером может служить сборник его статей, опубликованных в 70-е гг., озаглавленный "Плебейская культура и моральная экономия"²⁹. Остановлюсь на одной из них, имеющей принципиальное значение, "Этнология, антропология, социальная история", в которой не только утверждается необходимость использования историками данных социальной антропологии, но и содержатся впечатляющие примеры такого использования.

Статья написана в русле устойчивого интереса к социальной антропологии, присущего английским историкам, группировавшимся вокруг

²⁹ См.: Thompson. Plebeische Kultur und moralische Ökonomie. Aufsätze zur englischen Sozialgeschichte des 18. und 19. Jahrhunderts. Frankfurt A.M. 1980.

журнала "Past and Present". Там еще в начале 60-х гг. была опубликована программная статья, указывавшая на значение детализированного изучения повседневного опыта исторически меняющихся локальных сообществ традиционного типа и применения историками разработанных в социальной антропологии методов для анализа партикулярных общественных связей³⁰. Иными словами, речь шла о необходимости развертывания историко-антропологических исследований доиндустриальных обществ.

Удачный опыт такого исследования, раскрывающий возможности антропологического подхода к изучению истории, демонстрирует названная статья Томпсона, реконструирующая социокультурный контекст английского прединдустриального общества.

Решение этой задачи предполагало не столько накопление новых источников, сколько переосмысление уже имевшихся. Так, к собранным английскими этнологами материалам Томпсон обращает новые вопросы, ответы на которые существенно меняют традиционное представление об этом обществе. Место политиков, генералов, мыслителей и других главных действующих лиц на исторической арене занимают персонами, которых всегда считали статистами на ее подмостках. Соответственно, изменяется исследовательская проблематика. На передний план выходит изучение сознания и повседневной жизни социальных низов, включая различные формы протестного движения.

Особое влияние Томпсон уделяет изучению ритуалов, присущих народной культуре, рационализируя самые, казалось бы, странные и "варварские" из них. Такой, например, как ритуал "продажи женщин", распространенный в английских низах в XVIII и даже XIX в. Муж сообщал жене о своем намерении продать ее с аукциона. В назначенный день с наброшенной на шею или на талию веревкой ее вели на скотный двор. Там происходили торги, в которых бывший муж выступал в роли аукциониста. Он же обычно платил за выпивку, завершавшую акт продажи. Действительно, все это казалось позором для цивилизованной Англии, о чем с возмущением писали газетчики в своих заметках и даже этнологи в своих сочинениях.

Томпсон, однако, обращаясь к социоантропологическому анализу этого ритуала, предлагает совсем иное его объяснение. В свете этого анализа вырисовывается совершенно другая картина. "Продажа женщин" была формой развода в плебейской, по определению ученого, культуре, поскольку иной, более цивилизованной формы она не знала. На основании анализа описанных газетчиками и этнологами трехсот

³⁰ См.: Thomas K. *History and Anthropology* // *Past and Present*. 1963. N 24. P. 3-23.

случаев этого ритуала Томпсон убедительно показал его подлинный смысл. Почти в каждом из них брак был фактически уже разорван и "продажа" являлась открытым объявлением этого. "Покупатель" знал об этом или даже был любовником "продаваемой" женщины. Другими словами, это был заранее согласованный обмен партнерами, что свидетельствовало, по убеждению Томпсона, о признании большей сексуальной свободы и народной легитимизации развода.

Обращение Томпсона к этому экзотическому ритуалу имело и еще одну, более широкую цель. Он служил одним из аргументов в обосновании центрального положения английского ученого о высокой степени самостоятельности народной (плебейской) культуры. По существу все опубликованные в сборнике "Плебейская культура и моральная экономика" статьи посвящены разносторонней характеристике этой, как именовал ее Томпсон, "консервативно-мятежной" культуры. Сквозь ее призму он рассматривает английское общество XVIII в., определяя его "силовое поле": отношения между плебсом и джентри, их отталкивание и взаимозависимость.

Специально эта проблема исследуется в его статье "Английское общество XVIII в. Классовая борьба в отсутствие класса?" Обратите внимание на сам заголовок. Он мне кажется символическим выражением отношения Томпсона к классическому марксизму. Ученый воспринимает и широко использует терминологию Маркса, но приходит к нетривиальным результатам, отвергающим марксистскую ортодоксию. В самом деле, возможна ли классовая борьба в отсутствие классов? Томпсон не только дает на этот вопрос убедительный ответ, но и пытается его обосновать, рассматривая разные формы протестного движения низов, когда, по его убеждению, в Англии еще не сложился единый господствующий класс, способный контролировать всю жизнь страны³¹.

Подведем итоги. Эпистемология Э. Томпсона носит выраженный плюралистический характер. В его историографической практике легко различимы разные, подчас конкурирующие друг с другом исследовательские стратегии, ни одна из которых не может претендовать на продуцирование единственно верной истины. Это, разумеется, относится и к марксизму. Исторический метод Маркса по-прежнему сохраняет для Томпсона важное эвристическое значение. Он находится в основании

³¹ См. принадлежащий С.В. Оболенской реферативный обзор книги Э.П. Томпсона "Плебейская культура и моральная экономика", материалы которого обильно используются в этом разделе // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996, в особенности С. 180-181; 183-193.

всех построений ученого, составляет их исходный пункт. Но это не совокупность не подлежащих обсуждению непогрешимых догматов. В свете новейших исследовательских подходов Томпсон подвергает этот метод критическому анализу, отвергая одни его положения, модернизируя другие и делая его, таким образом, достоянием современной науки.

Итак, понятие "ренессанс Маркса" следует рассматривать в достаточно условном смысле. Западная историография даже в рамках своего марксистского направления оставалась плюралистической. Исторический метод Маркса использовался наряду с другими исследовательскими стратегиями, дополнявшими и корректировавшими его. Это был марксизм, критически осмысленный сквозь призму социально-политического и научного опыта XX в.

Модифицированный таким образом марксизм сам, в свою очередь, стал существенным фактором модернизации исторической науки. И, конечно, не только английской. Как справедливо замечает Л.П. Репина, "влияние марксизма распространялось на всю европейскую историографию того времени. Столь многое из марксистского социального анализа было воспринято немарксистами и даже враждебными критиками и нашло свое выражение в развитии целого ряда теорий среднего уровня, способных иметь дело с эмпирическими данными и конкретными ситуациями в анализе индивидуальной и групповой деятельности, сочетая анализ структур с изучением общественного сознания, что в некотором смысле (если оставить за скобками концепцию центрального ядра) всю социальную историю можно было бы назвать в той или иной мере "марксистской"³².

Возможно, в этой заключительной фразе содержится некоторое преувеличение. Но это никак не снижает значения общего вывода о выдающейся роли исторического метода Маркса в становлении "новой исторической науки".

³² Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. С. 57.

ПОДВОДЯ ЧЕРТУ

"Ренессанс Маркса" явился заключительной фазой целой эпохи в развитии исторической мысли XX в., которая может быть обозначена как преодоление кризиса историзма. Это был сложный многофакторный процесс, генетически связанный с фундаментальными переменами, происходившими в самом западном обществе. Никак не спрямляя эту связь, подчеркнем вместе с тем, что за самыми, казалось бы, отвлеченными теоретико-методологическими дискуссиями стояла динамика живой жизни, вектор которой отражался в самосознании исторической науки на разных этапах ее развития в ушедшем столетии, оказывая существенное воздействие на происходившие в ней глубинные сдвиги.

Если "кризис основ" западной историографии был вызван обрушившимися на буржуазное общество в первой половине XX в. катастрофическими потрясениями, то стабилизация этого общества во второй половине столетия способствовала в конечном итоге преодолению кризиса в его наиболее разрушительной форме. В обществе, обретшем веру в свое настоящее и будущее, оказалось востребованным и знание прошлого; восстанавливалась связь времен, подорванная в катаклизмах двух мировых войн и революций. Институциональным выражением этих перемен в общественном сознании явилось становление "новой научной истории", вобравшей в себя уверенность общества, пережившего самый глубокий за всю свою историю системный кризис.

Не будем идеализировать духовное здоровье этого общества, продолжающего переживать перманентные потрясения в разных сферах своей жизни. Но признаем, что эти потрясения перестали носить системный характер, ставящий под угрозу самое его существование. Соответственно, в его мировосприятии преобладает оптимистический настрой, находящий свое выражение в историческом сознании.

Поостережемся, однако, проводить жесткие параллели между развитием общества и исторической мысли: основоположники "Анналов" начали свои бои за "новую историю" в ситуации, когда политические потрясения переплелись с самым разрушительным за всю историю ка-

питализма экономическим кризисом. Совершенный "Анналами" прорыв в понимании и изучении истории намного опередил наметившиеся значительно позднее в западном обществе стабилизационные процессы.

Но не будем упускать из виду и другое. Идеи "Анналов" были широко востребованы на Западе именно в пору его стабилизации. Востребованы, следует обязательно добавить, в силу внутренних сдвигов, происходивших в послевоенной западной, в особенности англо-американской, историографии. В самом общем виде их суть может быть определена как реакция на достигшее в первое послевоенное десятилетие своей кульминации субъективистско-презентистское отрицание научности истории.

На уровне философской теории эта реакция получила законченное выражение в неопозитивистской критике неокантианского идиографизма. Были, конечно, также другие объекты критики. Назовем среди них иррационалистические и релятивистски-презентистские интерпретации истории, сводившие ее значение к "функции современности", являющейся не более, чем "актом веры", не имеющим под собою строгих логических оснований и не обладающим системой рациональных познавательных процедур да, собственно, и не нуждающихся в ней. В такого рода интерпретациях ярче всего проявился "кризис основ", поразивший в XX в. западную историографию и поставивший ее на грань самоотрицания как научной дисциплины. Она уступала свою традиционную нишу в западной культуре более удачливым соперницам из числа наук о человеке, претендовавшим на научное постижение катаклизмов своего времени. Вопрос, зачем еще история, подразумевал продолжение: "...если есть экономика, социология, политология и другие науки, дающие в своей совокупности образ мира, в котором больше не оставалось места для исторического измерения".

И все же "кризис основ" был прежде всего кризисом неокантианского идиографизма с его противопоставлением наук индивидуализирующих и генерализирующих. Доведенное до логического конца, это противопоставление выводило историческое знание за пределы научного и тем самым лишало историю былого профессионального и социального статуса. Вот почему и в теоретико-методологической сфере, и в историографической практике борьба за новую историческую науку фокусировалась вокруг поставленной неокантианцами проблематики.

Предлагавшееся в рамках неопозитивизма ее решение не явилось тотальным отрицанием неокантианской методологии. Она сохраняла свое значение исходного пункта в обсуждении природы исторического познания, указывая на его специфику. Но была преодолена абсолютизация

индивидуализирующего начала в трактовке этого познания и, соответственно, было обосновано понимание истории как индивидуализирующе-генерализирующей науки, способной на своем уровне применять логические и рациональные процедуры, открывающие возможность получения научного знания о человеческом прошлом. Акцентируя внимание на этих процедурах, неопозитивисты вслед за "Анналами", но на уровне философской теории, обосновали неустранимо присущую историческому познанию потребность генерализации. Перефразируя известное выражение М. Вебера, можно сказать, что в рамках неопозитивизма произошло "позитивное преодоление" неокантианства, способствовавшее радикальной модернизации исторической науки в условиях научно-технической революции при сохранении ее дисциплинарной специфики.

Эта модернизация осуществлялась под знаком двух "ренессансов" – Вебера и Маркса, существенно повлиявших на ее теоретико-методологические основания. При всем концептуальном различии этих мыслителей оба они принадлежали великой традиции европейского историзма, составлявшей одну из духовных основ западной цивилизации. Обращение к их творческому наследию в атмосфере утраты общественного доверия к исторической науке укрепляло социо-культурный потенциал того общества, которое столетиями жило историей, мыслило историческими образами и реминисценциями.

Так к 60-м гг. прошлого столетия сложились объективные и субъективные предпосылки уверенного преодоления общего кризиса исторической науки. На смену распространенным сентенциям о "преодолении прошлого" и "прощании с историей" ввиду ее бесполезности для настоящего пришло ясное понимание органической связи времен и вытекающей отсюда социальной значимости истории, создающей научный образ человеческого прошлого. Очерченные школой "Анналов" контуры "новой истории" стали доминирующей тенденцией в развитии западной исторической мысли. Тенденцией, из которой выросла "истриографическая революция" 1960 – 70-х гг., едва ли ни самая масштабная из всех, когда-либо переживавшихся нашей дисциплиной за всю ее многовековую историю

Об этой революции пойдет речь в следующем выпуске курса. Сейчас же осталось только подчеркнуть значение рассмотренного периода для ее подготовки, выразившееся в становлении "новой научной истории".

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ко всему курсу

Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. М., 2000.

К лекции I–IV

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд., доп. М., 1986.

Блок М. Короли-чудотворцы. М., 1998.

Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1: Роль среды. М., 2002.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. М., 1986-1992. Т. 1-3.

Бродель Ф. Динамика капитализма. М., 1993.

Бродель Ф. Что такое Франция? М., 1994-1997. Кн. 1-2.

Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977.

Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики. Французская историческая школа "Анналов" в современной буржуазной историографии. М., 1980.

Афанасьев Ю.Н. Фернан Бродель и его видение истории // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1986. Т. 1.

Афанасьев Ю.Н. Ведущее направление французской историографии // Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. М., 1989.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа "Анналов". М., 1993.

Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

Гуревич А.Я. "Добротное ремесло" (первая биография Марка Блока) // Одиссей. Человек в истории 1991. М., 1991.

Гуревич А.Я. Загадка школы "Анналов" // *Arbor Mundi*. Мировое древо. 1993. № 2.

Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1985.

Далин В.М. Историки Франции XIX-XX веков. М., 1981.

Данилов А.И. Историческое событие и историческая наука // Средние века. М., 1980. Вып. 43.

Изергин А.М. "Глобальная история" Фернана Броделя: вопросы методологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1995.

Ле Гофф Ж. Предисловие // Блок М. Короли-чудотворцы. М., 1998.

Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. Томск, 2002.

Садретдинов Г.К. К характеристике становления и эволюции общео- исторических взглядов Анри Пиренна // Методологические и историо- графические вопросы исторической науки. Томск, 1969. Вып. 6.

Соколова М.Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979.

Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы "Анналов". М., 1993.

Ходонов А.С. Теоретико-методологические взгляды Марка Блока: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985.

К лекции V

Белл Д. Грядущее – постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М., 1999.

Гемпель К. Методы и "охватывающие" законы в историческом объяснении // *Философия и методология истории*. М., 1977.

Гемпель К. Функция общих законов // *Время мира*. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск, 2000.

Данто А. Аналитическая философия истории. М., 2002.

Карр Э. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917-1922. М., 1990.

Поппер К. Логика социальных наук // *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики*. М., 2000.

Поппер К. Исторические объяснение // *Там же*.

Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.

Виноградов К.Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л., 1975.

Данилов А.И. О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки // Вопросы истории. 1961. № 3.

К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной исторической мысли. Томск, 1994.

Кон И.С. К спорам о логике исторического объяснения (схема Поппера-Гемпеля и ее критики) // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

Кунина А.Е. Проблемы методологии в журнале "История и теория" // Новая и новейшая история. 2001. № 5.

Лооне Э.Н. Возникновение и развитие аналитической философии истории // Вопросы философии. 1974. № 6.

Нейман А.М. Некоторые тенденции развития современной немарксистской исторической мысли в Англии и теоретико-познавательные воззрения Э. Карра // Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969.

Неретина С.С. История с методологией истории // Вопросы философии. 1990. № 9.

Патрушев А.А. Неолиберальная историография ФРГ: формирование, методология, концепции. М., 1981.

Порк А.А. Историческое объяснение: Критический анализ немарксистских теорий. Таллин, 1981.

Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998.

Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. М., 1989.

Шарифжанов И.И. Современная английская буржуазная историография. М., 1984.

К лекции VI

История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.

Конфорт М. Открытая философия и открытое общество. М., 1972.

Мортон А.Л. История Англии. М., 1950.

Хилтон Р. и Фаган Г. Восстание английского народа в 1381 г. М., 1952.

Москвитина Н.С. Социально-критическое течение в историографии ФРГ: становление и эволюция: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1988.

Репина Л.П. Марксизм и развитие прогрессивной историографии в Великобритании после Второй мировой войны // Марксизм-ленинизм и развитие исторической науки в странах Западной Европы и Америки. Т. 2. М., 1985.

Репина Л.П. Современная демократическая историография в Великобритании: организация, проблематика, методология // Проблемы британской истории. М., 1987.

Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. М., 1997.

Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная историография Великобритании. М., 1991.

Именной указатель*

- Александр Македонский 126
Афанасьев Ю.Н. 11, 61, 63, 69–72, 86, 87, 89
Барраклоу Дж. 146, 153
Бахтин М.М. 59
Бенсон Л. 120
Берк П. 7, 39, 58, 72, 147
Берлин И. 116, 119, 148
Берр А. 9, 10, 13, 40, 57
Блок М. 3, 6, 7, 9–11, 13–17, 19–23, 25–28, 34–36, 38–56, 58, 59, 61,
69, 71, 103, 117, 126, 143, 154
Бродель Ф. 3, 7, 62, 69–110, 133, 139, 146
Валлерстайн И. 7, 151
Вебер А. 136
Вебер М. 3, 8, 12, 96, 145, 150, 154, 167
Вейн П. 49
Велер Г.-У. 149
Вернадский Г.В. 145
Вильгельм II 148
Вольтер Ф.М.А. 18, 72
Гагарин Ю.А. 111
Галилей Г. 122
Гегель Г.В.Ф. 13, 126, 148
Гемпель К. 114
Гефтер М.Я. 112
Гиммельфарб Г. 54
Гитлер А. 127, 148
Глениссон Ж. 63
Гранвелла 78
Гуревич А.Я. 7, 25, 49, 59, 71, 81

* Составлен канд. ист. наук О.В. Хазановым

- Гутнова Е.В. 15
Гэлбрейт Дж. 138
Далин В.М. 10, 13, 49, 72, 73, 80, 86, 87, 89
Данилов А.И. 84, 112
Данто А. 117–119
Дарий III 126
Де Серто М. 63
Дэвис Н.З. 11
Дюркгейм Э. 9, 13
Жуков Е.Н. 112
Зверева Г.И. 154, 158
Зомбарт В. 94, 97
Иггерс Дж. 150, 159
Карл V 78
Карл Великий 14
Карлейль Т. 132
Карр Э. 122–125, 127–137, 140–142, 146–150
Кокка Ю. 149
Коллингвуд Р.Дж. 123
Кон И.С. 114
Конт О. 19
Коперник Н. 122
Кроче Б. 123
Кунина А.Е. 120
Лабрусс Э. 7
Ле Гофф Ж. 41, 43, 44
Леви-Стросс К. 72
Ленин В.И. 12, 17, 107, 129, 155, 169
Лефевр Ж. 7
Лютер М. 59
Мазлиш Б. 119
Маккарти Дж. 127
Маклвер 120
Маннгейм К. 132
Мандельбаум М. 120
Марвик А. 142, 143
Маркович М. 121, 122
Маркс К. 10–13, 24, 25, 86, 87, 92, 96, 100, 139, 143–150, 152, 154–156, 159, 160, 163–165, 167

- Милюков П.Н. 29
Мишле Ж. 17, 57
Моммзен Т. 126
Моррис Дж. 153
Мортон А.Л. 152, 153
Москвитина Н.С. 150
Неретина С.С. 112
Неру Дж. 154
Николай I 140
Николай II 148
Ницше Ф. 64
Нольте Э. 149
Оболенская С.В. 163
Ортега-и-Гассет Х. 22
Оукшотт М. 123
Пиренн А. 12, 14–16, 21, 22, 41, 46
Пламб Дж. 140, 142
Плеханов Г.В. 17
Поллард С. 139, 140, 142, 147
Поппер К. 114, 115, 133, 148
Пор 126
Рабле Ф. 59, 60, 63
Ранке Л. 36
Репина Л.П. 143, 152–154, 158, 164
Рикёр П. 110
Риттер Г. 69
Ришелье А.Ж. 34
Робеспьер М. 35
Рокфеллер 62
Ростоу У. 138
Руссо Ж.Ж. 94
Рюде Дж. 152
Садретдинов Г.К. 15
Сартр Ж.-П. 22
Сахаров А.Д. 138
Сеньобос Ш. 29
Согрин В.В. 154, 158
Сталин И.В. 111, 127, 129, 151
Стерн А. 22, 116
Сулла К. 34

- Тойнби А.Дж. 131
Томпсон Э.Р. 152, 154, 164
Уайт Д. 106
Уайт М. 120
Фабер К.-Г. 149
Фаган Г. 152
Февр Л. 3, 6–20, 22–24, 28–33, 39–41, 46, 50, 51, 54–69, 71–73, 79,
80, 109, 110, 154
Филипп II 57, 71, 72, 74–78
Форд Г. 62
Фрейд З. 149
Хантингтон С. 66
Хейзинга Й. 16, 17
Хекстер Д. 89
Хилл К. 152
Хилтон Р. 152
Хобсбоум Э. 152, 153
Ходонов А.С. 50
Хомуэй С. 120
Хьюз Х.С. 7, 116, 117
Цезарь Ю. 126
Чемберлен Н. 127
Шарифжанов И.И. 140, 142, 143, 147
Шпенглер О. 73, 102
Шумпетер Й. 81
Элтон Дж. 132
Энгельс Ф. 13, 24, 25, 128, 144, 145, 148, 155–158
Эрдман К. 146

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступление</i>	3
<i>Лекция I. Возникновение школы "Анналов"</i>	6
1. Теоретические истоки	8
2. Историческая концепция школы "Анналов"	19
<i>Лекция II. Марк Блок: символ "Анналов"</i>	39
1. На пути к "Анналам"	39
2. "Короли-чудотворцы"	41
3. Основание "Анналов". Исследования по аграрной истории	46
4. Война. Последние годы жизни М. Блока	49
<i>Лекция III "Анналы" после II Мировой войны. Люсьен Февр</i>	56
1. Путь в науке	57
2. "Анналы" в системе послевоенного гуманитарного образования во Франции	61
3. "Бои за историю"	63
<i>Лекция IV. Второе поколение "Анналов". "Глобальная история" Фернана Броделя</i>	70
1. На пути к "глобальной истории"	72
2. Историко-теоретические взгляды	80
3. "Материальная цивилизация, экономика и капитализм": пределы "глобальной истории"	87

Лекция V. Западная историческая мысль 1960-х годов: преодоление "кризиса основ".....	111
1. Неопозитивизм против неокантианского идиографизма	113
2. Эдвард Карр: "Что такое история?".....	122
3. Возвращение идеи прогресса.....	137
Лекция VI Западная историческая мысль и марксизм (1960 – 1970-е гг.)	144
1. "Ренессанс марксизма" в западной историографии.....	145
2. Марксистское направление в английской историографии.....	152
3. Эдвард Палмер Томпсон – "гуманистический марксист".....	154
Подводя черту.....	165
Источники и литература.....	168
Ко всему курсу	168
К лекции I–IV	168
К лекции V	169
К лекции VI.....	170
Именной указатель.....	172

Учебное издание

Борис Георгиевич Могильницкий

История исторической мысли XX века: Курс лекций
Выпуск II: Становление "новой исторической науки"

Редактор *В.С. Сумарокова*
Компьютерная верстка: *Д.М. Кижнер*

Лицензия ИД № 04617 от 24.04.01 г. Подписано в печать 25.04.2003.

Формат 60x 84¹/₁₆. Бумага офсетная №1.

Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печ. л. 13,1; усл.печ. л. 12,2; уч.-изд. 12,5. Тираж 1000. Заказ № 1327.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.
ОГУП «Асиновская типография», г. Асино, ул. Проектная, 22

1-980074

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00694087